

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

2. 2026

Торжественные мероприятия, посвященные
Дню возрождения балкарского народа. 28.03.26

12+

**Литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

**Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Готов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. сек.)
Мухамед Хафиц**

Общественный совет:

**Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Николай Маслов
Хаути Сохроков
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Наталья Шинкарева
Сафарби Шхагапсоев**

2. 2026 МАРТ–АПРЕЛЬ

Танзиля ЗУМАКУЛОВА,
народный поэт Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии,
лауреат Государственной премии РСФСР им. Горького

МЫ НАВЕКИ ОБЪЕДИНЕННЫ...

РАЗГОВОР С КЯЗИМОМ¹

1

В этом мире легко я и трудно жила,
На тебя быть стараясь похожей...
Твоей горькой воды я, Кязим, испила,
Той же жаждой томилась я тоже.

Я горела, как ты, в тех же самых кострах,
В тех краях, полных плача и стона...
Тем завидуя тайно, чей горестный прах
Был в родимых горах погребённым.

Хоть железо ковать не умела, как ты,
Времена меня не пощадили –
Зарывая живьём и талант, и мечты,
Больно били и всё ж не сгубили.

В кровь колючки мои раздирали ступни
Псам жестокого века в угоду...
И тогда я скалой становилась, как ты,
Вдохновлённая духом народа.

Спотыкаясь о камни чужбины порой,
Я рыдала до изнеможенья,
И сама превращалась я в камень немой,
Не страшась своего поражения.

И живых я и мёртвых оплакала там,
Но расправила крылья, как птица,

¹ Кязим Беккиевич Мечиев (1859 – 1945) – великий балкарский поэт, просветитель, философ-гуманист, основоположник современной балкарской поэзии и литературного балкарского языка, член Союза писателей СССР с 1940 года.

Чтоб на родине горной, высокой, как храм,
На священных камнях воцариться.

Что мне троны царей, их фальшивый закон,
Перед ним я вовек не робела...
Эти камни родные – единственный трон,
Только к ним я душой прикипела.

Припадала я с жадностью к горной реке,
Восходила к вершинам отважно,
Чтобы песни слагать на родном языке,
Утоляя духовную жажду.

Без тебя я вернулась на землю отцов,
Так прости меня великодушно,
Что жива я, хоть смерти смотрела в лицо,
Клятвы чести своей не нарушив.

Я надеюсь, Кязим, защитит мой народ
Это в бурю рожденное слово –
Однодневкой не станет и не пропадёт
На земле наших предков суровых.

2

Кязим, я бывала в Стамбуле не раз,
В Париже и в Риме подолгу гостила,
Объехала весь благодатный Кавказ...
Но в этом ли счастье и в этом ли сила?

Я множество книг прочитала, Кязим,
В Кремле заседала на съездах серьезных...
Порой моё слово валяли в грязи,
Но чаще пути устилали мне розы.

И стоя, мне рукоплескали не раз
Огромные залы в далёких столицах,
Награды вручали и не напоказ
В президиумы предлагали садиться.

Но золотом я не прельстилась дворцов,
Везде оставаясь горянкой простою...
И Богу хвала – никогда подлецов
Не славил слово моё недостойно.

Когда я поверила в славу свою,
Когда так светло я и радостно пела,
Судьба замерла вдруг на самом краю,
Не только моя, но и родины целой.

Безумные ветры настигли страну
И в мелкие клочья её разорвали,
Как самую звонкую в сердце струну,
Которую восстановлю я едва ли...

Народы, как туча, накрыла беда,
И поросль зелёную выбила градом...
И гибель Отчизны оплакать тогда
Со мною поэзия встала лишь рядом.

Заступницей стала я веры своей,
Которую вырвать из сердца непросто,
И предана я высоте тех идей,
Что ниже не стали ни духом, ни ростом.

И почерк мой не изменился ничуть –
Он верен стране, нашим горным вершинам,
Народу, который нельзя обмануть,
Хоть время наделало много ошибок.

Пусть жизнь моя сбавила прежний разбег,
Любовь к ней опять свежим ветром ворвётся –
Народ мой, язык мой, я с вами навек,
И верю, моё не закатится солнце.

РОССИЯ

Сколько ни ругали бы Россию,
Ни топили в океане лжи...
В мире нет страны с такою силой
Верующей в праведность души!

Как бы откровенно ни старались
Недруги её оклеветать,

Очернить Россию им едва ли –
Гениев и правдолюбцев мать.

Всем она протягивает руку,
Разгоняя в мире вороньё.
Крепости – поэзия с наукой –
Обереги вечные её.

Потому у стран она в почёте,
Что своё достоинство хранят.
Белое вовек не станет чёрным,
У России крепкая броня.

Отчий дом – великая Россия,
Где един народов наших дух!
И в единстве этом – наша сила,
Что лелеет вечную мечту.

Открывая горизонты странам,
Сеет в мире семена добра.
Вопреки изменам и обману,
Как всегда, гуманна и щедра.

И цари уходят, и генсеки –
Неизбежен лет круговорот.
Но Россия не уйдёт веками,
Не исчезнет мудрый наш народ.

Будут жить Кулиев и Гамзатов,
Славных всех имён мне здесь не счесть...
Все мы для Отечества – солдаты,
Для которых главное – их честь.

Без России мир – земля без неба,
Гол, как сирота, он и убог...
Всех она накормит своим хлебом,
И не зря ей помогает Бог.

Словно мать, нужна она Кавказу,
И Кавказ ей нужен, словно сын.
Он не подводил её ни разу,
Честь не уронив своих вершин.

Он – её надёжная опора,
А она опора всей земли...
И никто не сдвинет эти горы,
Чтоб в Россию недруги зашли.

Не шумите, ветры и бураны,
Испытаний грозных пробил час...
Старые зажили наши раны,
Предан клятве верности Кавказ!

Нас очаг единства согревает,
Прометея в нём горит огонь...
И хоть в мире зла ещё хватает,
Но Россия победит его!

Меня в огонь швыряли столько раз
И кипятком ошпаривали тело...
Когда в глаза мне льстили напоказ,
Колючки в спину тыкали умело.
Злословили, не закрывая рта,
И двери в ад мне отворить хотели...
Как уцелела я среди этих псов,
Как целиком они меня не съели?

МОЯ БАЛКАРИЯ

Чтобы пяти родов ¹ твоих, отчизна,
Судьба была грядущая светла,
Будь у меня хотя б ещё пять жизней,
Без сожаленья все бы отдала.

Чтоб этими крестьянскими руками
Писать стихи о родине и впредь,
Я, обнимая крепко твои камни,
Легко бы согласилась умереть.

¹ В 1861 году Кабарда с Пятью горскими обществами, населёнными балкарцами, вошла в состав Терской области Российской империи, что не в полной мере отражало границы этнических территорий.

Наградой будет мне твой камень стойкий,
Прекрасная Балкария моя,
Всех бед твоих и всех твоих достоинств
Здесь не сумею перечислить я.

Моя сладкоязычная, родная,
Твоим поэтам целый мир внимал!
Моя чистосердечная, святая,
Твой гордый облик чище снега стал.

Так слово изречешь – алмазом блещет,
И слышат его на краю земли.
Танцуешь так, что мир весь рукоплещет
И эхом отзывается вдали.

На камне ты огонь разжечь сумеешь
И нежный сможешь вырастить цветок.
Народ твой не рассеяли злодеи,
В костре не затоптали огонёк.

Не обгорев, из пламени ты встала,
Колен не преклонив, честь сберегла,
Ты лучших вознесла на пьедесталы,
И старикам почёт ты воздала.

Дитя твоё, я вовсе не бессильна
И в трудный час опорой стать смогу!
И говор гор твоих снегообильных
От вечного забвенья сберегу.

Ещё болят в них вековые раны,
И камни их изъедены тоской...
Но позовёшь ты поздно или рано,
И я в любой пойти готова бой!

Чтоб одолеть врага, я стану пулей,
Чтоб остудить тебя, прольюсь дождем,
Чтоб каждого согреть в родном ауле,
Дровами стану, жарким очагом.

Балкария! Все выси и низины
Я светлой освещу своей строкой

И все печали я твои отрину,
Представив миру чистый облик твой.

На праздник твой я соберу народы
И золотом подол твой обошью...
И если Бог продлит ещё мне годы,
Тебе я песнь бессмертную спою.

И лишь тогда певцом народным стану
Под стать могучим нартам этих гор,
И буду воспевать их неустанно,
Когда уйду в космический простор!

ЕСТЬ У НЕГО БЕССМЕРТНАЯ ДУША

Народ наш ближе всех живёт к Аллаху,
Хоть горестей ему не занимать,
Не ведает ни злобы он, ни страха
И носит в своём сердце благодать.

Его земля – Кавказ высокогорный...
А имя нашей маленькой страны –
Балкария – мы произносим гордо,
Как дочери родные и сыны.

Пусть мало нас, зато душа бессмертна
У славного народа моего...
Не предал он корней своих и веры,
Хоть много вынес бед из-за того.

Из пламени, куда его бросали,
Он вышел закалённым, словно сталь...
А мужество его прочнее стали,
Ещё сильнее он в пекле этом стал.

Он свой родной язык хранил веками
В години испытаний и невзгод,
От нашей речи оживает камень,
И нежный эдельвейс на нём цветёт.

Я свой народ благодарю за это,
Не мал он, если сердцем так велик!
Его душа полна любви и света,
Бессмертны строки его лучших книг.

Всевышний, я прошу тебя о том,
Когда нагрянет старость ко мне в дом,
Рассудка не лишай меня, Господь,
Ведь он важней, чем немощная плоть.
А если вдруг оставишь без гроша,
Достоинства меня ты не лишай
И чести не унизь моей, Аллах,
Не дай мне пережить потери страх.
Не причини ужасную мне боль –
Детей родных оплакать не позволяй!
Молю, не дай, Всевышний, испытать
Мне в жизни одиночества печать.
И зренья меня ты не лишай,
Пока жива в стихах моих душа.
Но если станет мне совсем невмочь,
Ни сына не обременяй, ни дочь...
Коль мой огонь погаснет изнутри,
В тот день меня к себе ты заведи!

КАБАРДА

Добрым именем славится имя твоё,
Дорогая моя Кабарда!
Образ твой лучезарный я в сердце своём
Как святыню хранила всегда!

Наши горы родные люблю всей душой
И в медвяном цветении, и в снегу.
Воспеваю их в песнях, как мак полевой,
Восхищенье вплетая в строку.

В дни печали и радости вместе была
Я с прекрасным народом твоим,
По ушедшим с ним горькие слёзы лила,
И гордилась успехами с ним!

Из одних мы камней здесь построили дом
И одни собирали цветы.
Из одних родников воду чистую пьём
В окруженьи одной красоты.

Оступаемся мы на дороге одной,
Спотыкаясь о камни одни...
На одной мы земле благодатной живём,
Пусть Всевышний продлит наши дни!

Темиркановым я и Зубером горжусь
И Кешокова славлю талант.
На картины Абаева гордо гляжу
И Ворокова чту я дела ¹.

Этот список почётный продлится в веках,
Сила духа в народе жива...
И бессмертна она, как Кязима ² строка,
Где о чести и долге слова.

Когда звёзды тускнеют на небе ночном,
И погосты пустеют в горах,
Безутешные слёзы над предками льём,
Тех, что сгнули в чуждых краях.

Нашим кладбищам ты не дала зарости,
Родниковой иссякнуть воде.
Вместе с нами горяя на скорбном пути,
Нам сестрой оставалась в беде.

И к тебе я привязана, словно дитя,
К колыбели в родимых горах,
Наши сильные руки в объятьях сплетя,
На твоих я танцую пирах.

Не подпустим к себе подлецов и лжецов –
Мы навеки объединены...

¹ Юрий Темирканов, Зубер Тхагазитов, Алим Кешоков, Виктор Абаев, Владимир Вороков – известные кабардинские деятели культуры, искусства и литературы.

² Кязим – великий балкарский поэт и просветитель.

И пусть ветер времён злобно бьёт нам в лицо,
Будем вечно друг другу верны.

Нас единый очаг согревает с тобой,
Минги-Тау¹ вершины хранят...
Два крыла, два народа с единой судьбой
На стихи вдохновляют меня.

МАЛЫЕ НАРОДЫ

Народы малые, как дети,
Пускай наивны, но чисты...
Ни у кого на целом свете
Нет столько детской доброты.

Распахивая всем объятья,
Они ответной ласки ждут
И тянутся к другим, как братья,
Порой себе же на беду.

Любая грубость их обидит,
Унизит их любой упрёк...
Они чужих интриг не видят,
Им опыт горестный не впрок.

И мня себя богатырями,
Они берутся за дела –
Великие, хоть знают сами,
Что сила древняя ушла.

Не победив несправедливость,
До крови расшибают лбы,
Но ждут, извечно терпеливо
Суровый приговор судьбы.

Народы малые, как дети,
Всегда надежда их светла...
И никому на целом свете
Они не пожелают зла.

¹ Минги-Тау – тюркское название горы Эльбрус, что означает «тысяча гор».

Стремятся ввысь, взмахнув крылами,
И ищут равенства везде,
Хоть чувствуют, конечно, сами,
Что в мире нет его нигде.

Они, как в колыбели горской,
Надёжно переплетены... ¹
Но доказать что может горстка
Тем, кто могучи и сильны?..

Порою, разрывая путы
И всею грудью задышав,
Они, опомнившись как будто,
Решительный чеканят шаг.

И в поисках большой дороги
Идут по узкому пути...
О, Боже, не суди их строго
Дай силы к цели им дойти!

КТО ЦЕНУ ЗНАЕТ ЦВЕТКУ НА СКАЛЕ?

Есть ли цена у цветка на скале?
Кто её знает и кто её сложит?..
Как же мы невероятно похожи –
Вырвались к свету, не сгинув во мгле?

Пристально ты на него посмотри,
Камень был тоненьким стеблем расколот!
Вырос и выжил он в зной здесь и в холод,
Что же за сила в нём скрыта внутри?

Хрупкий доверчивый горный цветок,
Тянешься к солнцу, бутон раскрывая,
Не понимая, что нас убивает
Жизненной жажды смертельный глоток.

Ты же, наивный, не знаешь пока,
Что тебя жгучее солнце иссушит

¹ Горская колыбель – деревянная люлька, в которой туго пеленали ребёнка и прочно привязывали к основанию лентами или веревками.

И оборвёт лепестки равнодушно,
Ветер ли, зверь, или злая рука?..

Как ты отважен, мой нежный цветок,
Сердце скалы в твоём стебле стучится –
Мигом одним ты готов насладиться,
И раствориться в назначенный срок!

Проходят дни, и месяцы, и годы –
И всё твердят: забудь его, забудь!
Но в жаркий летний день и в непогоду
Любовь, как прежде, обжигает грудь.

Теперь, когда я на вершине славы
И солнце похвалы взошло в зенит,
Любовь сияет, как Эльбрус двуглавый,
И от неё душа моя горит.

Как в юности, твоё твержу я имя,
Пусть солнце закрывают облака,
Хранимая молитвами моими
Любовь к тебе переживёт века.

Едва слышны уже слова признаний,
Безрадостными стали времена...
И лишь любовь одна в плену желаний,
Как раньше, бескорыстна и сильна!

Мне от любви не отыскать лекарства,
Чтобы умерить этот яркий пыл,
Кто за неё не смог отдать всё царство,
Тот не любил, а значит, и не жил.

Хоть жизнь порою на крутых дорогах
Меня терзала и бросала в дрожь,
Мне радостно, я благодарна Богу,
Что где-то в мире ты сейчас живешь!

Все горести мои и все тревоги
В моём бездомном сердце собрались.

Споткнулся верный конь на полдороге,
Слова застряли в горле... И сдались.

Порою я живу, как на чужбине,
И вместо здравниц затеваю плач...
А время, равнодушное отныне,
Меня казнить готово, как палач.

Родные стены не спасают больше,
Ведь в них сквозят ветра из всех щелей.
Зачем же я ещё цепляюсь, Боже,
За жизнь, как за подол судьбы моей?

А жизнь меня то палкой бьёт, то камнем,
И гонится, как кровный враг, за мной...
Вверх поднимаюсь, вниз меня толкает,
Спускаюсь – хочет вышвырнуть на дно.

Огонь мне адский зло она пророчит,
Мол, заживо, отступница, сгори!..
Но подчиняться разум ей не хочет,
Хоть сердце разрывается внутри.

Любить я край родной не перестану,
И небо, и седые облака...
Оленем на краю обрыва встану,
Пробью скалу, как горная река.

Я не прогнусь под эту жизнь упрямо,
Что всё у нас святое отняла,
Надежда моя светлая, как мама,
Сияет мне, чтоб отступила мгла.

Пусть жизнь мне причинила много боли,
Я разочарование гоню
И этот странный мир люблю всё больше,
И каждое мгновение ценю!

*Перевод с балкарского
Марины Ахмедовой-Колюбакиной*

МУЖСКОЙ ДОМ¹

Роман

Глава шестнадцатая

Больница в городке издалека пахла хлоркой, лекарствами и чем-то неуловимо тяжёлым, как будто стены впитали в себя все беды, которые сюда приносили. «Нива» Жоры с визгом тормозов остановилась у входа, и Марк выскочил из машины, едва не споткнувшись о бордюр. Его сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди, а в голове крутился только один вопрос: «Жив ли?». Жора, опираясь на трость, двигался быстро, несмотря на кашель, который раздирает его лёгкие. Миша и Рома шли следом, их лица, обычно полные сарказма, теперь были мрачными, как тучи перед грозой.

В приёмном покое было тесно: медсёстры сновали с папками, пациенты в выцветших халатах сидели на скамейках, а где-то в углу плакал ребёнок. Марк подошёл к стойке, где женщина в белом халате, с усталыми глазами, листала журнал приёма.

– Артур... Артур, – выдавил он, голос дрожал, как будто он бежал километр. – Его привезли, с фурой... прицеп...

Женщина подняла взгляд, её лицо стало ещё более усталым, и она кивнула, указав на коридор.

– Пройдите к доктору, вторая палата налево, – сказала она тихо, и в её тоне было что-то, от чего у Марка похолодело внутри.

Они ввалились в палату, где доктор, мужчина лет пятидесяти, с сединой на висках и очками на кончике носа, стоял у стола, заполняя какие-то бумаги. Он поднял глаза, увидел Жору, Марка, Мишу и Рому, и его лицо напряглось, как будто он ждал бури.

– Вы по поводу парня? – спросил он, и его голос был ровным, слишком ровным, как у человека, который привык сообщать плохие новости.

– Где он? – рывкнул Жора, стукнув тростью по полу. – Живой? Говори, не тяни!

Доктор вздохнул, снял очки и посмотрел на них, и в его глазах Марк увидел ответ ещё до того, как тот заговорил.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Он не выжил. Травмы были слишком тяжёлыми. Прицеп нанёс множественные переломы, внутреннее кровотечение. Мы сделали всё, что могли.

¹ Продолжение (начало в № 1, 2026).

Слова упали, как камни в воду, и Марк почувствовал, как мир вокруг него замедлился. Он смотрел на доктора, на его руки, которые всё ещё держали очки, и не мог поверить. Мёртв. Это было невозможно, как нота, которая не укладывается в мелодию, но она звучала, и она была реальной.

Жора замер, его лицо, обычно твёрдое, как гранит, побелело, а глаза сузились до щёлочек. Он шагнул к доктору, трость выпала из его руки, и, прежде чем кто-то успел среагировать, его кулак, тяжёлый, как молот, врезался в лицо врача. Тот грохнулся на холодный пол, очки слетели, а из носа хлынула кровь. Палата взорвалась криками: медсёстры закричали, Миша и Рома бросились к Жоре, пытаясь его удержать, но он был как разъярённый зверь.

– Ты что, не можли, говоришь?! – ревел Жора, его голос дрожал от ярости и боли. – Моего сына не спасли, а ты тут мне «жаль» бормочешь?!

Доктор, держась за лицо, пытался отползти, что-то сказать, но Жора снова замахнулся, и только Рома, вцепившись в его руку, удержал его. В коридор сбежались люди: медсёстры, пара пациентов в пижамах, охранник в синей форме, который кричал что-то про полицию. Палата превратилась в хаос – крики, топот, кто-то пытался оттащить Жору, кто-то звонил по телефону. Марк стоял, как в тумане, не в силах двинуться. Он видел, как отец борется, как его лицо, красное от ярости, искажено горем, и чувствовал, как его собственная боль, острая, как нож, режет изнутри. Артур мёртв. Это не укладывалось в голове, но было правдой.

Он повернулся и пошёл прочь, не слыша криков, не видя толпы. Коридор был длинным, пустым, с белыми стенами, которые казались бесконечными, как туннель. Его шаги гулко отдавались, и он шёл, не зная куда, пока не наткнулся на скамейку в самом конце, у окна, где свет был тусклым, как будто день не хотел сюда заглядывать. Марк сел, обхватив голову руками, и смотрел в пол, где плитка была потёртой, с трещинами, как его собственная жизнь.

Он не заметил, как рядом оказался мальчик лет десяти, в пижаме, слишком большой для его худенького тела. Мальчик смотрел на него, его глаза были большими, любопытными, но без страха. Он молча протянул руку и коснулся ладони Марка, холодной и влажной от пота. Марк вздрогнул, повернулся, и мальчик, не говоря ни слова, сунул ему в руку конфету – простую, в мятой обёртке, с запахом карамели.

– На, – сказал мальчик тихо, и его голос был тонким, но твёрдым, как будто он знал, что делает.

Марк посмотрел на него, на эту маленькую фигуру в пижаме, и почувствовал, как что-то в груди дрогнуло. Он хотел сказать спасибо, но вместо этого только кивнул, сжав конфету в кулаке, как будто она была последним, что держало его на плаву.

Коридор наполнился звуками – топот, голоса, кто-то кричал «где

он?»). Два полицейских в форме, с серьёзными лицами, появились в конце коридора, а за ними – Жора, которого всё ещё держали Миша и Рома. Его лицо было красным, но уже не от ярости, а от усталости, как будто весь его гнев выгорел, оставив только пустоту. Полицейские подошли к Марку, один из них, молодой, с усталыми глазами, сказал:

– Пойдёмте. Надо разобраться с этим.

Марк встал, всё ещё сжимая конфету, и мальчик, не говоря ни слова, соскользнул со скамейки и исчез в палате. Жора посмотрел на Марка, и в его глазах было что-то новое – не гнев, не боль, а что-то, чему Марк не мог подобрать названия. Они вышли из больницы, окружённые полицейскими, под взглядами сбежавшихся на крики людей, которые уже собрались у входа, шептались и качали головами. Холодный воздух ударил в лицо, и Марк, шагая рядом с отцом, чувствовал, как мир вокруг рушится, но конфета в его руке, тёплая от ладони, была как маленький маяк, напоминая, что даже в темноте есть что-то, за что можно держаться.

Глава семнадцатая

Кладбище лежало в тишине, нарушаемой лишь редким шорохом ветра, который тербил увядшие цветы на могилах. Марк стоял у свежего холмика, где земля ещё не осела и источала горький, осенний запах. Артура похоронили час назад. Толпа – Жора с его друзьями, соседи, дальние родственники – уже ушла за ворота, их голоса растворились в гуле отъезжающих машин. Марк остался один, его пальцы сжимали конфету в мятой обёртке, подаренную мальчиком в больнице. Он смотрел на деревянный столбик с дощечкой. Имя брата жгло глаза, как будто кто-то вырезал его прямо на сердце.

Он не знал, сколько простоял так, глядя на землю, которая теперь скрывала Артура – его упрямство, его жёсткий голос, его слова о семье, о кресте, который надо нести. Ветер холодил лицо, пробираясь под воротник куртки, но Марк не двигался, как будто боялся, что, уйдя, оборвёт последнюю связь с братом. Его мысли путались: Артур, мама, Аня, фестиваль – всё смешалось в одну мелодию, диссонансную, но невыносимо родную.

Сквозь тишину раздался звук мотора, и Марк поднял глаза. У ворот остановилось жёлтое такси, знакомое, как старый друг. Дверь распахнулась, и из машины выскочила Аня, его дочка, в синей куртке, слишком лёгкой для осени. Её волосы, растрёпанные, блестели в тусклом свете, а лицо было напряжённым, но полным надежды. Лена, водитель, осталась у машины, прислонившись к капоту, её тёмные волосы были собраны в небрежный хвост, а в глазах мелькала смесь сочувствия и привычной лёгкости.

– Пап! – крикнула Аня, увидев его, и побежала по тропинке, её кроссовки хрустели по гравию. – Мне сказали, ты на кладбище!

Марк шагнул навстречу, его сердце сжалось, как будто кто-то стянул его верёвкой. Он хотел что-то сказать, но Аня, подбежав, остановилась у могилы, её глаза, широко распахнутые, скользнули по венкам, по холмику, и вдруг замерли на дощечке. Она нахмурилась, её лицо побледнело.

– Пап... – голос её дрогнул, – это... это дядя Артур? Как? Как... Я думала... думала, ты у бабушкиной могилы...

Марк почувствовал, как горло перехватывает. Он не сказал ей про Артура, не успел, не нашёл слов после смерти мамы. Теперь её растерянность, её вопрос были как удар под дых. Он опустился на корточки, чтобы быть на уровне её глаз, и взял её за руки, холодные, дрожащие.

– Ань, – начал он, и голос его был хриплым, как будто он не говорил целую вечность. – Артур... Сегодня похоронили.

Аня смотрела на него, её глаза наполнились слезами, но она не плакала, только сжала его руки так сильно, что ногти впились в кожу. Потом она бросилась к нему, обхватив руками, уткнувшись лицом в его куртку. Марк обнял её, чувствуя, как её худенькие плечи дрожат, и вдохнул запах её волос – шампунь, детство, что-то, что он чуть не потерял. Они стояли так, молча, среди могил, где ветер шевелил сухие листья, и Марк чувствовал, как слёзы, которые он держал в себе с больницы, подкатывают к глазам.

– Почему ты не сказал? – прошептала Аня, её голос был приглушён его курткой. – Я думала... ты на фестивале... а ты...

Она не договорила, и Марк гладил её по спине, как делал, когда она была совсем маленькой, когда она падала и разбивала коленки.

– Прости, Ань, – сказал он, и каждое слово было тяжёлым, как камень. – Я не знал, как. Не успел. Всё... всё слишком быстро.

Лена подошла ближе, её шаги были почти бесшумными, но гравий всё равно хрустел под её ботинками. Она остановилась в паре метров, не вмешиваясь, но её присутствие было как тёплый свет в холодной комнате. Аня отстранилась, посмотрела на могилу, потом на отца, и её лицо, мокрое от слёз, стало твёрдым, как у Артура, когда он говорил о семье.

– Дядя Артур был крутой, – сказала она тихо, вытирая щёки рукавом. – Помнишь, как он мне конфеты присылал? Всегда шоколадки, в блестящей фольге.

Марк кивнул, чувствуя, как ком в горле становится невыносимым. Он вспомнил, как Артур, ворча, что Аня избаловалась, всё равно находил время отправить ей посылку с шоколадками, и как она прыгала от радости, разворачивая их. Он хотел сказать что-то, но вместо этого только сильнее обнял её, и они стояли так, замерев, как будто могли удержать время, удержать Артура, удержать всё, что потеряли.

Лена кашлянула, мягко, чтобы не нарушить их момент.

– Марк, – сказала она, её голос был тёплым, но с ноткой практичности. – Холодно тут. Девочка замёрзла. Может, поедем?

Марк посмотрел на дочку, на её красный нос и дрожащие плечи, и кивнул. Он взял её за руку, и они сделали шаг к воротам, но остановились. Марк наклонился, положил конфету в мятой обёртке на землю, рядом с венком. Это было глупо, почти нелепо, но он чувствовал, что должен – как будто эта конфета, подарок от мальчика в больнице, была последним, что он мог дать брату.

– Это от меня, – сказал он тихо, и Аня, посмотрев на него, кивнула, как будто поняла. Она вдруг полезла в карман своей куртки, достала полпачки жевательной резинки и положила его рядом с конфетой.

– А это от меня, – сказала она, и её голос был тонким, но твёрдым. – Дядя Артур любил блестящее.

Они стояли ещё мгновение, глядя на могилу, на столбик с дощечкой, и Марк почувствовал, как что-то в нём сдвигается – не исчезает, но становится другим, как мелодия, которая наконец нашла свою тональность. Он обнял Аню за плечи, и они стояли так вдвоём, среди могил, где время, казалось, застыло. Марк посмотрел на Лену, которая ждала у машины, и понял, что не хочет уходить, не сейчас. Он повернулся к Ане, сжал её руку.

Аня посмотрела на него, её глаза блестели, но теперь не только от слёз, а от чего-то ещё – надежды, может быть. Она кивнула, прижалась к нему, и они стояли, не двигаясь, у могилы Артура, как будто их корни, давно забытые, снова начали расти в этой холодной, но родной земле.

Глава восемнадцатая

Дни после похорон Артура тянулись медленно, как река за городком, мутная и ленивая. Аня уехала обратно к матери, и её отъезд оставил в доме пустоту, которую Марк чувствовал почти физически, как сквозняк. Она обняла его на прощание, её худенькие руки сжали его так крепко, что он чуть не расплакался, но только улыбнулся и пообещал скоро приехать. Теперь в старом доме остались только он и отец, и тишина между ними была тяжёлой, как старый матрас, набитый пылью и воспоминаниями.

Жора сдал. Марк видел это в его сутулых плечах, в том, как он теперь дольше сидел на крыльце, глядя в никуда, сжимая трость, как будто она была единственным, что держит его на плаву. В девяностые Жора был как скала – который одним взглядом заставлял людей отступать. Теперь он кашлял чаще, его глаза, всё ещё цепкие, потускнели, и он почти не ругался, даже когда телевизор в очередной раз показывал «этих политиков». Марк пытался заговорить с ним, но Жора только отмахивался, бормоча: «Не трынди, делай что-нибудь». Но Марк не знал, что делать.

Фура Артура стояла в гараже, как призрак, покрытая пылью, с капотом, который они так и не закрыли после ремонта. Марк не мог на неё

смотреть. Каждый раз, когда он проходил мимо, в груди что-то сжималось, как будто прицеп снова сорвался, но теперь давил на него самого. Он избегал гаража, обходя его стороной, и вместо этого возился с Рексом, их здоровенным псом, который, казалось, тоже чувствовал потерю. Рекс, обычно шумный, с лаем, как гром, теперь был тише, лежал в будке или бродил по двору, опустив морду, как будто искал Артура.

Марк присел у будки, почесал Рекса за ухом, и пёс, лениво вильнув хвостом, лизнул его руку. Его шерсть была жёсткой, с запахом земли и старой цепи, но в этом было что-то живое, тёплое, что удерживало Марка от того, чтобы окончательно утонуть в своих мыслях. Он нацепил поводок, и они пошли к реке, той самой, где Жора чуть не утопил его на рыбалке. Марк шёл медленно, Рекс плёлся рядом, иногда останавливаясь, чтобы понюхать траву или лизнуть лужу. Берег был пустынным, только камыши шуршали под ветром, да где-то вдалеке каркала ворона.

Марк смотрел на воду, мутную, с пятнами света, которые дрожали, как его собственные мысли. Он не мог думать о будущем – о большом городе, о музыке, о фестивале, который он бросил. Всё это казалось далёким, как звёзды, которые он видел ночью, но не мог дотянуться. Он думал об Артуре, о его словах, и чувствовал, как эти слова ложатся на плечи, тяжёлые, но неотделимые. Рекс вдруг дёрнулся, потянув поводок, и Марк, споткнувшись, чуть не упал в воду. Он засмеялся, коротко, хрипло, и пёс посмотрел на него, как будто удивился.

– Ну ты и зверюга, – сказал Марк, потрепав его по загривку. – Артур бы тебя за такое отругал.

Имя брата вырвалось само, и Марк замер, чувствуя, как горло сжимается. Он сел на берег, на холодный песок, и Рекс улёгся рядом, положив морду ему на колени. Марк смотрел на реку, на её ленивое течение, и думал о том, как Артур учил его плавать здесь, когда им было десять и семь. Артур, всегда упрямый, тащил его в воду, несмотря на протесты, и смеялся, когда Марк отплевывался от брызг. Теперь река была той же, но без Артура она казалась другой, пустой.

Он достал из кармана телефон, всё ещё треснутый, и открыл фото, где они с Артуром, ещё пацаны, стояли на этом же берегу, держа удочки, а мама, смеясь, снимала их. Марк смотрел на фото, на улыбку брата, и чувствовал, как слёзы подкатывают, но не дал им вырваться. Рекс вдруг ткнулся носом в его руку, как будто почувствовал, и Марк погладил его, шепнув:

– Да, пёс. Мы теперь за тебя в ответе.

Он встал, отряхнул песок с джинсов, и они пошли обратно, медленно, вдоль берега. Дом был недалеко, но Марк не торопился. Он знал, что там его ждёт Жора, молчаливый, сгорбленный, и дом, полный воспоминаний, которые он ещё не готов был принять. Но Рекс шагал рядом, его

тёплое дыхание было как ритм, который Марк мог уловить, и это давало ему силы идти дальше, даже если будущее было скрыто за туманом, как река перед ним.

Глава девятнадцатая

Пустота в доме была серой, как старый свитер, который никто не носит, но и выбросить не решается. Туман за окном висел так низко, что казалось, будто городок утопает в молоке. Марк сидел за кухонным столом, перед ним стояла кружка с остывшим чаем, а рядом лежал телефон, экран которого всё ещё мигал трещинами. Он листал старые сообщения от Вадима, агента, который всё ещё слал ему гневные тексты про фестиваль, про «упущенный шанс», про то, как он «всё завалил». Марк не отвечал, но каждое слово жгло, как искра на сухой траве. Жора, сидя напротив, пил свой чай с таким видом, будто это была не кружка, а бокал с виски, и его кашель, хриплый, как рёв старого мотора, то и дело разрывал тишину.

Ссора началась из ничего, как пожар от спички. Марк, рассеянно теребя ложку, не заметил, как пролил чай на стол – лужа растеклась по клеёнке, оставив тёмные пятна. Жора, который и без того был на взводе после очередной бессонной ночи, бросил на него взгляд, острый, как лезвие.

– Ты хоть стол протереть можешь? – буркнул он, стукнув кружкой по столу так, что чай плеснул через край. – Или там тебя за свинью держали, а ты привык?

Марк, и без того натянутый, как струна, почувствовал, как кровь прилила к лицу. Он не спал нормально уже неделю, мысли об Артуре, о маме, об Ане не давали покоя. А теперь ещё и отец, со своим вечным сарказмом, со своим «не трынди», как будто Марк был всё тем же пацаном, который роняет всё, что держит.

– Да что ты ко мне цепляешься? – огрызнулся он, бросив ложку на стол. – Чай пролил, и что? Мир рухнул? Ты сам тут сидишь, всё роняешь, кашляешь, а на врачей орёшь!

Жора замер, его глаза, выцветшие, но всё ещё цепкие, сузились до щёлочек. Он медленно отставил кружку, и в этом движении было что-то угрожающее, как перед ударом молнии.

– Ты мне ещё указывать будешь? – сказал он, и его голос был низким, почти рычащим. – Я тут всю жизнь тянул, пока ты в своём городе ноты бренчал! А теперь вернулся, хвост поджал, и ещё мне про врачей трындишь?

Марк встал, стул заскрипел по линолеуму, и он почувствовал, как внутри всё кипит, как будто кто-то поджёт его изнутри.

– Да я вернулся, остался, потому что мама умерла! Артур умер! – почти крикнул он, и его голос сорвался. – А ты сидишь, как будто я тебе должен за всё! Что я сделал, пап? Что ты от меня хочешь?

Жора тоже встал, его трость упала на пол, но он даже не посмотрел на неё. Его лицо, покрытое морщинами, как карта старых дорог, было красным от гнева, а руки дрожали – не от слабости, а от ярости, той самой, что раньше заставляла людей отводить глаза.

– Ты мне ещё орать будешь? – рявкнул он. – Ты, который сбежал, бросил нас, а теперь тут стоишь, как герой? Да ты даже собаку толком выгулять не можешь!

Это было последней каплей. Марк шагнул вперёд, его кулаки сжались, и он уже готов был ответить, но Жора, несмотря на возраст, оказался быстрее его слов. Его кулак, тяжёлый, как молот, врезался Марку в скулу, и тот отшатнулся, чуть не упав на стол. Боль вспыхнула, острая, горячая, и Марк, схватившись за лицо, почувствовал, как кровь стучит в висках. Он посмотрел на отца, и в его глазах была не только боль, но и что-то ещё – обида, усталость, как будто этот удар был не просто по лицу, а по всему, что он пытался построить.

– Ты... – начал Марк, но голос его был слабым, как будто удар выбил из него весь воздух. – За что?

Жора стоял, тяжело дыша, его кулак всё ещё был сжат, но глаза, горящие гневом, вдруг потухли, как будто он сам не ожидал, что ударит. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но вместо этого только кашлянул, хрипло, надрывно, и отвернулся, подбирая трость.

– Иди, – сказал он, не глядя на Марка. – Иди, выгуляй пса. Хватит тут... чай разливать.

Марк, всё ещё держась за скулу, где уже набухла шишка, молча вышел из кухни. Он чувствовал, как боль в лице смешивается с болью в груди, но не мог найти слов, чтобы ответить. Рекс, лежавший у порога, поднял морду, его чёрные глаза смотрели на Марка с какой-то собачьей мудростью. Марк нацепил поводок.

Подумалось, что если когда-нибудь он напишет мемуары, называться они будут «Прогулки с кобелем»...

Глава двадцатая

В доме пахло сыростью и старым деревом, а за окном висел туман, густой, как молоко, которое забыли на плите. Жора сидел на крыльце, его трость стояла рядом, прислонённая к перилам, а он сам пил кофе из старой эмалированной кружки, кашляя так, будто лёгкие пытались вырваться наружу. Марк, всё ещё с лёгким синяком на скуле от вчерашней ссоры, вышел из кухни с кружкой чая, но остановился, увидев отца.

Жора поднял глаза, его взгляд, выцветший, но всё ещё острый, как лезвие, упёрся в Марка.

– Сосед звонил, – сказал он, его голос был хриплым, как гравий под ногами. – На старой мельнице, что деда твоего была, опять подростки шарахаются. Дверь выломали, бутылки там, окурки. Пьянки, видать, устраивают. Надо заколотить, пока не спалили всё к чёртовой матери.

Марк кивнул, не споря. Он знал эту мельницу – старую, водяную, на краю городка, у реки, где они с Артуром в детстве играли, представляя себя пиратами. Она стояла заброшенной уже лет двадцать, с покосившимся колесом и стенами, поросшими мхом. Мысль о ней вызвала укол ностальгии, но и что-то ещё – желание сделать хоть что-то, чтобы не сидеть в этом доме, где каждый скрип напоминал об Артуре и маме.

– Схожу, посмотрю, – сказал он, ставя кружку на перила. – Заколочу.

Жора хмыкнул, но ничего не сказал, только сделал глоток кофе, как будто это было единственное, что его сейчас волновало. Марк взял в сарае старый ящик с инструментами, нацепил поводок на Рекса, который тут же выскочил из будки, вильнув хвостом, и пошёл к реке. Пёс шагал рядом, иногда тычась носом в его руку, как будто напоминая, что он всё ещё здесь, даже если всё остальное рухнет.

Мельница стояла на отшибе, у изгиба почти пропавшей в русле реки, где вода текла медленно, лениво облизывая камни. Постройка выглядела так, будто время решило ее съесть: стены, когда-то серые, теперь были зелёными от мха, крыша провалилась в одном углу, а водяное колесо, огромное, с лопастями, покрытыми плесенью, скрипело под ветром, хотя уже давно не крутилось. Дверь, вернее, то, что от неё осталось, висела на одной петле, и вокруг валялись битые бутылки, окурки.

Он вошёл внутрь, Рекс за ним, настороженно принохиваясь. Внутри пахло сыростью, гниющим деревом и чем-то кислым, как пролитое пиво. Пол был усыпан мусором – пакеты от чипсов, фантики, чья-то рваная кепка. Марк прошёлся по мельнице, его шаги гулко отдавались в пустоте. Он вспомнил, как они с Артуром лазили здесь, как прятались в углу, где теперь валялась куча пустых банок, и как дед, ещё живой, рассказывал им, как это колесо крутилось, перемалывая зерно, когда он сам был мальчишкой. Теперь всё это было мертво, как Артур, как мама, и Марк почувствовал, как что-то в груди сжимается, но не дал себе утонуть в этом.

Он нашёл несколько досок в углу, вытащил молоток, собрал пару гвоздей и начал заколачивать дверь. Рекс сидел рядом, глядя на него, как будто одобряя. Работа была тяжёлой – доски были старыми, задубелыми, гвозди гнулись, но Марк бил молотком с какой-то яростью, как будто заколачивал не дверь, а своё собственное отчаяние. Когда он закончил, пот стекал по вискам, а руки дрожали, но дверь была крепко забита, и никто больше не пролезет сюда, по крайней мере, без лома.

Он вернулся домой к полудню. Чувство было такое, словно он не старую мельницу заколотил, а свое сердце. Рекс плёлся за ним, иногда останавливаясь, чтобы понюхать траву. Жора всё ещё был на крыльце. Он посмотрел на Марка, прищурившись, и сказал, без предисловий:

– Дверь заколотил? Молодец. А теперь, когда ты собираешься уезжать? Тебе тут нечего делать, Марк. Всё, что было, похоронили.

Слова отца ударили, как тот кулак накануне, но теперь боль была другой – не физической, а глубокой, как будто Жора вырвал из него последнюю надежду. Марк почувствовал, как ногти впиваются в ладони, и посмотрел на отца, его сутулую фигуру, его глаза, которые были такими же, как у Артура, но теперь пустыми.

– Я не уеду, – сказал он, и его голос был твёрдым, несмотря на дрожь внутри. И, увидев вопросительный взгляд отца, неожиданно даже для себя, продолжил – Я останусь. Буду ремонтировать мельницу.

Жора замер, посмотрел на Марка, как будто впервые увидел его не как сына, который сбежал, а как кого-то другого.

– Мельницу? – переспросил он, и в его голосе мелькнула насмешка, но слабая, как будто он не был уверен, что хочет смеяться. – Она развалилась уже. Зачем тебе это?

Марк пожал плечами, глядя на Рекса, который улёгся у крыльца, положив морду на лапы.

– Затем, что это деда. И Артура. И наше. – Он сделал паузу, чувствуя, как слова даются тяжело, но всё равно продолжал: – Я не хочу, чтобы она сгнила. Хочу её вернуть. Хоть что-то вернуть.

Жора молчал, глядя на него. Потом он кашлянул, хрипло, хмыкнул.

Марк пошёл в дом, чувствуя, как молчание отца жжёт, но в то же время дает странную силу. Рекс ткнулся носом в его колено, и Марк, почесав его за ухом, подумал, что, может, в этом старом доме, в этом городке, в этой мельнице он найдёт то, что потерял. Не всё, но хотя бы часть. А может, это просто повод остаться...

Глава двадцать первая

Туман рассеялся к полудню, и небо над городком стало ясным, почти синим, как в те редкие осенние дни, когда кажется, что зима ещё далеко. Марк шёл к мельнице, Рекс плёлся за ним, его чёрная шерсть блестела на солнце, а хвост лениво вилял, будто пёс знал, что спешить некуда. В руках Марк нёс старый блокнот, потрёпанный, с пожелтевшими страницами, и карандаш, который он нашёл в ящике на кухне. После разговора с Жорой, после его слов «тебе тут нечего делать», в Марке поселилось упрямство, как будто он хотел доказать – не отцу, а себе, –

что может остаться, может что-то построить, даже если это всего лишь старая мельница.

Водяное колесо, огромное, с прогнившими лопастями, скрипело под ветром, как больной зверь. Дверь, которую Марк заколотил вчера, держалась крепко, но он всё равно проверил доски, постучав по ним кулаком. Убедившись, что подростки сюда больше не сунутся, он обошёл мельницу, внимательно разглядывая ее. Крыша провалилась в углу, балки внутри потрескались, а пол был засыпан мусором.

Он присел на камень у входа, открыл блокнот и начал чертить схему. Карандаш скользил по бумаге, рисуя контуры мельницы – стены, колесо, крышу. Он отметил, где нужно укрепить балки, где заменить доски, где починить механизм, который когда-то приводил колесо в движение. Он не был инженером, но в детстве дед показывал ему, как работает мельница, и эти воспоминания, как старые ноты, всплывали в памяти. Рекс улёгся рядом, положив морду на лапы, и смотрел на него, как будто одобряя.

Марк с каким-то отчаянием отодрал доски и вошёл внутрь, чтобы лучше рассмотреть балки. Внутри было сумрачно, свет пробивался через щели в крыше, рисуя на полу золотые полосы. Он задрал голову, разглядывая потолок, где деревянные балки, потемневшие от времени, выглядели так, будто держались на честном слове. Он сделал шаг, чтобы подойти ближе, и вдруг услышал треск – резкий, как выстрел. Одна из балок, прогнившая, сорвалась с потолка и рухнула прямо на него. Марк не успел увернуться. Удар пришёлся по голове, боль взорвалась, как фейерверк, и он рухнул на пол, среди мусора и пыли, а мир вокруг погас, как выключенный свет.

Он очнулся, не зная, сколько прошло времени. Голова гудела, как колокол, висок пульсировал, а когда он коснулся его пальцами, они стали липкими от крови. Рекс лизал его руку, его тёплый язык был единственным, что казалось реальным. Марк лежал на спине, глядя в дыру в крыше, через которую виднелось синее небо, чистое, без единого облака. Оно было таким ярким, что резало глаза, но он не отводил взгляд. Боль в голове отступала, но оставалась другая – в груди, тяжёлая, как будто кто-то положил туда камень.

Он думал о том, что будет дальше. Оставить Жору одного? Невозможно. Отец, несмотря на свой жёсткий нрав, сдал после смерти Артура, и Марк видел, как его кашель становится всё хуже, как он сидит на крыльце, глядя в пустоту. Бросить всё и уехать? Но что у него там было? Фестиваль, который он провалил, Вадим, музыка, которая теперь казалась пустой, как эхо в пустой комнате. Он вспомнил Аню, её слёзы на кладбище, её камешек у могилы Артура, и понял, что не может её подвести, не может снова стать тем, кто убегает.

– А что у меня было? – пробормотал он, и Рекс, услышав его голос,

залаял. Марк медленно сел, голова всё ещё кружилась, но он чувствовал странную ясность. Он не знал, как починить мельницу, как починить себя, но знал, что должен попробовать.

Он встал, опираясь на стену, и подобрал блокнот, который упал рядом. Схема была помята, но всё ещё читалась. Он посмотрел на неё, потом на небо, всё ещё синее, и подумал, что, может, эта мельница – не просто куча гнилого дерева.

Марк вышел из мельницы, Рекс за ним, и они медленно побрели к дому. Голова болела, кровь засохла на виске, но он чувствовал, что этот удар, этот синий кусок неба над головой дали ему что-то, чего он не мог объяснить.

Глава двадцать вторая

Утро было холодным, с резким ветром, который пробирался под куртку и щипал кожу. Марк, морщась от тупой боли в виске, где засохла кровь после удара балкой, шёл к районной больнице. Голова всё ещё гудела, как старый радиоприёмник, ловящий помехи, и он решил, что лучше проверить, не заработал ли сотрясение. Рекс остался дома, свернувшись в будке, а Жора, как обычно, сидел на крыльце, кашляя и глядя в пустоту.

Больница встретила его знакомым запахом хлорки и лекарств. В приёмном покое было тихо, только старушка в углу что-то бормотала, листая журнал. Врач, молодой, с усталыми глазами, осмотрел Марка, потыкал фонариком в зрачки, задал пару вопросов и выписал таблетки, буркнув: «Сотрясения нет, но не геройствуй, отдохни пару дней». Марк кивнул, сунул рецепт в карман и вышел в коридор, чувствуя, как боль в голове отступает, но оставляет за собой тяжесть, как будто балка всё ещё лежала на плечах.

У выхода он остановился, заметив знакомое жёлтое такси, припаркованное у крыльца. Лена стояла рядом, в джинсовой куртке, её тёмные волосы развевались на ветру. Она только что высадила какого-то старика, который, опираясь на палку, ковылял к дверям больницы. Увидев Марка, она прищурилась, затянулась и выпустила дым, который закрутился в воздухе, как призрак.

– Ну, композитор, что на этот раз? – спросила она, её голос был лёгким, но с привычной насмешкой. – Голову разбил? Или ногу сломал?

Марк невольно усмехнулся, потрогав висок, где кожа всё ещё была чувствительной.

– Балка на мельнице, – сказал он. – Упала, зараза... Проверял, не сотрясение ли.

Лена присвистнула, посмотрела на него с интересом.

– Живучий ты, Марк. Другой бы уже в гипсе лежал. Куда теперь? Домой?

Он помедлил, глядя на её машину, на реку вдалеке, где блестела вода, отражая серое небо.

– Не домой, – сказал он. – К мельнице отвези. Хочу ещё раз глянуть.

Лена подняла бровь, но ничего не сказала, только кивнула и открыла дверцу. Они сели в такси, и Марк почувствовал, как запах бензина и старой кожи в салоне успокаивает, как что-то знакомое. Лена вела машину молча, но её взгляд, брошенный искоса, был полон вопросов. Они доехали до мельницы за несколько минут, и Марк, выйдя, вдохнул сырой воздух, пахнувший рекой и мхом.

Мельница стояла, как и вчера, – покосившаяся, с прогнившим колесом и разодранной ртом двери. Лена вышла за ним, засунув руки в карманы, и посмотрела на здание с любопытством.

– Ну и развалюха, – сказала она, пнув камешек, который улетел в траву. – Зачем тебе эта мельница, Марк? Что ты с ней возишься?

Они сели на берегу, на старый пенёк, поросший лишайником. Марк не хотел говорить про Артура, про Жору, про долг – это было слишком личное, слишком тяжёлое. Вместо этого он пожал плечами и сказал, по-мужски просто:

– Нравится. Хочу починить. Сделать, чтобы работала. Надо же что-то делать.

Лена хмыкнула, но в её глазах мелькнула тень уважения.

– Похвально, – сказала она. – А я вот... никогда не знала, что мне делать. Мать болела долго, я за ней ухаживала, никуда не отходила. Замуж? Не сложилось. Не нашла того, с кем бы захотела. Да и некогда было искать.

Она замолчала, глядя на реку, и Марк почувствовал, как её слова, такие простые, ложатся на сердце, как камешки на дно. Он знал, что она ждёт его ответа, но не торопит, и в этом было что-то, что делало её ближе, чем просто таксистка, которая подвозила его по городку.

– У меня тоже... всё не так, – сказал он наконец, его голос был тихим, но твёрдым. – В городе думал, музыка – это моё. Фестивали, сцены, вся эта суета. А потом всё рухнуло. Мама умерла, Артур... – он осёкся, не желая продолжать, и вместо этого добавил: – Я думал, у меня есть что-то, а оказалось – пустота.

Лена посмотрела на него, её глаза, тёмные, с искорками, были внимательными, но без жалости.

– Знаешь, композитор, – сказала она, и в её голосе мелькнула улыбка, – ты не так прост, как кажешься. Может, и правда починишь эту развалюху. А я, если что, гвозди подержу.

Марк засмеялся, коротко, но искренне, и почувствовал, как тяжесть в груди становится чуть легче. Они сидели у реки, глядя на воду, которая текла, не останавливаясь. Он встал, отряхнул джинсы и сказал:

– Пряма как в низкобюджетной мелодраме... И все закончится нашей женитьбой? Поехали домой. Завтра начну. Надо балки новые найти.

Лена хмыкнула, кивнула и пошла к машине. Марк последовал за ней, и, садясь в такси, он вдруг понял, что впервые за долгое время не боится завтрашнего дня.

Глава двадцать третья

Вечер в городке был тихим, как дыхание спящего ребёнка, только река где-то вдалеке шелестела, перекачивая камешки на дне. Марк сидел на крыльце, опираясь спиной на перила, и смотрел, как солнце тонет за горизонтом, оставляя после себя розовые разводы на небе. Его руки, огрубевшие от работы с досками и молотком, лежали на коленях, а в голове крутились обрывки мыслей – о балке, которая чуть не прибила его, о Жоре, который после их ссоры стал ещё более замкнутым, кашляя в кулак и отводя глаза. Мельница стояла в его мыслях, как недостроенная мелодия, – он уже видел, как укрепит балки, как заменит прогнившие доски, но это было не просто ремонтом, а что-то большим, как будто он чинил не здание, а себя самого.

Телефон в кармане завибрировал, и Марк, морщась от боли в виске, где всё ещё ныла рана, вытащил его. На экране, треснутом, но всё ещё работающем, высветилось имя Ани. Он улыбнулся уголком рта, нажал на кнопку и поднёс телефон к уху.

– Пап! – её голос, звонкий, как колокольчик, ворвался в его вечер, и Марк почувствовал, как что-то в груди теплеет. – Ты где? Что делаешь? Я тут с мамой ужинала, но скучаю по тебе. Расскажи, как там дед? Как Рекс?

Марк откинулся назад, глядя на звёзды, которые уже начинали пробиваться сквозь сумерки.

– Дед кашляет, как всегда, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал легко. – Рекс гуляет со мной, стал моей тенью. А я... я тут с одной штукой вожусь, Ань.

– С какой штукой? – спросила она, и в её тоне было то детское любопытство, которое всегда заставляло его улыбаться.

Марк помедлил, глядя на реку, которая блестела в лунном свете, и подумал о мельнице – её покосившихся стенах, прогнившем колесе, о том, как он заколачивал дверь, как балка упала, напомнив ему, как хрупко всё в жизни.

– Помнишь, я тебе рассказывал про старую мельницу деда? – сказал он. – У реки, где мы с Артуром играли. Она разваливается, подростки туда лазили. Я решил её починить. Балки укрепить, колесо подправить. Может, даже запустить, чтобы крутилось.

Аня молчала секунду, а потом её голос стал восторженным, как будто она увидела что-то волшебное.

– Круто, пап! – воскликнула она. – А зачем?

Марк усмехнулся, чувствуя, как её слова добавляют ему сил.

– Просто так, Ань. Чтобы не рухнула. Чтобы было что-то... наше. Может, потом приедешь, поможешь.

– Обязательно! – сказала она, и Марк услышал, как она улыбается.

– Я тебе помогу. Расскажи, что ты уже сделал?

Они говорили ещё минут двадцать – о мельнице, о Рексе, о Жоре, который иногда бурчит, но уже не так зло. Аня рассказывала о школе, о подругах, и её голос был как музыка, которая заглушала его усталость. Когда они попрощались, Марк остался сидеть на крыльце, глядя на звёзды.

Ночь опустилась незаметно. Голова всё ещё ныла, таблетки помогали, но не до конца, и он решил пройтись к реке, где воздух был свежим, а шум воды успокаивал. Рекс хотел пойти с ним, но Марк оставил его в будке, шепнув: «Спи, пёс». Он шёл по тропинке, освещённой луной, которая висела низко, как лампа над столом, и её свет серебрил воду, делая реку похожей на живое существо, которое дышит и шепчет.

У мельницы Марк остановился, глядя на забитую дверь, на колесо, которое едва заметно скрипело под ветром. Он подошёл ближе к воде, присел на корточки и заглянул в реку, где его отражение дрожало на поверхности, размытое лунным светом. Но вдруг отражение изменилось – оно стало чётким, молодым, как будто Марку снова было двадцать, с той же упрямой чёлкой и глазами, полными надежд на музыку, на жизнь, которая казалась бесконечной.

Марк замер, чувствуя, как холод пробирает спину. Отражение посмотрело на него, и его губы шевельнулись, хотя голос звучал не из воды, а в голове Марка, тихий, но настойчивый.

– Ты всегда бежишь, – сказало оно, и в его тоне была не укоризна, а грусть, как у старого друга. – Бежишь от дома, от неудач, от себя. А строить? Строить пробовал?

Марк моргнул, но отражение не исчезло. Он почувствовал, как сердце стучит чаще, но не от страха, а от чего-то другого – узнавания.

– Строить? – переспросил он вслух, и его голос эхом отразился от воды. – А что строить? Музыку? Она не получилась. Семью? Её нет.

Отражение усмехнулось, его молодое лицо, такое знакомое, но чужое, отразило лунный свет.

– Бежать легко. Шаг – и ты уже где-то. Строить – это стоять на месте, копать, класть камень за камнем. А если рухнет? Тогда снова. Но без этого – что ты? Беглец.

Марк смотрел на него, чувствуя, как слова проникают в него, как корни в землю. Он подумал о мельнице, о её балках, о балке, которая

упала на него, напомнив, как всё хрупко. О Жоре, об Ане, об Артуре, чьи слова теперь казались не упрёком, а советом.

– А если не получится? – спросил он, и голос его был тихим, почти шёпотом.

Отражение покачало головой, его глаза, такие же, как у Марка, но ярче, блеснули.

– Получится. Или нет. Но бегство – это не жизнь. Строительство – да.

Вдруг вода дрогнула, как будто ветер прошёлся по ней, и отражение растворилось, оставив только рябь на поверхности. Марк моргнул, чувствуя, как холодный пот стекает по спине, и наклонился ближе, чтобы убедиться, что это был сон или галлюцинация. Но на дне, в воде, что-то блеснуло. Он сунул руку в реку, холод обжёг кожу, и вытащил старую железку от мельницы.

Марк встал, сжимая железку в кулаке, и пошёл домой, чувствуя, как ночь вокруг него оживает. Он не знал, был ли это сон или реальность, но это не имело значения – это дало ему силу, чтобы продолжать строить, не бежать.

Глава двадцать четвертая

Солнце стояло высоко, заливая реку светом, который дробился на воде, как осколки стекла. Марк работал у мельницы, потный, с молотком в руке, вбивая гвозди в новую доску, которую он притащил из сарая Жоры. Рекс лежал в тени, высунув язык, и лениво следил за ним, будто оценивая каждый удар. Голова Марка уже не болела, но висок всё ещё напоминал о балке, а в груди всё ещё жило эхо ночного разговора с его молодым отражением – «строить, не бежать». Он бил по гвоздям с какой-то упрямой яростью, как будто каждый удар был ответом на вопрос, который он сам себе не задавал.

Сквозь стук молотка он услышал гул мотора, знакомый, как старая мелодия. Жёлтое такси Лены остановилось у тропинки, и она вышла, в своей неизменной джинсовой куртке, с волосами, небрежно собранными в хвост. В руках у неё был свёрток – доски, которые она, видимо, раздобыла в городке. Марк выпрямился, вытер пот со лба и посмотрел на неё, чувствуя, как её присутствие добавляет в воздух что-то тёплое, как солнечный луч.

– Привезла, что просил, – сказала она, её голос был ровным, но с той лёгкой насмешкой, которая всегда заставляла его улыбнуться.

Марк кивнул, принимая коробку, и их руки на миг соприкоснулись – её пальцы были холодными от утреннего воздуха, но твёрдыми, как будто она привыкла держать всё под контролем. Они работали вместе, молча, но в этом молчании было что-то живое, как ритм, который не

нуждается в словах. Лена держала доску, пока Марк вбивал гвозди, и он заметил, как она, не глядя на него, аккуратно отодвинула его ящик с инструментами, чтобы он не споткнулся. Это был маленький жест, почти незаметный, но Марк вдруг почувствовал, как что-то в груди сжалось – не от боли, а от чего-то другого, чего он не ожидал.

Они закончили с одной стеной, и Марк, бросив молоток на землю, присел на старый пенёк у реки. Лена села рядом, не слишком близко, но так, что он чувствовал тепло её присутствия. Она достала термос, налила кофе в две жестяные кружки и протянула одну ему. Их пальцы снова соприкоснулись, и на этот раз она задержала руку чуть дольше, чем нужно, её глаза, тёмные, с искорками, на миг встретились с его. Она быстро отвернулась, глядя на реку, но Марк заметил, как её пальцы, сжимавшие кружку, слегка дрожали. Это не было флиртом, не было намёком – просто момент, когда он увидел её не как таксистку, не как подругу, а как кого-то, кто, может, видит в нём больше, чем он сам в себе.

Он почувствовал, как сердце стучит быстрее, но тут же в голове всплыли другие образы – Аня, её слёзы на кладбище, Жора, кашляющий на крыльце, Артур, чей голос всё ещё звучал в его ушах. Марк сглотнул, отодвинулся чуть дальше, поставив кружку на пенёк, и сказал, стараясь, чтобы голос звучал ровно:

– Спасибо за гвозди. Завтра ещё надо будет. Если сможешь.

Лена посмотрела на него, её лицо было неподвижным, но в глазах мелькнула тень – не обида, а что-то, похожее на понимание. Она кивнула, допила кофе и встала, отряхивая джинсы.

– Смогу, – сказала она коротко и пошла к машине. Но у двери она остановилась, вытащила из кармана сложенный листок и молча положила его на пенёк, рядом с кружкой Марка. – Нашла в вещах матери. Прочитай, когда будет время. Сара – это моя мать...

Она уехала, и жёлтое такси скрылось за поворотом, оставив за собой облако пыли. Марк смотрел на листок, чувствуя, как внутри что-то сжимается. Он не хотел его брать, как будто боялся, что этот листок изменит что-то, чего он не готов принять. Но любопытство пересилило, и он развернул бумагу, пожелтевшую, с неровными краями. Это было письмо, написанное знакомым, но старым почерком – почерком его отца.

«Сара, – начиналось письмо, – я знаю, что не должен писать, но молчать больше не могу. Ты – как эта река, что крутит мельницу: всегда рядом, но не моя. Я хотел бы быть с тобой, но жизнь сложилась иначе. Твой муж – хороший человек, а я не могу разбить то, что уже построено. Но знай, что каждый удар молотка на этой мельнице – для тебя».

Марк перечитал письмо дважды, его пальцы дрожали, не от холода, а от изумления. Отец, его отец, писал это матери Лены, ещё до того, как женился на матери Марка. Они любили друг друга, но жизнь, как река, унесла их в разные стороны. Он вдруг понял, почему Лена так часто

приезжает к мельнице, почему её глаза загораются, когда она говорит о реке. Это было не просто место – это была её история, её корни, так же, как и его.

Он сжал письмо в кулаке, глядя на мельницу, на её покосившиеся стены, на колесо, которое он обещал починить. Он думал о Лене, о том, как она смотрела на него, о том, как её рука задержалась на его, и чувствовал, как что-то в нём хочет ответить, но страх – страх снова всё разрушить – был сильнее. Он положил письмо в карман и толкнул ногой ящик с гвоздями, рассыпав их по траве.

Глава двадцать пятая

Небо было пасмурным, с тяжёлыми тучами, которые нависли над городком, как старое одеяло, готовое лопнуть от дождя. Марк сидел в сарае у дома, среди ржавых инструментов и запаха сырого дерева, глядя на бутылку самогона, которую он стащил из шкафа Жоры. Его пальцы, огрубевшие от работы на мельнице, сжимали горлышко, но он ещё не пил – просто смотрел, как жидкость переливается в свете тусклой лампы. В голове крутились обрывки: ссора с Жорой, его слова «тебе тут нечего делать», Лена, приехавшая с листком в руке, её взгляд, полный чего-то, что он не хотел назвать. Он обидел её, отшатнувшись, когда она коснулась его руки, и теперь эта обида, как и всё остальное, ложилась на плечи, как ещё один камень.

Жора не говорил с ним с утра. После их стычки из-за пролитого чая отец замкнулся ещё сильнее, кашляя в кулак и глядя на реку, как будто там были ответы. Марк чувствовал, как всё рушится – его попытки остаться, починить мельницу, быть рядом с отцом. Он думал о письме, которое Лена оставила ему, и как он, Марк, снова всё портит, как с Аней, как с музыкой. Он отвинтил крышку бутылки, сделал глоток, и самогон обжёг горло, как жидкий огонь, но не заглушил боль в груди.

К вечеру он был пьян. Не так, чтобы валяться, но достаточно, чтобы мир вокруг стал мутным, как река в бурю. Он вышел из сарая, шатаясь, с молотком в руке, и пошёл к мельнице, не зная зачем. Рекс попытался увязаться за ним, но Марк отмахнулся, пробормотав: «Сиди, пёс». Он хотел работать, вбить ещё один гвоздь, укрепить ещё одну доску, как будто это могло удержать его жизнь от того, чтобы окончательно развалиться.

Но небо не дало ему шанса. Тучи лопнули, и дождь хлынул, тяжёлый, как будто кто-то опрокинул ведро. Замелевшая река проснулась и у мельницы взбухла, вода пенилась, заливая берег, и Марк, стоя у колеса, вдруг понял, что оно может не выдержать. Лопасты, уже подгнившие, скрипели под напором воды, а земля под ногами превращалась в грязь, скользкую, как предательство. Он бросился к мельнице, хватая бревно,

которое валялось в углу, пытаясь поднять колесо, чтобы волны не доставали лопастей, но ветер и дождь били в лицо, как давали пощёчины.

– Чёрт, чёрт, чёрт! – орал он, падая в грязь, но не сдавался. Вода уже хлынула внутрь мельницы, заливая пол, где лежали его чертежи, его блокнот с «мелодией мельницы». Он кинулся к колесу, пытаясь закрепить его, но течение было сильнее, и колесо падало вниз опять. Он поскользнулся, падая в реку. Холод обжёг, как удар, и Марк почувствовал, как его тянет вниз, в мутную глубину.

В воде он увидел Артура – не чётко, как в отражении, а как тень, размытую, но узнаваемую. Его брат, с тем же упрямым взглядом, протянул руку, как будто хотел вытащить его. Марк потянулся к нему, но вместо Артура его за запястье схватил кто-то другой – сильный, с пальцами, как клещи. Он вынырнул, отплеываясь, и увидел Жору, мокрого, с лицом, красным от усилий, стоящего по колено в воде. Его трость осталась на берегу, а кашель, хриплый, как рёв, смешивался с шумом дождя.

– Дурак! – рывкнул Жора, таща его к берегу. – Хочешь утонуть, как щенок? Помогай, держи руку!

Марк, всё ещё в тумане от самогона и воды, схватился за него, и они вдвоём, шатаясь, вылезли, а потом бревном, как рычагом, подняли колесо и закрепили, привязав к балкам. Дождь лупил по плечам, река редела, но они работали, как будто это была не просто мельница, а их собственная жизнь, которую они не могли потерять. Когда колесо было закреплено, а вода отступила, Жора, тяжело дыша, опёрся на стену мельницы, его кашель был таким, что казалось, он сейчас разорвёт его изнутри.

– Это все не нести одному, сын, – сказал он, и его голос, несмотря на хрип, был твёрдым, как камень. – Ты думал, я не вижу, как ты тут бьёшься? Но одному не вытянуть. Никому.

Марк посмотрел на него, мокрого, сгорбленного, но всё ещё того самого Жору, который раньше одним взглядом заставлял людей отступить. Он почувствовал, как самогон выветривается, а в груди разливается тепло – не от спирта, а от чего-то другого. Он кивнул, не находя слов, и они стояли под дождём, глядя на мельницу, которая, несмотря на бурю, всё ещё держалась.

Когда они вернулись домой, Марк рухнул на диван, всё ещё мокрый, но трезвый, как будто река смыла не только грязь, но и часть его сомнений. Жора сел рядом, молча протянул ему кружку с горячим чаем, и в этом жесте было что-то, чего Марк не видел раньше – не просто примирение, а понимание, что они оба несут один и тот же крест, и, может, вместе он не такой тяжёлый. Марк подумал о Лене, о её взгляде, о письме, которое он так и не ответил, и понял, что завтра поедет к ней, чтобы извиниться, чтобы строить дальше – не только мельницу, но и что-то ещё, что он пока не мог назвать.

Глава двадцать шестая

Утро в городке было свежим, с запахом мокрой травы и реки, которая всё ещё бурлила после бури. Марк проснулся на диване, всё ещё в одежде, пропахшей сыростью и землёй. Голова гудела от вчерашнего самогона, но в груди было что-то новое – лёгкость, как будто буря и слова Жоры смыли часть его тягот. Он встал, потирая висок, синяк от балки уже почти исчез, и вышел на крыльцо, где Жора, как обычно, сидел с кружкой кофе, кашляя в кулак. Их взгляды встретились, и впервые за долгое время в глазах отца не было ни сарказма, ни упрёка – только усталое, но тёплое молчание.

Марк хотел что-то сказать, но его прервал звук мотора. Знакомое жёлтое такси Лены остановилось у ворот, но из машины выскочила не она, а Аня, с рюкзаком на плече, в той же синей куртке, которая казалась ещё тоньше в утреннем холоде. Её лицо было решительным, но глаза блестели от волнения. Марк замер, чувствуя, как сердце сжалось – не от страха, а от неожиданной радости. Лена, стоя у машины, только пожалала плечами, бросив короткое:

– Нашла меня у вокзала. Сказала, что к тебе. Я что, откажу?

Марк по-доброму кивнул. Лена села обратно и уехала. Аня подбежала к отцу, бросив рюкзак на землю, и обняла его так крепко, что он чуть не задохнулся.

– Пап, я сбежала! – выпалила она, её голос был звонким, но с ноткой вины. – Мама звонила, ругалась, но я не могла там больше. Ты говорил про мельницу, и я... я хочу помочь!

Марк посмотрел на неё, на её растрёпанные волосы, на решимость в глазах, такую же, как у Артура, и почувствовал, как что-то в нём оживает. Он хотел отругать её, сказать, что нельзя так срывать, но вместо этого только обнял её в ответ, шепнув:

– Ну ты и храбрая, Ань.

Жора, всё ещё сидя на крыльце, поднял взгляд от кружки. Его лицо, обычно суровое, смягчилось, и он кашлянул, но не зло, а как будто с удивлением.

– Внука, – сказал он, и его голос был хриплым, но тёплым, как старое одеяло. – Ты что, теперь тоже с молотком бегать будешь? Или только папашу своего спасать?

Аня повернулась к нему, её глаза загорелись, и она подбежала и обняла деда, несмотря на его ворчание. Жора замер, его рука, сжимавшая кружку, дрогнула, и Марк увидел, как что-то в отце меняется – как будто Аня своим смехом, своей энергией, зажгла в нём искру, которую он давно погасил. Он откашлялся, отмахнулся, но в уголках его глаз мелькнула влага, которую он быстро скрыл, отвернувшись.

– Ладно, не трюнди, – буркнул он. – Идем, покажешь ей мельницу.

Они втроём пошли к реке, Аня впереди, почти подпрыгивая, с рюкзаком, из которого торчал блокнот. Рекс, выскочив из будки, носился вокруг неё, виляя хвостом, как будто почувствовал, что дом стал чуть живее. У мельницы Аня остановилась, глядя на покосившиеся стены, на огромное колесо. Её лицо стало серьёзным, но глаза горели, как у ребёнка, который нашёл новую игру.

– Пап, это круто, – сказала она, вытаскивая блокнот и карандаш. – Но знаешь, я придумала, как сделать её... особенной. Вот, смотри.

Она села на пень, раскрыла блокнот и начала рисовать. Это была не просто схема мельницы, а что-то, что она назвала «картой душ». Каждая балка, каждая доска, каждый гвоздь на её рисунке соответствовали эмоции: основание – надежда, колесо – движение, крыша – защита. Она объясняла, её голос был быстрым, взволнованным, и Марк смотрел на неё, чувствуя, как её энтузиазм заражает его, как будто она открыла дверь, которую он сам не видел.

– Вот тут, – указала она на колесо, – это как сердце. Оно должно биться, чтобы всё работало. А тут, – она ткнула в крышу, – это как объятия, чтобы всё держалось вместе.

Жора, стоя рядом, слушал, опираясь на трость, и его лицо, обычно каменное, медленно смягчалось. Он кашлянул, но не перебивал, а потом, неожиданно для Марка, сказал:

– Хорошая карта, внучка. Может, и я гвоздь забью, раз ты так расписала.

Аня засмеялась, и её смех, звонкий, как колокольчик, разнёсся над рекой. Марк смотрел на них, на отца, который впервые за долгое время улыбнулся, на дочку, которая, сама того не зная, оживила их обоих. Он думал о том, как дети, как Аня, становятся ключом к чему-то забытому – к тем дням, когда Жора учил его и Артура рыбачить, когда мама смеялась, глядя на их грязные лица. Аня была как мелодия, которая связывает аккорды, и её «карта душ» была не просто рисунком, а напоминанием, зачем жить – не ради славы, не ради успеха, а ради этих моментов, когда ты стоишь у реки с теми, кто тебе дорог.

Они начали работать, Аня носилась с досками, Жора, ворча, но с неожиданной энергией, держал балки, а Марк вбивал гвозди, чувствуя, как каждый удар отзывается в его сердце, как будто он строил не только мельницу, но и мост между ними всеми. Он знал, что Аня не может остаться надолго, что её мать будет звонить, требовать возвращения, но сейчас, в этот момент, они были вместе, и это было важнее всего. Марк посмотрел на Аню, которая рисовала на доске мелом маленькое сердце, и подумал, что, может, эта мельница, этот городок, эта река – его место, где он наконец-то перестанет бежать.

Глава двадцать седьмая

Дни после бури тянулись медленно, как река, которая, разлившись, теперь лениво отступала и тихо мелела, оставляя за собой мокрые следы на берегу. Марк работал на мельнице, его руки, покрытые мозолями, уже привыкли к молотку и доскам, но внутри всё ещё бурлило – мысли о Лене, о её письме, о том, как их семьи были связаны ещё в прошлом, как колёса в механизме, который крутится, невидимый, но неумолимый. Он думал о любви, сидя у реки в перерывах, глядя на воду, которая текла, не останавливаясь, но всегда возвращаясь к истоку в каком-то смысле. Любовь казалась ему скрытым механизмом жизни – невидимой шестерёнкой, которая крутит колёса судьбы, заставляя людей двигаться вперёд, даже когда кажется, что всё стоит на месте. Она не кричит, не требует, но без неё всё останавливается, как эта мельница без воды. Он думал о маме, о её отказе от карьеры ради них, о Жоре, который, несмотря на свой гнев, остался с семьёй, об Артуре, чья любовь к ним была в его упрямстве. И о Лене – её жесты, её молчаливое присутствие, как шестерёнка, которая могла бы вписаться в его механизм, но он отшатнулся, боясь, что всё сломается.

Это размышление гнало его вперёд. Он встал, отряхнул джинсы от опилок и пошёл к дому Лены, который стоял недалеко от реки, с покосившимся забором и цветами у крыльца, которые она, наверное, сажала сама. Дверь открылась после первого стука, и Лена вышла, в белоснежной футболке, с волосами, ещё влажными после душа. Её глаза, тёмные, с искорками, на миг вспыхнули, но она быстро скрыла это, кивнув ему.

– Марк, – сказала она, её голос был ровным, как всегда. – Что-то случилось?

Он помедлил, чувствуя, как слова застревают в горле, но потом сказал, просто, без лишнего:

– Мельница случилась... Я один не справлюсь. Стань партнёром. Помогай, если сможешь. Доски, идеи – всё, что нужно.

Лена посмотрела на него, её лицо было неподвижным, но в глазах мелькнуло что-то – не удивление, а принятие. Она кивнула, не задавая вопросов.

– Ладно, – сказала она. – Завтра приеду.

Она приехала на следующий день, с термосом кофе и досками в багажнике. Аня, которая уже стала частью мельницы, как её маленькая тень, подбежала к машине, её глаза загорелись.

– А я помогаю с картой душ.

Лена улыбнулась, её улыбка была тёплой, как солнце после дождя, и пожала руку Ани, не как взрослый ребёнку, а как равному.

– Карта душ? – переспросила она, и в её голосе была искренняя заинтересованность. – Покажи.

Аня вытащила свой блокнот, и они сели на пень, Аня объясняла, её руки летали над рисунком, а Лена слушала, иногда вставляя вопросы, которые заставляли Аню сиять. Марк смотрел на них со стороны, и видел, как они дружат – просто, без усилий, как вода находит путь в реке. Аня рассказывала о своей «карте», где каждая балка была эмоцией, а Лена кивала, добавляя свои идеи – «а здесь, может, свет, чтобы было как надежда». Они смеялись, когда Рекс подбежал и лизнул Аню в щёку, и Марк чувствовал, как эта картина – Аня, Лена, мельница – становится частью его жизни.

Но идиллия длилась недолго. Через пару дней раздался звонок – Света, бывшая жена Марка. Её голос в трубке был резким, как удар.

– Аня там? – спросила она, не здороваясь.

Аня, услышав голос матери, схватила телефон, её лицо стало упрямым.

– Мам, я не вернусь! – сказала она. – Здесь мельницу чиним. Я нужна!

Света замолчала на секунду, потом её голос стал холодным.

– Я приеду. Завтра. И заберу тебя.

Она приехала на следующий день, её машина, аккуратная иномарка, остановилась у мельницы, где они работали. Света вышла, её лицо было напряжённым, глаза сузились, когда она увидела Аню, сидящую с Леной на пне, обе в опилках, смеющиеся над чем-то. Марк подошёл, чувствуя, как внутри всё сжимается.

– Свет, – сказал он, стараясь говорить ровно. – Она хочет остаться. Пусть побудет.

Но Света посмотрела на Лену, на её куртку, покрытую пылью, на её улыбку Ане, и её лицо исказилось.

– Это кто? – спросила она, её голос был острым, как нож. – Твоя новая подружка? Ты здесь развлекаешься, а дочь забрал?

Лена встала, её лицо стало неподвижным, и она молча пошла к своей машине, не сказав ни слова. Дверца хлопнула, и такси уехало, оставив за собой облако пыли. Марк почувствовал укол вины, но не успел ничего сказать – Света повернулась к нему, её глаза горели.

– Ты опять всё портишь, Марк! – закричала она, её голос эхом отразился от стен мельницы. – Дочь втянул в эту развалину, а сам с какой-то таксисткой флиртуешь?

Марк вспыхнул, его кулаки сжались, и он шагнул ближе, его голос стал громким, полным накопившейся боли.

– А ты? – крикнул он. – Ты меня бросила из-за моих неудач! А теперь приехала, чтобы Аню забрать, как вещь? Она здесь счастлива, Свет! А ты только и знаешь, что рушить!

Они кричали, слова летели, как стрелы, – оскорбления, упрёки, старые раны, которые открылись заново. Света подняла руку, как буд-

то хотела ударить, но остановилась, её лицо было красным от ярости. Марк стоял, сжимая кулаки, и казалось, что это конец, что они поссорились навсегда, что ничто не склеит эту трещину. Аня, стоя в стороне, заплакала, её истерика была громкой, надрывной, как будто весь мир рушился вокруг неё.

– Хватит! – кричала она, топая ногой. – Хватит ругаться!

Но они не слышали. Вдруг раздался выстрел – оглушительный, как гром, и все замерли. Жора стоял у тропинки, с сайгой в руках, его лицо было серьёзным, как в девяностые, когда он «разбирался» с должниками. Он выстрелил в воздух ещё раз, его крик был бандитским, хриплым, полным ярости:

– Заткнулись! Руки за голову! На колени, оба!

Марк и Света замерли, их лица были в шоке. Жора подошёл ближе, ружьё наизготовку, его глаза горели, как угли.

– На колени, сказал! – рявкнул он, и выстрелил снова, и они, не смея спорить, опустили на землю, грязь пропитала их джинсы. Аня стояла, прижав руки ко рту, её слёзы замерли.

Жора стоял над ними, его трость лежала на земле, а ружьё не дрожало в руках. Его голос, низкий, полный сарказма и чёрного юмора, разнёсся над рекой:

– Вы, два идиота, думаете, что ваша драма – это весь мир? А внучка? Я не дам вам, придуркам, разделить её жизнь на «до» и «после»! Можете хоть друг друга поубивать, но это не коснётся Ани! Вы оба – как собаки, грызётесь за кость, а кость – ребёнок! Я в девяностые таких, как вы, в реку топил, с камнем на шее! Но сейчас – милосердие. В мельницу вас, и запру, пока не поумнеете!

Он загнал их внутрь мельницы, и запер дверь на засов, бормоча: «Сидите, голубки, пока не снесёте яйцо мира».

Аня стояла рядом, её глаза были большими, но в них мелькнула искра восхищения. Жора повернулся к ней, его лицо смягчилось, и он подмигнул, с чёрным юмором:

– Не бойсь, внучка. Деда не сломаешь. А эти двое – как кот с собакой, пусть погрызутся там. Пойдём, чай заварим.

Дверь захлопнулась, оставив их в полумраке пыльного склада мельницы. Через щитовые стены пробивался косою луч заходящего солнца, в котором кружились мириады пылинок.

– Поздравляю, – фыркнула Света, отряхивая с колен грязь. – Твой бандитский папаша превзошел сам себя. «На колени!» А дальше что? Выкуп потребует?

– Он не мой папаша, он мой отец, – сквозь зубы процедил Марк, скидывая с плеч рюкзак, случайно оставленный в углу. – И он хоть иногда думает о других. В отличие от некоторых.

– О, вот оно как! – Света засмеялась, но смех был сухим и злым.

Она села на старую, покрытую мешковиной бочку. – Я, конечно, монстр. Хочу, чтобы моя дочь училась, а не покрывалась опилками в аварийной развалине. Ужасная мать.

– Ты хочешь, чтобы она была твоей копией. Чистой, правильной и... выхолощенной.

– Лучше выхолощенной, чем живущей в мире грез и долгов, как её отец! – парировала Света. – Мельница, Марк? Seriously? Это что, кризис среднего возраста в формате 3D?

– Здесь есть душа! – он ударил кулаком по балке, и с потолка посыпалась труха. – В твоей стерильной квартире-студии даже пыль боится оседать, чтобы не нарушить концепцию минимализма.

– Зато там есть горячая вода. И отопление. И нет летучих мышей на чердаке, – она презрительно огляделась. – Хотя, кто знает. Готова поспорить, твоя подружка-таксистка уже бежит за сеткой для их отлова.

– Оставь Лену в покое. Она просто помогала.

– Ага, с таким влюбленным взглядом, что у Ани аж скулы свело от улыбки. Очень «просто». Ты всегда был мастером находить поддержку в лице... энтузиасток.

Они замолчали. Тишину нарушал только скрип старых балок. Марк сел на ступеньку лестницы, ведущей наверх.

– Ладно, – вздохнул он. – Давай по делу. Ты права...

Света подняла бровь, ожидая подвоха.

– В чем именно?

– В том, что я облажался тогда. С бизнесом, со всем. И ты ушла. Это факт. Но превращать Аню в поле боя – это уже твоя заслуга, Свет.

– Я её не превращаю! Я её защищаю!

– От чего? От меня? От деда? От деревенского воздуха? Она здесь за два дня больше жизни увидела, чем за год в твоём застегнутом на все пуговицы мире. Она гвозди забивает, Свет! И гордится этим!

Света хотела сказать колкость, но снова передумала. Посмотрела на луч света.

– Она сказала, что нужна здесь. Что вы чините мельницу.

– И это правда. Без неё мы с отцом точно бы поубивали друг друга на третий день.

– Жора и правда стреляет до сих пор? – в голосе Светы пробились едва уловимая смешинка.

– Как видишь. Педагогические методы девяностых. Неистребимы. Губы Светы дрогнули уголком. Она вытерла пыльную щеку.

– Черт. Я, наверное, выгляжу, как трубочист.

– Как самый красивый трубочист в области, – неожиданно для себя сказал Марк и тут же спохватился. – То есть... в плане...

Света снова коротко рассмеялась, но уже без злобы.

– Гладко. Очко в твою пользу. Ладно, сидеть тут в осаде – идиотизм.

Предлагаю перемирие. Хотя бы на время, пока этот псих с ружьём не решит покормить нас из одной консервной банки...

– Уже предлагаю, – Марк порывлся в рюкзаке и достал смятую пачку печенья и бутылку теплой воды. – Ужин при свечах. Вернее, при солнечном закате.

– Роскошь, – Света взяла предложенное печенье. Они ели молча, и напряжение понемногу уходило, растворяясь в простом жевании.

– Знаешь, – сказала Света, запивая водой. – Я не из-за денег тогда ушла.

Марк посмотрел на неё.

– Я ушла, потому что ты сдался. После провала ты не боролся, не искал вариантов. Ты просто... спрятался, как сейчас, здесь. А мне нужен был партнер по жизни, а не проектор для моих же советов.

– Я знаю, – тихо сказал Марк. – Я просто... не знал, как снова встать. А здесь и сейчас все понятно. Камень на камень. Бревно на бревно.

– И дочь в опилки, – добавила Света, но уже мягче.

– И дочь в опилки. Прости. За всё.

– Я тоже. За сегодняшний спектакль. И за «таксистку». Это было низко.

– Ничего. У неё броня крепче, чем у этой мельницы.

Они снова замолчали, но теперь это была тишина между людьми, которые когда-то знали друг друга лучше всех на свете.

– Она правда так хочет остаться? – спросила Света.

– Да. До конца каникул. Я привезу её сам. Целую и невредимую. И... можешь приезжать. Проверять. Если захочешь.

– Смотреть, как ты флиртуешь с механиками-водителями? – пошутила она.

– Обязательно. У меня тут целая очередь, – ухмыльнулся Марк.

Луч света погас. В мельнице стало совсем темно.

– Ладно, – Света встала и потянулась. – Давай составим план по сдаче этой крепости. А то твой отец, того и гляди, гранату кинет вместо ужина.

– Договорились, – Марк тоже поднялся. В темноте он протянул руку, чтобы помочь ей спуститься с бочки, хотя она не нуждалась в помощи. Она все же взяла её. На секунду.

– И давай больше не будем... так. При Ане.

– Давай.

По двери снаружи стукнули прикладом. Послышался хриплый голос Жоры: «Эй, голубки! Не передумали мириться? А то у меня тут второй ствол зачелся!..»

Марк и Света переглянулись в темноте. И впервые за долгие годы рассмеялись вместе, тихо и по-настоящему, над одним и тем же абсурдом их жизни.

Жора отодвинул засов, дверь скрипнула, и вошла Аня, поставила поднос на пол и вышла, её глаза были полны надежды. Жора хмыкнул:

– Ешьте, придурки. И подумайте, что жизнь – не ваша драма, а Анина. А то я вас ещё на неделю запру, с одним горшком на двоих!

К вечеру дверь открылась снова, и Марк со Светой вышли, их лица были усталыми, но спокойными. Света уехала, договорившись, что к концу каникул Марк привезёт Аню обратно, но с обещанием, что она сможет приезжать чаще. Аня обняла мать, её слёзы были теперь от облегчения, и Марк, глядя на них, подумал, что Жора, со своим ружьём и монологом, был прав – крест не нести одному, и иногда нужно запереть дверь, чтобы открыть сердце.

Глава двадцать восьмая

Солнце клонилось к горизонту, окрашивая реку в золотые и оранжевые тона, которые дрожали на воде, как отражения воспоминаний. Марк работал на мельнице, его руки, покрытые слоем пыли и опилок, методично вбивали гвозди в новую балку. Аня сидела рядом на пне, её блокнот с «картой душ» лежал на коленях, и она карандашом дорисовывала новые линии – теперь каждая доска была не просто деревом, а символом чего-то большего: стойкости, памяти, надежды. Жора, который после приезда внучки стал чаще приходить к мельнице, сидел в тени, опираясь на трость, и молча наблюдал, его кашель иногда разрывал тишину, но в его глазах была тень интереса, как будто он видел в этом ремонте не просто прихоть сына, а что-то, что могло бы заполнить пустоту после Артура.

Марк выпрямился, потирая спину, и посмотрел на Аню, которая сосредоточенно жевала кончик карандаша. Её присутствие, её энтузиазм были как свежий ветер в душевной комнате – она не просто помогала, она вдохновляла, заставляя его видеть в каждой доске не работу, а историю. Но сегодня он был рассеян: мысли о Лене, о её молчаливом уходе после скандала со Светой, о письме, которое лежало в кармане его куртки, не давали покоя.

Вдруг на тропинке послышались шаги – из-за поворота вышли трое парней, лет шестнадцати, в потрёпанных куртках и кепках, надвинутых на глаза. Они шли медленно, не с вызовом, а с опущенными плечами, как будто несли что-то тяжёлое. не один, а несколько, и Марк напрягся, вспомнив, как подростки ломали дверь в прошлом.

Один из них, высокий, с угловатым лицом и глазами, которые избегали смотреть прямо, шагнул вперёд, когда они остановились у мельницы.

– Мы... это... – начал он, запинаясь, и его голос был хриплым, как будто он репетировал эти слова всю ночь. – Мы те, кто дверь ломал. Извините. Не хотели... ну, не думали, что это кому-то важно.

Аня, не отпуская руку отца, шагнула ближе к парням, её глаза были любопытными, без осуждения.

– А зачем ломали? – спросила она просто, как ребёнок, который хочет понять, а не судить.

Парень, который говорил, посмотрел на неё, и его лицо смягчилось.

– Просто... места нет, где посидеть. В городке ничего, кроме паба, а туда нас не пускают. Вот и... сорри.

Марк хотел что-то сказать, но тут один из парней, поменьше, с веснушками на носу, шагнул вперёд и сказал:

– Я Муха. Сын дяди Эдика. Друга Артура... вашего брата. Он мне рассказал, что вы тут делаете. И... мы подумали, может, поможем? Может, строить, а может, ломать?

Марк улыбнулся и замер, молоток опустился в его руке. Друг Артура – Эдик, которого он помнил смутно, из тех времён, когда Артур чинил фуры с приятелями. Поворот был неожиданным: эти парни, которых он считал врагами, предлагали помощь. Он посмотрел на них, на их неловкие позы, на опущенные глаза, и вдруг увидел в них отражение своего прошлого – себя и Артура, когда они были подростками, бунтарями, ищущими место в мире, где всё казалось слишком тесным. Враги? Нет, просто мальчишки, как они когда-то, и если увидеть в них это отражение, то они могут стать не угрозой, а опорой, как балки, которые держат крышу.

Аня, не давая Марку ответить, улыбнулась и сказала:

– Круто! А давайте я вам покажу карту душ? Вот здесь, – она вытащила блокнот, – балка – это стойкость. Вы можете помочь с ней? А я нарисую, что это ваша эмоция.

Парни переглянулись, но в их глазах мелькнула искра интереса. Муха кивнул, и они подошли ближе, Аня начала объяснять, её голос был звонким, увлечённым, и подростки, сначала неловко, но потом с улыбками, начали задавать вопросы. Марк стоял в стороне, наблюдая, как Аня ладит с ними – просто, без усилий, как будто она знала секрет, как превратить чужих в своих. Она раздавала им инструменты, показывала, как держать доску, и они начали работать.

Вдруг на тропинке послышались шаги, и появился мужчина – крепкий, с седой бородой и глазами, которые Марк узнал сразу. Эдик. Он остановился, глядя на сцену – подростки, Аня, Марк с молотком в руке.

– Марк, – сказал он, его голос был низким, как гул реки. – Слышал, ты тут мельницу оживляешь. А эти... – он кивнул на парней, – мои сорванцы. Мухамед – мой сын.

Марк кивнул, чувствуя, как внутри что-то сжимается при упоминании Артура.

– Эдик, – сказал он. – Рад видеть. А эти... они прощения просили. Помогают теперь.

Эдик хмыкнул, но в его глазах была тень улыбки.

Они работали дальше, подростки вбивали гвозди, Аня рисовала на досках маленькие символы – сердца, волны, – а Эдик, закатав рукава, помогал с тяжёлыми балками.

Глава двадцать девятая

Река в тот день была спокойной, её поверхность отражала серое небо, по которому лениво ползли тучи, как будто не решаясь пролиться дождём. Марк стоял у мельницы, его руки, загрубевшие от работы, сжимали металлические трубы – старые, ржавые, но вычищенные, которые он нашёл в сарае Жоры. Идея родилась ночью, после того, как он перечитал письмо деда, оставленное Леной, и вспомнил «мелодию мельницы», о которой думал у реки. Если вода крутит колесо, почему не заставить её петь? Трубы, закреплённые на лопастях, могли бы ловить ветер и воду, превращая их в музыку – не просто звуки, а голос, который расскажет о прошлом, о боли, о том, что всё ещё можно построить заново.

Он работал один. Жора остался дома, кашляя и ворча, что «эти музыкальные бредни» – пустая трата времени. Подростки, которые помогали с ремонтом, разошлись по своим делам, а Лена... Лена не появлялась после того, как уехала. Её отсутствие было как нота, пропущенная в мелодии, – незаметно, но всё звучит не так. Марк закрепил первую трубу на лопасть колеса, потом вторую, третью, вымеряя расстояния, чтобы звуки не сливались в хаос. Он спустился к реке, открыл заслонку, и вода хлынула, толкая колесо. Оно закрипело, медленно набирая ход, и звуки родились – низкий гул, резкий свист, потом что-то, похожее на ноты, но они были разрозненными, диссонансными, как крик, а не песня.

Марк стоял, слушая, и чувствовал, как внутри что-то сжимается. Это была не мелодия, а какофония, как его жизнь – каждый день был ударом молотка, но без гармонии, без смысла. Он подвинул одну трубу, заткнул отверстие в другой, но звуки всё равно резали ухо, как будто река смеялась над его попытками. Он сел на берег, опустив голову на руки.

Гул мотора прервал его мысли. Жёлтое такси Лены остановилось у тропинки, и она вышла, в своей джинсовой куртке, с волосами, небрежно собранными в хвост. В руках она держала ящик с инструментами – не новый, но аккуратно сложенный, как будто она готовилась к чему-то большему, чем просто помощь. Марк встал, чувствуя, как сердце стучит быстрее, но не от радости, а от смеси вины и облегчения. Она не смотрела на него, её взгляд был устремлён на колесо, которое всё ещё скрипело, издавая резкие звуки.

– Это твоя мелодия? – спросила она, её голос был ровным, с лёгкой

насмешкой, но без осуждения. – Похоже на кошку, которую прищемили дверью.

Марк усмехнулся, потирая висок, где синяк от балки уже почти исчез.

– Диссонанс, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал легко. – Хочу, чтобы река пела. Но пока она только орёт.

Лена подошла ближе. Она посмотрела на трубы, на колесо, и её глаза, тёмные, с искорками, загорелись чем-то, что Марк видел раньше – не страстью, а той самой искрой, которая появляется, когда человек видит задачу, которую хочет решить. Она поставила ящик на землю, присела у колеса и, не спрашивая разрешения, начала подкручивать одну из труб, её пальцы двигались уверенно, как будто она всю жизнь настраивала такие механизмы.

– Попробуй вот так, – сказала она, не глядя на него. – Отверстие слишком большое, ветер рвёт звук. Надо мягче.

Марк смотрел на неё, на её сосредоточенное лицо, на то, как она, не задумываясь, взялась за дело, которое он считал своим. Это была не просто помощь – это было её участие, её желание быть рядом, без слов, без намёков. Он почувствовал, как тепло разливается в груди, но тут же вспомнил, как отшатнулся от неё у реки, как обидел её своим молчанием. Он хотел что-то сказать, но вместо этого просто кивнул и присоединился к ней, подкручивая другую трубу по её указаниям.

Они работали вместе, молча, но в этом молчании была гармония, как будто их движения были частью одной мелодии. Лена подвинула одну трубу, заткнула отверстие пальцем, потом вырезала новый просвет ножом, который достала из кармана. Вода крутила колесо, и звуки начали меняться – сначала всё ещё хаотично, но потом, постепенно, они

– Вот, – сказала она, отряхивая руки. – Теперь поёт. Не идеально, но уже не кричит.

Марк стоял, слушая, и чувствовал, как эта мелодия проникает в него, как вода в сухую землю. Лена сделала шаг назад, её взгляд скользнул по нему, и в нём не было ни обиды, ни ожидания – только тихая уверенность, как будто она знала, что эта мелодия – их общая. Он хотел сказать что-то, поблагодарить, но слова застряли, и он просто кивнул, чувствуя, как её присутствие делает этот момент полнее, как будто она была той нотой, которой не хватало его диссонансу.

– Лена, – начал он, его голос был хриплым, как после долгого молчания. – Ты... здорово помогла. Без тебя бы не вышло.

Она пожала плечами, её улыбка была лёгкой, но в глазах мелькнула тень – не грусть, а что-то глубже, как будто она хотела сказать больше, но не стала.

– Мельница твоя, Марк, – сказала она. – Я просто... мимо проходила. Но её слова были мягче, чем обычно, и Марк понял, что она не

просто «проходила». Она была здесь, потому что хотела быть, потому что видела в этой мельнице, в этих трубах, в этом диссонансе, который стал гармонией, что-то своё. Он подумал о письме деда, о том, как их семьи были связаны, и о том, как Лена, сама того не зная, стала частью его мелодии. Жизнь, подумал он, как импровизация – хаос нот, которые кажутся ошибками, но через любовь, через связь, как эта вода и колесо, они находят своё место в симфонии. Лена была как эта вода – не требуя ничего, но давая движение, жизнь.

Они стояли у реки, слушая мелодию колеса, и Марк, глядя на неё, чувствовал, как эта гармония – не только в звуках, но и в них самих. Он знал, что завтра они продолжат, и, может, эта мелодия станет чем-то большим – не просто песней реки, а их общей историей, которая только начинается.

Глава тридцатая

Утро было ясным, с тем редким осенним светом, который делает всё вокруг чётким, как будто мир нарисован свежими красками. Марк сидел у мельницы, глядя на колесо, которое теперь вращалось ровно, издавая мелодию – не идеальную, но живую, благодаря трубам, настроенным Леной. Звуки воды и металла сплетались во что-то, напоминающее песню, и он чувствовал, как эта мелодия становится частью его, как ноты, которые он когда-то искал, но нашёл только здесь, у реки. Аня уехала пару дней назад, её каникулы закончились, и дом без её смеха казался пустым, как недописанная партитура. Жора, как всегда, сидел на крыльце, кашляя и ворча, но его взгляд, когда он смотрел на мельницу, был уже не таким суровым – будто он начал видеть в этом не просто причуду сына, а что-то большее.

Телефон в кармане завибрировал, и Марк, вытерев пот со лба, вытащил его. На треснутом экране высветилось имя – Вадим. Его бывший агент, человек, чьи звонки когда-то были для Марка как билет в будущее, а теперь – как эхо из прошлого, которое он предпочёл бы забыть. Он помедлил, но всё же ответил, поднеся телефон к уху.

– Марк, ты живой там, в своей глуши? – голос Вадима был таким же резким, с лёгкой насмешкой, но в нём чувствовалась энергия, как будто он уже готов продавать билеты на несуществующий концерт. – Я думал, ты там с волками воешь или с трактором танцуешь.

Марк усмехнулся, садясь на пень у реки. Рекс, лежавший рядом, поднял морду, как будто тоже заинтересовался разговором.

– Пока только с молотком, Вадим, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Что надо? Снова ругаться за фестиваль?

Вадим хмыкнул.

– Не, композитор, я не ругаться. У меня новости. Фестиваль в Питере – помнишь, тот, что ты завалил? Они дают второй шанс. Новый слот, через месяц. Говорят, это может быть твой билет обратно. Ну, что скажешь? Едешь?

Марк замер, глядя на реку. Вода текла, отражая небо, и мелодия колеса звучала тихо, но настойчиво, как пульс. Питер, фестиваль, сцена – всё, о чём он мечтал когда-то, вдруг стало таким близким, как будто он мог протянуть руку и взять. Но в груди что-то сжалось – не от радости, а от сомнения. Он подумал о мельнице, о Лене, которая помогла настроить трубы, о Жоре, который, кашляя, всё же пришёл спасать колесо в бурю, об Ане, чья «карта душ» лежала в его блокноте. Питер был его прошлым, но здесь, у реки, было что-то другое – не слава, а место, где он нужен.

– Дай подумать, – сказал он наконец, его голос был тише, чем он ожидал. – Я перезвоню.

Вадим фыркнул, но не стал спорить.

– Похоже, ты там совсем одичал, – сказал он. – Но не затягивай, Марк. Такие шансы не каждый день.

Марк положил трубку и долго сидел, глядя на колесо. Мелодия, которую они с Леной создали, была не идеальной, но она была настоящей, как эта река, как этот городок. Он понял, что должен поехать – не ради фестиваля, а ради Ани, и ради себя, чтобы закрыть одну дверь, прежде чем открыть другую.

На следующий день он собрал вещи, взял билет на автобус и поехал в Питер.

Вечером он встретился с Вадимом в кафе на Невском – шумном, с запахом кофе. Вадим, в своём неизменном кожаном пиджаке, сидел за столиком, листая телефон, и поднял глаза, когда Марк вошёл.

– Ну, композитор, – сказал он, откидываясь на спинку стула. – Выглядишь, как лесоруб. Это что, мода такая в твоём городишке? Или ты там дрова колешь вместо нот?

Марк усмехнулся, сядя напротив. Он заказал кофе, хотя знал, что не будет его пить – просто чтобы занять руки.

– Не дрова, Вадим. Мельницу чиню. Старую, дедовскую. С колесом, которое поёт.

Вадим поднял бровь, его лицо было смесью скептицизма и любопытства.

– Поёт? – переспросил он. – Ты серьёзно? Ты теперь не композитор, а механик с гитарой? Расскажи, я уже вижу заголовки: «Гений ушёл в деревню, сочиняет симфонию для трактора».

Марк засмеялся, но в его смехе была горечь.

– Не для трактора. Для реки. Я поставил трубы на колесо, вода их крутит, и они... звучат. Не как Бетховен, но как жизнь. Реальная.

Вадим вздохнул, глядя на него с прищуром.

– И ради этого ты готов плюнуть на фестиваль? На сцену, на людей, которые будут аплодировать? Марк, это твой шанс. Ты же не хочешь до конца жизни гвозди забивать?

Марк посмотрел в окно, где огни Питера мигали, как звёзды, но холодные, чужие. Фестиваль был бы успехом, но успех – это не слава, не аплодисменты. Успех – это место, где ты нужен, где твой труд становится частью чего-то большего, как нота в мелодии.

– Не поеду, Вадим, – сказал он наконец, его голос был твёрдым, как балка, которую он укрепил на мельнице. – Но я сделаю кое-что лучше. Концерт. Прямо у мельницы. Музыка от колеса, от реки. Для местных. Не для славы, а для... жизни.

Вадим замер.

– Ты серьёзно? – спросил он. – Ты рехнулся, композитор. Но знаешь, что? Это может сработать. Если это провалится, я тебя лично в Питер за шкуру притащу. А если нет... зови на этот твой концерт. Я хочу услышать, как твоя река поёт.

Марк улыбнулся, впервые за долгое время чувствуя, что его выбор – не бегство, а шаг вперёд. Они допили кофе, Вадим всё ещё ворчал, но в его глазах было что-то новое – уважение, как будто он увидел в Марке не того, кто сбежал, а того, кто строит.

...Вернувшись в городок, Марк стоял у реки, слушая мелодию колеса. Она была несовершенной, но настоящей, как его жизнь. Он думал о том, как организует концерт – не для критиков, не для толпы, а для тех, кто здесь, кто знает, что значит чинить то, что сломано. Успех, понял он, не в том, чтобы стоять на сцене, а в том, чтобы быть нужным – Лене, Жоре, Ане, этому городку, этой реке. Он достал блокнот и начал набрасывать план концерта, чувствуя, как мелодия мельницы становится его новой симфонией – не для славы, а для жизни...

ПЕРЕВОДЫ

Роза Аминовна Агоева родилась 23 июня 1966 года в селе Чегем 1 (Кабардино-Балкария). После окончания восьмилетней школы поступила в Нальчикское педагогическое училище им. 50-летия ВЛКСМ (ныне – педагогический колледж), который окончила в декабре 1984 года. Работала по распределению в селе Чегем 1, в детском саду воспитателем. За хорошую работу была направлена Министерством просвещения КБАССР в Ростовский педагогический институт на дошкольный факультет.

Член Союза писателей России с 2012 года, поэт-переводчик. Живёт и работает в городе Ростове-на-Дону.

Периодически печатается в газете «Вечерний Ростов», в альманахе «Вдохновение», печаталась в журналах «Литературный Кисловодск», «Литературная Кабардино-Балкария», «Вайнах», альманахе «Дон и Кубань», в чеченской газете «Вести республики», принимала участие в создании книги переводов с армянского Риммы Ра. Под одной обложкой с ростовским поэтом И. Антоновым издала три сборника стихов: «Два крыла» (2003 г.), «Дуэт» (2006 г.) и «Третий взлет» (2008 г.).

Людмила ЗАГАШТОКОВА

Знаю, что не раз о том писали
И что слов я новых не найду,
И душа моя в тисках печали,
Навалился тягостный недуг.
Лихорадит, сердце рвет на части,
Муки эти больше нестерпимы.
Стало жить страшнее час за часом,
И от тяжких дум бросает в дрожь.
О, война, война – исчадь ада,
Забираешь лучших сыновей.
Мир земной, о, как ты беспощаден,
К горю глух несчастных матерей!
Позабыв о совести и чести,
Делят власть бездумно тут и там.
Получаем горестные вести:
Счет потерян цинковым гробам.

Сына смерть... нет тягостней потери,
С чем, скажите, боль соотносить?
Не унять ее и не измерить,
И, увы, виновных не найти...

Перевод с кабардинского

Альвард БАДАЛЯН

Творец – художник жизни, бытия,
Свет жизни и великая надежда.
Он – строгий, справедливый судия,
И в трудный час Он каждого утешит.
Творца подсказки и Его совет –
Что может быть для нас ценней и выше?
По вере нам пред Ним держать ответ
И счастлив тот, кто голос Его слышит.
Творец – источник сил и свет души,
Он рядом, от рождения до тризны.
Учитель Благий, как же хороши
Твои уроки в вечной школе жизни!

Перевод с армянского

Мусса БИДЖИЕВ

Погладь мою голову, мама,
Что стала до срока седой!
Весь путь до семейного храма
Мечтал я о встрече с тобой!
Погладь меня, мама... Руками
Тревоги ты сводишь на нет,
Снимаешь с души моей камень,
Даруешь спасительный свет.
Спой песню, которую часто
Отец мой любил напевать!
Мы поровну беды-несчастья

Разделим, присев на кровать.
Твоим убеждениям страстным
Я в детстве поверил тогда:
Что летом отец мой из странствий
С подарком вернётся сюда...
Нет-нет! Не прошу я судьбине
Гонений отца-сироты!
По воле её на чужбине
Он жил в ожиданьи беды.
Останется в памяти ангел,
Сказавший мне, пряча глаза:
«Отец не в безвестие канул –
Он умер... дай волю слезам!»
О! Как несмышлёным ребёнком
Хочу оказаться на миг,
Который в рыдании громком
К груди материнской приник...
Вернуться ребёнком тем самым
В тот горестный вечер с тобой...
Погладь мою голову, мама,
Что стала до срока седой...

Перевод с карачаевского

Ильман ЮСУПОВ

Песнь моя, ты тревожишь меня каждый миг ежедневно
И пытаешь судьбу, отнимаешь привычный покой.
Мое сердце не дверь, не умеет оно совершенно
Сменой чувств управляться, у него биоритм другой.
И артерии, вены мои, ты пойми, не стальные,
Что же вешать бездумно на них, как белье, боль утрат?
Пропускать через душу кровавые годы шальные,
На сердечный огонь сыпать пепел тоски, словно яд?!
Мои буквы как плут, пашут лист белоснежной бумаги,
Приравняли к пластам золотым они ворохи слов.
Но допеть до конца тебя вряд ли мне хватит отваги,
И к тому же, признаться, последний куплет не готов.
Если ты скакуном отпускаешь скакать мое сердце,

То не надо скакать, умоляю, на нем без седла!
Взял у Вечности в долг я тебя, как верну, если солнце
Перестанет светить и раскроет объятия мгла?!

Перевод с чеченского

Исропил ЭСМУРЗИЕВ

О ВЕНДЕТТЕ

Посягнув на жизнь чужую,
Забывать нельзя о том:
Продолженье будет жутким,
Страх ворвется в каждый дом!
Знай, что призовут к ответу
Сына лучшего в роду,
И народ твой вслед за этим
Обречется на беду.
Если рвешься ты в дорогу,
Отомстить за честь свою,
Невиновного не трогай,
Не развязывай войну!
Пусть отыщется неправый,
Зная то, что обречен,
(Победит рассудок здравый)
Мстить в ответ не станет он.
С болью зубы стиснув глухо,
Точно зная, что нас ждет,
Прикрывая честью глупость,
Сами губим свой народ.
Так кому нужна вендетта?
Облегчаем жизнь врагам?
Вот в родном краю, не где-то,
Смерть шагает по пятам.
Сколько же еще напрасных
Жизней заберет она?
Безвозвратность, безвозвратность –
Наша общая вина...

Перевод с ингушского

Я знаю, что в начале было слово,
И всё же вряд ли полюблю графит,
Тогда, когда вопрос извечный снова
«Кому стихи твои нужны?» – звучит.
Пресыщенный простор кишит словами,
И правда с ложью вновь переплелись.
Дождь почерневший хлещет нашу с вами
Обманами наполненную жизнь.
По горло сыт я громкими речами,
Мне надоел гнусавый пустозвон,
И этот бред вольны вы слушать сами,
А я, собравшись наспех, брошусь вон!
От бега задыхаясь, кустик каждый,
Травинки, листик обниму душой.
Деревья языки свои покажут,
В ответ им я, чужак безмолвный, свой.
И, лёжа на ковре из разнотравья,
С природой воедино я сольюсь,
А запах свежескошенной отавы
Забыть поможет сладкоречья вкус.

Перевод с болгарского

Арбен КАРДАШ

В ночное небо устремляя взор,
Бездумно звезды стоит ли считать?
В ночное небо устремляя взор,
Сорви ты с уст безмолвия печать!
Открыто к Богу обратись с мольбой
И обо всех печалях расскажи.
Осилишь с верой в сердце путь любой,
Увидишь сразу: станет легче жить!
Поднявшись ввысь, забудешь вдруг про боль,
И в небесах, доверившись судьбе,

Познав сполна Вселенскую Любовь,
Ни в чем преград не будет впредь тебе!
Не будут затуманены мечты
Никчемною мирскою суетой,
Всевышнего частицей станешь ты
И засияешь в небесах звездой!

Перевод с лезгинского

Алим ХАНФЕНОВ

ТАЙНОЕ ЧУВСТВО

Ты мир освещаешь своей добротой,
При встречах с тобой я теряю покой.
Нещадно меня охвативший пожар –
Не тайное ль чувство к тебе, госпожа?
Хотя, разобраться, то разве секрет? –
Мой взгляд говорит о любви много лет...
Позволишь терпенью себя задушить
Иль вправду не видишь страданий души?
...А годы меж тем всё летят и летят,
В тени оставаться они мне велят...
Я радуюсь чувству... на травах-росе...
Тобой окрылённый, встречаю рассвет...

Перевод с черкесского

Эльмира АШУРБЕКОВА

Когда, по воле Кубад-шаха ¹, траншеем рыно стали рыть,
Чтобы проход единым махом меж морем и горой закрыть,
Как скрытый в дёснах зуб молочный скорей прорезаться спешит, –
Из недр Земли – основы прочной – стене расти Судьба велит.

¹ Кубад – предполагаемый возобновитель строительства Дербентской стены, царствовавший в Персии с 491 по 531 годы по Р. Х.

С тех пор, когда долиной правил наимудрейший Зулькарнейн ²,
Здесь, оказалось, был протянут ограды каменной ремень.
(Тогда история Дербента в утробе матери была.)
О, сколько раз тебя веками уничтожали силы Зла!
Стена, выдавшая немало властителей за малый срок,
С тобою время обвенчало навек истории виток!
«Дар-банд» ³, которой ты обязан своим названием, Дербент,
Не раз восставшая из пепла, бесценный образ для легенд!
История! Завесой тайны прикрыла много ты имён,
Кто знает, сколь под верхним слоем хранишь тропинок с тех времён?!

Перевод с табасаранского

Гульсасак УЗБЕКОВА

СЛЕДЫ

Памятники ставить матерям
Не старайтесь, будет труд ваш тщетен,
Миг на месте им не устоять,
Коль пустились в путь к мечте заветной.
Для чего великие дела
Ими свершены и в совершенстве?
И какая сила их вела? –
Знают тропы, что вели тех женщин.
Памятники ставить нет нужды,
Согласятся тут с молвой дороги:
Там, где материнские следы,
Рай в душе и места нет тревоге...

Перевод с башкирского

² Исфендияр Зулькарнейн – знаменитый персидский государь, современник Зороастра.

³ «Дар-банд» – букв. «дар» («дер») – непроходимый, неприступный; «банд» («бенд») – плотина, крепкая стена. В стихотворении обыгрывается версия происхождения названия Дербент (Дар+банд).

– Эй, гора, чья вершина седая до неба!
Почему от земли отдаляешься ты?
Между тем, у тебя объяснения нет ли?
И деревья склоняются к ней и цветы!
Течь хотят по земле, лишь по ней, даже реки,
Что берут от тебя изначально исток.
Почему с высотой так жаждешь ты встречи?
Если можешь, мне дай хоть какой-то намёк!
– Полагала я, это поймёте вы сами:
У людей есть высокое чувство-мечта.
Потому с голубыми дружу небесами,
Потому и пленяет меня высота,
Иль не ваша мечта, чтобы песни взлетали?
Разве крылья орлы расправляют не там?
И не вы ли достигли космических далей?
Звёзды снятся с Луною не вам по ночам?
Потому и стремлюсь к высоте постоянно,
Хоть стою на Земле головой в облаках,
Что хочу, чтоб у вас, у людей, неустанно
Чувств высоких звезда освещала века!

Перевод с балкарского

Кали ДЖЕГУТАНОВ

КОГДА К ТЕБЕ ПРИДУ...

Когда заманит красотою небо,
Я наслаждаюсь этой красотой.
Когда б могло, оно сказало мне бы:
«Спасибо, друг, любуйся вдоволь мной!»
Когда смотрю я на седые горы,
От восхищенья замирает взгляд.
«Взаимно, человек, – с улыбкой гордой, –
Любуйся нами вдоволь», – говорят.
Когда родник найду, томимый жаждой,
Он светлым взглядом смотрит на меня,

Когда прильну к нему губами жадно,
«Пей вдоволь», – скажет, песенкой маня.
Когда я в неге от молчанья леса,
Он за любовь меня благодарит
Шуршанием листвы и словом лестным,
Что в перепевах птиц лесных звучит.
Насущный хлеб дает родное поле,
Святое солнце дарит мне тепло.
За то, что сердце к ним любовью полно,
Меня обходит стороною Зло.
Свое богатство, красоту природа
Нам преподносит щедрою рукой,
И нежно окружая нас заботой,
Оберегает жизненный покой.
И ты, родная, знай ее законы:
Из искры возгорается очаг!
Мечту лелею я, судьбе покорный,
Увидеть свет любви в твоих очах!
Как жизни нет без воздуха, без солнца,
Как не прожить без неба, без воды,
Как без любви не может мое сердце
Огонь зажечь, вот так нужна мне ты!
Попала в плен любви моя свобода,
Но этот плен – счастливейший билет..
Когда тебе скажу «люблю» сегодня,
В ответ, прошу, не говори мне «нет»!

Перевод с абазинского

Русскоязычная художественная литература национальных республик, областей, округов Российской Федерации в настоящее время представляет собой один из самых интересных, но еще далеко не отрефлексированных, малоизученных феноменов отечественной культуры. В ряду разножанрового калейдоскопа новой и новейшей литературы, написанной на русском языке, следует выделить собственно русскую литературу. Еще непонятно, стоит ли она особняком, но, по мнению автора данной статьи, она скорее вплетается в единую ткань художественных произведений того или иного национального региона, отражая его особенности, пропущенные через индивидуальный «фильтр» автора, – огромный спектр жизни малой родины, начиная от своеобразия природного ландшафта, заканчивая укладом и характерным психотипом героев...

По мере знакомства с новыми произведениями местных авторов, перед литературоведами невольно встают и множатся вопросы, на которые еще нет ответов. Так, например, в какой степени условно русские авторы оказываются подверженными культурной ассимиляции, то есть аккультурации, так же, впрочем, как и национальные; можно ли в этом случае говорить о едином культурном пространстве, или мы имеем дело с формированием неких оригинальных субкультур, которые в совокупности складываются в общее условное название «единая культура»?

Подобные вопросы явились результатом прочтения новеллы «Огурцы с медом» русскоязычного автора Натальи Шинкаревой, которая снова утверждает нас в мысли о том, что все мы родом из детства. Разноцветный, искристый мир маленькой девочки, приехавшей погостить к родственникам на летних каникулах, становится своеобразным отражением целого среза жизни шестидесятых, которые были надежно зафиксированы цепкой, фотографической памятью ребенка. Автор оживляет тот особенный неповторимый уклад жизни «юга России» – Майского района КБР пятидесяти-шестидесятилетней давности, хорошо знакомый нам, коренным жителям республики: торопливая торговля на перронах во время остановок поездов, в результате которой хозяйки, похожие на героиню рассказа, предлагающие нехитрый, любовно выращенный товар, порой оказывались в накладе в результате общения с недобросовестными пассажирами... Это знакомая атмосфера русских деревень с палисадниками, в которых цветут яркие георгины и хризантемы, и рыбалка на полноводной реке Терек, которая обретает отдельное архетипическое звучание и становится особым смысловым маяком. Это и описание пестрой ярмарки – нового пестрого «вавилонского столпотворения» не

столько национальной, сколько многонациональной республики и ее представителей, демонстрирующих и продающих арсенал специализированных товаров, типичных для своего этноса... Рассказ полон эпизодов, типичных и вместе с тем своеобразных для южной российской провинции, переданных с подкупающей непосредственностью. Он пронизан простым теплым юмором, в котором непроизвольно смешиваются две опции: всеведущего автора-протагониста из настоящего времени и маленькой девочки из прошлого, которая попала из города в новый сельский мир. В рассказе актуализируются устойчивые противоречия, которые бытуют на уровне коллективного сознания, в частности, противоречия между городом и деревней, которые на примере авторского повествования проявляются очень рано – в детской среде.

Обращает на себя внимание значительное количество так называемых «гетеротопий», то есть мест, которые имеют историческую реальную основу. Так, для «коренного» читателя такие локации, как район Майский, реки Терек, Нальчик, Шалушка, улочки с реальными знаковыми указателями не абстрактно, а конкретно узнаваемы. Автор типичен в обращении к автобиографическому жанру повествования, столь распространенному в настоящее время.

Короткий период летнего пребывания в сельской среде становится живым увлекательным описанием целого среза жизни, воскресшего под пером автора, у которого уже свой узнаваемый стиль: точные, реалистические описания, сравнения, замечательные свежие метафоры, которые воссоздают полнокровные земные образы героев, стихию живого, естественного, бесконечно разнообразного потока жизни, той авторской художественной правды, в которую безусловно верить.

*Мадина Хакуашева,
доктор филологических наук,
член Союза писателей России*

ОГУРЦЫ С МЁДОМ

Рассказ

Вы когда-нибудь ели огурец с мёдом? А яблоко сорта «белый налив» с мёдом ели? Редкий гурман решится на такие «изыски», а вот меня в детстве пытались эдаким экзотическим способом откормить, как индюшку перед продажей. Придать, так сказать, товарный вид.

В раннем детстве, до школы, я была очень худой, нет, даже тощей. Смуглая, с желтоватым оттенком кожа, обтягивала мой скелет, на то-

ненькой шее крепилась маленькая головка. Пепельного оттенка волосы были заплетены в две тонюсенькие косички, которые больше походили на крысиные хвостики. Для создания иллюзии объёма мама вплетала широкие ленты (непонятно, чего было больше в косе – волос или ленты), подвязывала их кольцами и старалась сделать бантики попышнее. Увидев меня, взрослые восклицали: «Господи, худая-то какая, одни глаза!..»

Действительно, у меня были огромные глаза, обрамленные большими синеватыми кругами. Я и мой брат унаследовали их от мамы, а она от бабушки, а та – от прабабушки по отцовской линии. Тёмные круги вокруг глаз придавали им особенную выразительность, а цепкий пытливый взгляд привлекал внимание людей, цеплял, не отпускал и запоминался. Поговаривали среди родственников, что прабабка-ведьма по материнской линии и дед-колдун по отцовской, наверняка, одарили девочку какими-то способностями. Худющая, характер несносный, правда, лоб высокий и расстояние между губой и носом маленькое, что говорит о задатках большого ума, но кто знает, что из неё вырастет?..

Майские родственники

Когда родня собиралась по радостным или горестным случаям, и я попадала в их поле зрения, больше всех сокрушалась по поводу моей худобы тётя Вера, жена старшего брата моего отца. Она была большая труженица, аккуратно и со значительной выгодой вела хозяйство в поселке Майском. Статус города он получил в 1965 году, а история, которую я хочу рассказать, началась за год до этого. Интересно, что объединение станицы Пришибской и железнодорожного поселка Котляревского в одно поселение под названием «Майский» произошло ещё в далёком 1925 году, а среди наших родственников все упорно называли его Котляревкой. Так вот, на одном из семейных сборищ, а они проходили по-особенному, без сценария, но зато с соблюдением принципа: «Мы собрались для общения, но пышное застолье никто не отменял» и «Всё приготовила сносно, но Иркины котлеты все же превзойти невозможно»... И все в таком духе. Так вот там меня приговорили, а точнее, было решено отправить в Котляревку на откорм!

– Везите к нам, и я сделаю из неё человека! – строго глядя на меня и угрожающе сжав кулак поднятой вверх правой руки, отрапортовала тётя Вера.

Я, конечно, почувствовала некую угрозу в её словах, но решила, что доброе сердце дяди Романа не позволит случиться бесчинству со стороны грозной тётки. Надо сказать, что им тогда уже было за шестьдесят и оба казались мне древними стариками.

Дядя Роман был сыном моего деда по отцу от первого брака. Деда, кстати, я никогда не видела. Он овдовел, остался с шестью детьми разного возраста, и, хотя старшие присматривали за младшими, без хозяйки

в доме было тяжко. Кто-то присоветовал вдовую зажиточную женщину с тремя детьми, муж у которой сгинул в горниле первой волны послереволюционных зачисток. Сошлись и впоследствии родили ещё четверых, правда, прожили недолго. Деда раскулачили, арестовали, и больше его никто и никогда не видел. Осталась бабушка с тринадцатью детьми и свёкром на хуторе, и стали старшие дети разъезжаться кто куда в поисках лучшей доли.

Роману пора уже было обзаводиться собственной семьёй, и – вместе со своим братом Иваном – он тоже решил уехать. Так в 1929 году они обосновались в Котляревке. Отстроили дома по соседству, женились, и благополучно зажили. Тётя Вера – жена дяди Романа, как я уже упоминала, была очень трудолюбивая и предприимчивая женщина, кроме этого – очень красивая: смолянисто-чёрные кучерявые волосы, правильные черты лица, ладненькая фигурка, правда, портила все косолопая ступня правой ноги. В детстве малышка оступилась, вовремя не вправили детские косточки, и ступня срослась накось. Так и шла она по жизни, косолопая и прихрамывающая, но бойко и не боясь никаких трудностей. Дяде Роману с женой повезло, а вот детей им Бог не дал...

Жили они душа в душу, строились, обживались и мечтали о детях, а как же иначе, ведь у всех братьев и сестёр было уже не по одному ребёнку, даже младшие, сводные, и те с приплодом. Род разрастался, только у них и у сестры Ирины детей не было. Ну, Ирка понятно – непутёвая, и жить весело, и выпить крепко любит, а они – правильные во всём, а Бог их счастьем обошел.

И вот как-то раз принесла сорока на хвосте весть: в Терек, в родильном отделении девчонка пятнадцатилетняя ребёнка оставляет. Девочку родила, отец – фрукт какой-то начальственный – факт отцовства не признаёт, да и понятно: по партийной линии влетит. Малолетняя роженица тоже не горела желанием обнародовать свой позор, и взялись терские кумушки ребёночка пристроить в хорошую семью, документально не проводить и дело «шито-крыто» обтяпать.

Как только Роман с Верой узнали об этом случае, тут же поехали в Терек. Кумушки на них посмотрели, сопоставили внешность производителей с потенциальными родителями и вынесли вердикт – подходят! Конечно, была бы Вера блондинкой или русоволосой женщиной, ребёнка бы не отдали, так как родители девочки были брюнетами и коренной национальности, чернявость Веры в их решении сыграла главную роль. Ну, а то, что пара зажиточная и положительная, они уже знали (им та же сорока на хвосте принесла). Таким образом, благое дело было сделано: честь юной роженицы соблюли, от свадьбы на коромысле избавили¹,

¹ Древний обычай, когда брат сажал на коромысло задом наперёд опозорившую семью сестру, и нес её на плечах на поругание по селу.

начальнику партийный билет сохранили, а Вере выправили документы о том, что она родила здоровенькую девочку.

Так, к всеобщей радости, у них появилась прелестная доченька Танечка, которую они безумно любили, воспитывали в строгости, но и ни в чем девочке старались не отказывать. Танечка, рожденная от престарелого Ромео и юной Джульетты, была, безусловно, плодом безумной любви, потому что только в любви рождаются такие прекрасные дети. Девочка была настоящей красавицей, живая куколка, вот только ростом была не по возрасту мала, и росла как-то медленно. Если бы в те времена кто-то направил её к грамотному эндокринологу, может, и с ростом было бы всё нормально, не только с внешностью, но, когда спохватились, время было уже упущено. Уже будучи взрослой, Танечка с большой натяжкой подпадала под определение «женщина низкого роста».

Она оканчивала начальную школу, когда меня привезли в Котляревку на откорм. Кроме как в пригородном поезде Нальчик – Прохладный (это потом уже стала ходить электричка) туда можно было приехать и в вагонах поездов Нальчик – Баку и Нальчик – Москва, ну или на автобусе. Но на раннем пригородном поезде было удобнее всего. Вся дорога, начиная от дома в Нальчике, до вокзала (шли пешком), затем путешествие в поезде и до дома в Котляревке, занимала не более полутора часов, но зато переносила в совершенно другой мир.

Дом моих родственников был совсем близко от станции – третий от железнодорожных путей. Выйдя из поезда, надо было пройти вдоль платформы до Пушкинского дуба, а потом, убедившись, что нет движения поездов, лавируя между товарными составами, быстро перейти на противоположную сторону от вокзала. Идти между огромными составами с цистернами, на которых нарисованы ужасные пиктограммы – то череп с костями, то пламя, то черный силуэт человека с разрывом в груди, было очень страшно. Взрослые же бойко перескакивали через рельсы и переходили с одного пути на другой.

Пушкинский дуб – известная достопримечательность в Майском и его окрестностях. Сразу по приезде мне рассказали легенду о том, как Александр Сергеевич, проезжая эти места, присел отдохнуть и именно под этим дубом написал вступление к своей поэме «Руслан и Людмила»: «У лукоморья дуб зелёный...» Несмотря на свой детский возраст и скудные познания в биографии и творчестве Пушкина, я подвергла сомнению эту информацию и сходу стала донимать вопросами: в каком году, в какое время года и почему поэт оказался под этим дубом?.. Встречающая и сопровождающая стороны были уже не рады, что затеяли этот разговор, и поспешили сменить тему. Но червь сомнения точил меня, не отпускал и всё больше ввергал в пучину недоверия.

Через пару минут мы с мамой уже входили во двор к тёте Вере. Конечно, истинным хозяином был дядя Роман, и никто не оспаривал

его главенства, но, хотя он и был моим родным дядей, для себя я всё же на первое место ставила его жену.

Дом стоял чуть в глубине, а перед ним был разбит палисадник с высокими, разных сортов, завораживающе красивыми георгинами. Я остановилась и, высоко задрав голову, стала рассматривать каждый цветок: тёмно-бордовые, белые, терракотовые, цикламеновые с белым краем, они под собственной тяжестью чуть клонили головки и, казалось, тоже рассматривают маленькую девочку, потрясённую их красотой.

С трудом оторвав взгляд от цветов, я огляделась: за палисадником стоял дом под черепичной крышей. Стены были свежесведеленные, белые, с бирюзовыми следами от щетки: как бы тщательно ни размещали в извести синьку (в те времена выбор колера был невелик), полосы всегда предательски выступали. Фундамент был подведён битумной краской, благо раздобыть её, живя рядом с депо, было не сложно, и сверкал в лучах солнца. Дом, казалось бы, тоже рассматривал меня через два небольших открытых окна, обрамленных резными наличниками и распахнутыми ставнями, окрашенными не в традиционный по тем временам голубой цвет, а оттенок зеленоватой бирюзы. Справа был забор, он же – опора для виноградника, а за ним – длинные ряды теплиц, где выращивали огурцы, а на меже с соседями – ряды роз. Замыкали полупериметр хозпостройки, за ними начинался сад. Весь двор был увит виноградом, который создавал природный навес, в знойные летние дни дарил тень, прохладу и богатый урожай ягод, собранных в гигантские, иногда трёхъярусные грозди разных цветов и названий: «лидия», «изабелла», «белый мускат», «ркацители»... Названия сортов, конечно, я узнала позже, как и подчеркнула многое другое во время моего пребывания в гостях на откорме.

Тётя Вера суетилась, собирала в корзинку гостинцы, только не подумайте, что они предназначались нашей семье. Нет, моя мама должна была передать их ещё одному моему дяде в Нальчике, как демонстрацию большой любви и уважения родственников из Майского. Ну, чтоб уж совсем неудобно не было, маме выделялось с пяток яблок, пару огурчиков и несколько морковок, которые тётя спешно сорвала с грядки и ополоснула в бочке с дождевой водой, понимая, что дискриминация нашей семьи налицо. Но, с другой стороны, она же взяла на себя обязательство откормить этого синенького или зелененького цыпленка, то бишь меня, поэтому какие тут ещё гостинцы. Шестидесятые годы прошлого века были голодными для горожан, но в сельской местности, у кого было подсобное хозяйство, этого не понимали и не ощущали, всё – как в пословице: «Сытый голодного не разумеет».

Сборы происходили в спешке, потому что в обратную сторону поезд приходил на станцию примерно в час дня и надо было успеть и погово-

речь, и дела какие-то сделать. Мама за такое короткое время умудрялась даже раскроить платье Танечке или тётке (она была знатной портнихой), исправить недоработки, допущенные Верой в пошиве изделия, обсудить житейские вопросы и успеть на поезд в Нальчик. Но чего она точно не успела в этот раз, так это попрощаться, приободрить, приобнять свою дочь, которую оставляла впервые в жизни одну в чужом месте, далеко от родного дома (родственные узы здесь не в счёт).

Ну, трагичность момента расставания длилась недолго, ровно столько, сколько в поле зрения находилась фигура мамы, удаляющаяся в направлении станции. Грусть еще не успела закрепиться на лице ребёнка, как на первый план вышла Танечка. Она вся сияла и радовалась той перспективе общения с городской гостьей, которую ей подарила инициатива матери – пригласить девочку на витамины. Она тут же взяла меня за руку и потащила за сарай, где росла яблоня сорта «белый налив», к которой был приставлен ящик, а на нём стояло старое, оцинкованное, потерявшее форму, перевернутое вверх дном ведро. С помощью этого нехитрого шаткого приспособления можно было добраться до первого сучка, опереться на него ногой, отжаться руками от ствола и прыгнуть на крышу курятника. Мне, как мастеру спорта международного класса по лазанию и проваливанию крыш городских дворовых сараев, такое начало очень понравилось.

Не скажу, что с лёгкостью, но довольно быстро я оказалась на крыше, которая состояла из четырёх уровней и была покрыта черепицей. Такой кровельный материал я видела впервые, меня очень заинтересовала система его крепления и, в первую очередь, как между черепицами не протекает в помещение вода. Присев на корточки, я стала разметать рукой листву, опавшую с яблони и принесенную ветром с других деревьев, и внимательно изучать конструкцию. Вдруг истошно заголосил петух, а потом завохотала курица, я посмотрела вниз и увидела нескольких кур в небольшой загородке из старого штaketника. Куры были в неприличной наготе – на их спинах и шее не было перьев. Ошеломлённая увиденным, я повернулась к Танечке и, не понимая, как сформулировать вопрос, вытаращив глаза, указала пальцем вниз. Вот удивительно, как дети понимают друг друга без слов, как, не зная языка и представляя разноязычные народы, через пятнадцать минут уже изъясняются между собой?! Так получилось и у нас, и Танечка моментально ответила:

– А-а-а, клещ их жрёт и блохи... – потом, махнув рукой, продолжила: – Полезли лучше дальше, покажу, где кадки с мёдом хранятся.

Весь хозяйственный блок, пристроенный к дому, напоминал лежащую букву «Г»: по сравнению с курятником крыша кладовой находилась немного выше по уровню, и надо было преодолеть небольшую высоту, чтобы на ней оказаться. Там был небольшой лючок с окошком, через которое виднелись все хозяйские припасы, состоявшие не только из

алюминиевых бидонов с мёдом, там же находились рамки с воском, разные приспособления пчеловода и ящики с яблоками, грушами, тазы с помидорами и огурцами.

Но смотреть в окошко было неинтересно, и мы решили подползти к краю крыши, которая переходила в навес, и дверь в самую кладовую оказалась хоть и открытой, но в глубине, что совсем не увеличивало обзор содержимого в кладовке богатства. Вот, спросите вы, зачем было лезть на крышу, чтобы посмотреть, что находится в кладовой, когда можно было свободно зайти в дверь и посмотреть это обычным, традиционным способом. Но кто же может ответить на этот вопрос сейчас. Тогда это было интересно. Маленькая хозяйка, видимо, считала, что такой вид презентации её владений будет ярче и оставит больше впечатлений. Скажу вам, она всё правильно понимала и эффект оправдал все её ожидания.

Моё любопытство так, в прямом и переносном смысле, перевесило все ожидания и я настолько опустила своё туловище, что его часть, немногим дальше талии, оказалась на весу, и я вполне уже могла спланировать вниз головой. Предугадав возможность падения, я впиалась ногтями в черепицу, что не особо помогло, и тщедушное тельце стало сползать вниз. Танечка почувствовала опасность, молниеносно среагировала, схватила меня за ступни и потянула на себя. И так как страх ещё не успел прийти в мою пытливую голову, я упёрлась руками о край крыши, приподнялась и сделала рывок в обратном направлении, а моя спасительница вовремя отступила назад, и с силой приземлилась на своё мягкое место. Оказавшись полностью на крыше, я несколько секунд лежала с распротёртыми руками и в целом походила на перевёрнутое распятие. Танечка же, всё еще продолжая крепко сжимать мои ступни, сидела молча. Красивые пухленькие губки-бантики то раскрывались, то собирались в бутон алой розочки. Затем обе, как по команде, встали и продолжили своё путешествие. Следующей была крыша длинного навеса, которая служила букве «Г» ножкой, и уровень её тоже был выше относительно предыдущего строения. С неё открывался вид на огуречные грядки, на двор и на дом соседей. Поглазев на окрестности, девочки перелезли на крышу летней кухни, которая завершала каскад подсобных построек и уровнем была тоже, как вы понимаете, выше предыдущей. Здесь основной достопримечательностью служила невысокая кирпичная, обмазанная глиной и выбеленная известью труба. Она была тёплой, из неё шёл дымок, который под воздействием лёгкого ветерка извивался, как будто в танце, а потом бесследно исчезал. Пламя и дым костра я видела не раз, но тут было что-то другое, порождающее много вопросов: почему летом труба тёплая, откуда идёт дым, почему он танцует и куда исчезает? Вопросы множились и тут же обрастали фантазиями. Не издавая ни звука, Танечка наблюдала за мной, стараясь понять, есть ли эффект и разделяю ли я её взгляды. Ей

важно было знать, по достоинству ли я оценила подготовленную для меня экскурсию. Всё было оценено на высший балл – экскурсия удалась.

Вдруг внизу всё пришло в движение, тётя Вера молча металась по двору. Хлопнула калитка, всё затихло, она вышла на улицу, потом опять хлопнула, и тётя быстрым шагом прошла в сад, вернулась, заглянула в курятник, в сарай, зашла под навес, раздался грохот, она что-то уронила, пошла в летнюю кухню – и уже оттуда раздался гневный крик:

– Танька, вы где!? Вот я тебе!..

Мы и представить себе не могли, что она нас ищет, ведь просто ходила молча с озабоченным видом по двору. Танечка приложила к своим губам пальчик, призывая помалкивать. Мы так и сидели на крыше и наблюдали, как тётя Вера мечется, заглядывая то под стол, который стоял под виноградником, то между рядами огуречных теплиц, то заходит в дом. И, наконец, выйдя уже в третий раз из летней кухни, она направилась в сторону сада, потом остановилась, резко повернулась и посмотрела вверх, на крышу. Натянув юбки на колени и обняв их руками, там сидели две девочки с ангельскими лицами и преданными глазами смотрели на разъярённую женщину.

– Ах вы паразитки такие! – крикнула она и сделала пару шагов в нашу сторону.

Танечка схватила меня за руку и потащила к другому краю, где над крышей нависала ветка соседского дерева. Ухватившись за неё обеими руками, Таня повисла, как на турнике, а потом прыгнула в узкий проход между забором и кухней. Я последовала её примеру, и мы быстренько протиснулись по этому узкому тоннелю и оказались в георгиновом царстве палисадника. Аккуратненько лавируя между кустами, мы неслышно открыли калитку, выскочили во двор, а затем на улицу. На пустыре уже собирались мальчишки с велосипедами. В Майском все передвигались на велосипедах – и взрослые, и дети. Понятно было, что там что-то затевалось, и мы уже собрались к ним бежать, как вдруг открылась калитка и появилась тётя Вера.

– Танька! – раздался грозный голос, – немедленно домой!

– Накажешь – убегу! – не менее грозно полетело в ответ.

Дальше – продолжительная немая сцена: стоят, руки в боки, мать и дочь и пикируются взглядами. Потом младшая сдаётся, и мы идём домой.

Откорм

На столе под виноградником стоит пиала со свежим янтарным мёдом. В нём, увязая всё глубже и глубже, борется за жизнь огромная оса. Тарелка с яблоками (у них розовый бочок), тарелка с огурцами-переростками (их братья товарного вида уже отложены на продажу), дальше – большое алюминиевое блюдо, на котором стоит половина огромного арбуза, а рядом сиротски примостилась гроздь розового винограда.

Блюдо покрыто белоснежным накрахмаленным лоскутом марли, над ним летают мелкие кусачие мухи. В десертной тарелке расположились небольшой круг домашней колбасы и кусок сычужного сыра.

– Садись и ешь! – тоном, не терпящим возражений, произносит грозная тётка.

Я, всё ещё надеясь, что это относится не ко мне, прячусь за спину сестры. Но меня берут за плечо и бесцеремонно подталкивают к столу.

Стол длинный и высокий, самой дотянуться с места до чего-либо невозможно, да и нет уверенности, что я что-то из всего перечисленного хотела бы съесть. Яблоки я люблю, но только «белый налив», огурцы очень люблю, но если они детки тех толстячков, что лежат на тарелке, в арбузе косточки, а я боюсь, что они могут прорасти у меня в животе, если я их случайно проглочу. Виноград бы попробовала, но он на противоположном конце стола, да и прячется за арбузом, и до него добраться – совершить целое путешествие. Колбаса и сыр вообще в расчет не шли.

Пока я размышляла над ситуацией, моя кормилица взяла большой огурец с желтыми разводами на бело-зелёной кожице и разрежала его пополам, в нём показались семечки, почти как у дыни. Обмакнув половинку огурца в мёд, со словами: «Ешь, это очень полезно!» – протянула мне. Янтарные медовые слёзы из зарезанного огурца закапали на клеёнку, и я тоже заплакала.

– Кусай! – строго сказала моя мучительница, и сквозь слёзы я увидела огурец у своего рта. Закрыла глаза, сжала губы и тут же ощутила на них что-то липкое.

– Открой рот! Кусай!

Я повиновалась. Откусила, сделала попытку разжевать, но не смогла, выплюнула (хорошо, что не в карман её фартука).

– Иди, возьми совок, веник, собери всё, выброси курам и возвращайся за стол.

Когда я вернулась, меня ждала вторая часть этого Марлезонского балета: мне протянули яблоко, заставили откусить и обмакнуть его в мёд. Вкус, конечно, был не таким своеобразным, как у огурца, но тоже не понравился. И тут я поняла, что ничего хорошего здесь меня не ждёт, что никто не будет водить капризную в еде девочку по базару в ожидании того, на что из продуктов упадёт её привередливый взгляд. Я заплакала ещё горше, чем не вызвала ни капли жалости у моей благодетельницы, а только чувство неприязни к неблагодарной девчонке.

И тут, вместе с вбежавшей во двор женщиной, ко мне пришло спасение. Она была маленькой, с чуть выбившимися из-под белой косынки седоватыми прядями волос, в ситцевом переднике в мелкий цветочек, подвязанном высоко под грудью и защищавшем длинную, выгоревшую от времени синюю сатиновую юбку. Над фартуком топорщилась белая в голубую крапинку блуза с пышными рукавами, собранными у локтя

манжетами, на ногах – мужские носки и кожаные с меховой оторочкой чупаки. Глядя на это явление, я подумала: лето, а она в меховой обуви. Всем своим видом женщина (это была жена дяди Ивана) олицетворяла нетерпение и недовольство.

– Вера! Поезд! Московский! – закричала она, не зная, ставить на землю переполненную сапетку² и ждать сосношницу или бежать дальше.

Поезда как центр мироздания

Вера всплеснула руками, метнулась под навес, схватила такую же корзину и, загребая своей косолапой ступнёй, поспешила на станцию. На ходу приказала дочери взять два букета из георгинов, приготовленных к продаже, и догонять её.

Оказалась, что вся жизнь моих родственниц состоит из встреч проходящих поездов, на коротких стоянках которых, на платформах, проходила настоящая ярмарка. Движение было оживленным, составы подходили и со стороны Минеральных Вод, и со стороны Орджоникидзе, торговля шла бойко, только успевай подсортировать.

Таня взяла букеты, и мы побежали на станцию. Там от вагона к вагону, от окна к окну бегали женщины, предлагая кулёчки с семечками, фрукты, овощи, мёд, варёную картошку, малосольные огурчики и другие продукты. Среди них я увидела свою тётю и поразилась переменам, которые с ней произошли: подобострастный, заискивающий взгляд, подтрясывающаяся рука с небольшой эмалированной чашкой яблоч; в другой руке, почти на уровне груди, – тяжелая корзина – витрина товаров. В Майском стоянка поезда всегда была короткой, три-пять минут, и за это время люди успевали купить-продать, и, к сожалению, бывало, что и обмануть. Пассажир брал товар, уходил в вагон, якобы за деньгами, и пропадал. Раздавался свисток, поезд трогался, продавцы всё ещё стояли у вагона, просили проводника поторопить пассажира с оплатой, а тот не появлялся, а потом с улыбкой махал из окна...

В этот раз такая история произошла с нашей тётёй Верой, у неё уехала без оплаты банка прекрасного майского мёда. Она бежала по перрону в надежде, что сейчас ей бросят деньги, но дверь в вагоне закрылась, она продолжала смотреть на окна, но и в них никто не появился.

Понурая, подволакивая свою кривую ступню, она шла домой, а сзади с двумя непроданными букетами несравненной красоты георгинов, плелись мы. Понятно было, что сейчас лучше не отвечивать, хотя на самом деле мне очень хотелось её как-то приободрить: сказать, что у пчёл ещё будет мёд, не может же он кончиться, не зря же дядя Роман пасёт их на

² Сапетка – на местном диалекте – плетёная из ивового прута корзина с двумя ручками.

пасеке. А если она боится, что он её поругает, то как он может заметить пропажу банки мёда, когда в сарае столько бидонов?!

Едва дошли до дома, как снова прозвучал гудок приближающегося поезда. Тётя поставила корзину на скамейку, выхватила у нас букеты и помчалась на станцию. Вернулась очень скоро, без букетов и с настроением.

«Красивые цветы всех лечат, – подумала я, – а такие букеты из георгинов, в которых ни один цветок не повторяется, могут творить чудеса...»

И чудо произошло! Тётя Вера вошла в дом и пропала там часа на два. Когда я полностью уверовала в то, что опасность кормления меня огурцами с мёдом миновала, я решила продолжить знакомство с хозяйством и поискать источник дыма из трубы. То, что я нашла, поразило меня и оставалось темой для разговоров долгие годы. Передо мной открылась сказочная картина, иллюстрация из книги «Русские народные сказки», которую мы читали дома с братом. У нас с ним был старинный фолиант с яркими красивыми картинками. Так вот, я увидела русскую печь из сказки «Гуси-лебеди». Заслонка была снята, и с краю стояла сковорода с пирогом. Верх его был украшен узорами, похожими на румяное кружево; смазанный желтком, пирог сверкал на солнце и приглашал отведать.

Я шепнула Тане, чтобы та спросила у тети разрешения отрезать от него кусок. Вера вышла из дома, достала пирог, выложила его на большое алюминиевое блюдо. Оно выглядело таким старым, израненным, с вмятинами, что мне показалось – это блюдо пережило войну. Но как только в нем разместился пирог, вся неприглядность исчезла и на столе осталась только красота ароматной, ажурной выпечки. Тётя поставила графин с фруктовым компотом, отрезала нам по большому куску пирога, погладила, скорее, взерошила у нас на головах волосы, с теплом произнесла: «Ешьте на здоровье!» – и ушла на грядки – срывать огурцы, готовиться к очередному десанту на вокзал.

Я откусила пирог, он был настолько вкусный, насколько и красивый, с необыкновенной начинкой, идентифицировать которую мне не удалось. Таня пояснила, что тётя распаривает сушеные яблоки, потом перемальвывает их на мясорубке вместе с грецкими орехами и намазывает на тесто. А ещё раскатывает полоски и ножницами вырезает на них разные узоры, потом выкладывает их на начинку, прямо в сковороде, и делает ещё волны по краю формы. Сказала, что тоже умеет делать пироги, но такие красивые у неё пока не получаются.

После пирога и двух чашек компота, мне подумалось, что не всё так плохо в моей теперешней жизни. Настроение изменилось в лучшую сторону, и даже тётю Веру и утрату банки мёда стало уже не так жалко.

Базарный день

В Майском суббота начиналась не с петухов, а со скрипа тележных колёс. Выездной базар, до которого идти да идти, работал только по

выходным дням и был целым событием. Местные жители – казаки, кабардинцы, русские, украинцы, корейцы, цыгане, немцы – везли на базар на подводах, на тачках, в детских колясках выращенные на своих огородах овощи, фрукты, зелень, соленья в кадках и мясные продукты.

Сельские магазины потребкооперации имели на том базаре постоянные места и располагались в крайнем левом ряду. На прилавках раскладывался дефицит: индийские комплекты, китайские покрывала с жар-птицами, штофы ярких тканей, которые в городских магазинах не увидеть, а в сельских спросом не пользовались.

Одними из первых, в предрабачной синеве, на субботний базар приезжали корейцы. Жили они в районе немногим больше десяти лет и целыми семьями возделывали свои аккуратные, словно вычерченные по линейке, поля. Их трудолюбие вызывало всеобщее уважение. Смульге, в конусообразных соломенных шляпах, они делали по два-три рейса на своих велосипедах с прикреплёнными к ним тачками, в которых, бережно уложенные на солому, покачивались первые, самые отборные арбузы и тяжёлые, пьянящие своим ароматом дыни. Торговцы раскладывали плоды своего труда аккуратными пирамидками, обрамляя их золотистыми косами лука. И, надо отметить, их старания не проходили даром – торговля шла бойко, товар расходился быстро.

Уверенные в том, что их места никто не займёт, позже всех появились цыгане. С грохотом они вываливали на расстеленный на земле брезент кованое добро: тяжёлые цепи, зубастые грабли, острые тяпки, огромные гвозди и дверные засовы.

И тётя Вера с раннего утра толкала перед собой тачку. На ней – баночки мёда, рамки с сотами, вёдра с отборными огурцами, помидорами «бычье сердце» и яблоками; малина и красная смородина, расфасованная в стеклянные банки, морковь и свёкла, связанная в пучки. Её адъютанты – я и Танечка – бежали следом, хвостиком, предвкушая приключения: можно было потеряться в толпе, поймать аромат жареных семечек, поест пирожков с картошкой, огромных, похожих на медвежью ступню. Увидеть, как цыганки продают сельским глупышкам «золотые» кольца, сделанные из медного пятака и начищенные до золотого блеска.

На базар съезжались продавцы из всех сёл и станиц, а из самого Нальчика специально приезжали покупатели – «охотиться» за тем самым дефицитом и домашними продуктами, за пышными буханками хлеба, испечённого в колхозной пекарне. Тётя Вера возлагала на этот день большие надежды. Вся неделя у неё шла в три потока: хлопоты по дому, торговля у проходящих поездов и скрупулёзная подготовка к субботе. Вечерами она перебирала яблоки, разливала мёд по баночкам, малосолила огурцы, вязала, строго по пять штук, в пучки морковь и ещё маленькую свеколку. Базар был её шансом выручить за один день столько, сколько у поездов не

соберешь и за месяц. Ей очень хотелось похвастаться своим заработком перед дядей Романом, когда он вернется с пасеки.

И вот он, этот день. Шум, гам, торг. Тётя Вера, обычно сдержанная, звонко зазывала покупателей. Мы, девочки, терялись в этом пестром море, но всегда знали – наш маяк там, у тачки, где пахнет мёдом и спелыми яблоками. А уже после четырёх часов дня, с пустой тарой и полным кошельком, тётя Вера медленно везла тачку домой, а мы плелись сзади, уставшие и счастливые, унося в карманах по двухцветному карандашу и «стёрке» (ластику) – плату за посильную помощь и участие в её большой субботней надежде.

Терек

Весть о том, что у Тани гостя – сестра из Нальчика, мгновенно разлетелась среди ребят. К дому потянулись любопытные не только с нашей, но и с соседних улиц.

На скамейке в ожидании теснились девочки. Мальчишки, образовав большой полукруг, висли на рулях своих велосипедов и рассказывали всякие небылицы. Все сгорали от любопытства. Сестра сказала, что надо наряжаться и выходить. Ну, наряжаться мне было не во что, а вот Таня в этом преуспела: белые атласные ленты в косах, белая блузка с вышивкой «ришелье» на воротнике и рукавах, – загляденье.

Наконец, мы вышли на улицу, и Татьяна триумф состоялся. Девчонки, окинув меня зорким взглядом и определив степень угрозы как нулевую, уставились на новую блузку сестры. Практически по такому же сценарию повели себя и мальчишки. Воздыхатели Татьяны укрепились в своих чувствах, а те, кто испытывал интерес к девочке из Нальчика, не скрывая своего разочарования, стали разъезжаться по разным сторонам.

Я плохо понимала суть происходящего, да и оценить реакцию на свою внешность тоже не могла. Маленькая худосочная бледненькая девочка с жиденькими крысиными косичками и гостя из Нальчика – эти понятия оказались неравнозначными. Место жительства не покрывало изъянов во внешности и не компенсировало ожидаемого.

Таким образом, я сменила статус почётной госты на статус «хвостика» – нежелательного приложения к сестре.

На следующий день ребята со всей округи стали собираться на Терек. Раздутые автомобильные камеры, готовые к плаванию, лежали на поляне одна на другой. Мальчиков набралось втрое больше, чем девочек, почти все одного возраста, ученики младшей школы, но было и несколько подростков.

Мальчишки, выкрикивая то одно, то другое имя, вызывали из соседних домов друзей. Услышали мы и Танино имя. Она встрепенулась, побежала спросить разрешение у мамы, и та как-то быстро согласилась. Только наказала, чтобы с меня глаз не спускала. Танечка спешно покида-

ла что-то в сумку, и мы выбежали за калитку. Компания уже поднялась, перешла речку Деменюк по камешкам (она ещё не пересохла, как обычно в это время) и двинулась по параллельной улице в противоположном от станции направлении.

По пути я увидела школу-восемилетку, в которой учились ребята, баню, куда тётя Вера собиралась нас вести в субботу, двухэтажное здание интерната для детей с ослабленным здоровьем, окруженное высокими соснами. Таня, указав на интернат, сказала: «Не будешь есть, мама сдаст тебя сюда, к задохликам».

Опять эти угрозы, подумала я. Родители пугают детским домом, здесь – интернатом. Как жить?!

Больше ничего примечательного мне не встретилось, пока не дошли до озера. Озеро как озеро, а вот за ним я увидела шлюзы, которые пропускали в него воду большой реки, делали её тише, смиряли её речной нрав, и движение по бетонному желобу становилось неспешным. В самом желобе, устеленном бархатом ярко-изумрудного мха, плавали блестящие, искрящиеся в солнечных лучах рыбки. Сразу их сложно было заметить, отличить от движущихся в потоке бликов, но если замереть и вглядеться, то вода раскрывала свой секрет, и можно было различить юркие создания цвета серебра или утренней зари с розоватой позолотой по бокам. Казалось, рыбки впитали в себя лучи солнца и присвоили это необыкновенное сияние.

Дальше по каналу, где поток соприкасался с зеркалом озера, ребята ловили рыбу. Они держали за четыре конца старую оконную занавеску, заводили её как невод к устью канала, приседали, а потом пружиня, вскакивали, растягивая занавеску над водой. А в ней обязательно подпрыгивал улов – рыба разной величины. Крупную сразу определяли в стоявшее на берегу и наполненное озёрной водой большое эмалированное ведро, а мелкую рыбёшку вытряхивали обратно.

Пожалуй, эта картина никого, кроме меня, и не привлекла. Для детворы это была их обыденная жизнь, в местах, где они выросли и уже не замечали окружающих красот...

Разглядывая жизнь в желобе канала, я немного задержалась и поэтому отстала от основной группы. И так не очень успевала за ребятами, а тут ещё озеро. Я постаралась догнать компанию, побежала вприпрыжку и всё время повторяла: «Буйный Терек... буйный Терек... буйный Терек». Откуда взялись в детской голове эти слова, объяснить было трудно, так как раньше эту реку я не видела, и разговоров о ней при мне не было. Но то, что это устоявшееся сочетание звучало в моем сознании – факт.

Путь оказался неблизким, через лес, и я уже подустала, когда передо мной вдруг распростерся Терек. Река была широкая и мощная, несла мутные волны и как будто дышала, то поднимая, то опуская их. Я увидела,

как вольно и плавно мчится поток, не рокошет, а лениво и могуче катит свои воды, издавая мягкий, убаюкивающий шум – не грохот, а низкий, непрерывный гул, фундамент всей звуковой палитры этого места.

На берегу, там, где вода не подмывает грунт, густо поднималась высокая трава. Её шелест – тихий, сухой шепот, контрастировал с голосом реки. В этой траве копошилась жизнь: всплеск мелкой рыбы у берега, чуть дальше, в более глубокой протоке, более крупная рыба оставляла на воде медленно расходящиеся круги.

Огромные стрекозы легко-легко, чуть касались крыльями величавой груди реки, будто стряхивая с них перламутровую пыль. Охотясь за насекомыми, носились с тонким свистом у самой глади ласточки, а с высоты доносился крик ястреба, выискивающего добычу.

И вот в эту симфонию природы ворвались звонкие, радостные голоса. На мелководе, где вода теплая и прозрачная, у самого края уже плескались ребята. Как-то сразу я решила, что их смех и крики «догоняй!», «смотри, как брызги летят!» – это самый настоящий разговор с рекой. И река отвечает им: она лепечет, обнимая их ноги прохладой, игриво подталкивает надувной круг, бурлит и пенится под их ладонями. Я видела, как река принимает их игру, становясь на время не стихией, а соучастником.

Я сразу решила, что река очень взрослая, Терек – почтенный старец. Хоть река и разговаривает с детьми, у меня не было уверенности, можно ли в ней так плескаться, как это делали ребята, кидать в неё надутые камеры, подныривать в них, плыть по течению, потом выходить на берег, возвращаться к подмосткам и опять прыгать в реку. В воду я не зашла. Меня звали, мальчишки, бахвались, кричали, что не раз переплывали Терек. Таня с девочками плескалась недалеко от берега и изредка поглядывала в сторону сестры.

Испугалась ли я этого огромного потока, не знаю. Скорее, меня поразили его масштабы, и, конечно же, я не поверила, что среди купальщиков есть хоть один Чапаев, который решил бы переплыть на другой берег. Такой далёкий, что деревья там выглядят маленькими кустиками и лишь кромки их отражаются в воде.

А ещё, как маленькие цветные пятна, там виднеются люди. Что они там делают, может, сидят с удочкой, созерцая поплавок, может, загорают? Быстро движущиеся фигурки – это, точно, дети. Все они – тихая, почти идиллическая картинка летнего покоя, отделенная от шумной компании ребят широкой, спокойной, неспешной гладью Терека. И над всем этим – глубокое лазурное небо, жаркое солнце и густой, сладкий от запахов трав и воды воздух лета.

Я раньше никогда не видела такой большой реки, мои знания в области гидрологии ограничивались только рекой Налчик – весёлый, говорливый поток, перепрыгивающий через препятствия, он создавал из

своих прозрачных струй небольшие водопадики и запруды, показывал каждый камешек, хранящийся на дне. И Шалушка – мелководная, теплая, с мутными водами речка, которая протекала недалеко от нашего сада.

В микрорайоне «Стрелка», на выезде из города, между тюрьмой и совхозными полями разбили на участки пустующие земли Шалушкинского старого русла и раздали горожанам. Родители заложили молодой сад, посадили плодовые деревья и стали совмещать работу на участке с отдыхом и рыбалкой на речке. Обязательно брали нас с братом, приучали к совместному семейному труду и, конечно, отдыху.

А тут – Терек! Я сидела и наблюдала за его течением, то ловила потоки справа, то провожала их, поворачивая взгляд налево, то, уставившись перед собой, старалась проникнуть в его глубины. У меня возникло много вопросов: откуда он взялся, куда течет, далеко ли, какое расстояние между берегами?..

Наверняка, тетя Вера просто увидела бы реку от моста до моста. А вот я восприняла её как мифологическое существо с её невидимым тайным началом – вестником далёких неизведанных миров. И невидимый конец реки – это другая великая тайна: река не кончается, она уходит в волшебные дали...

И, совсем ещё не накопив бытовых ярлыков: река – чтобы купаться, поливать огород и ловить рыбу, своим неиспорченным взрослостью восприятием я почувствовала дух реки.

Ах, как жаль, что это чистое, мудрое восприятие часто притупляется с возрастом.

Я испытывала удивительное доверие к этой реке. И, хоть и стояла на мелководье, с трудом преодолевая границу между сушей и текущей водой, я не воспринимала её как линию раздела, а скорее как место встречи. Одновременно ощущая себя собой и частью этого потока, мощи, напора струй о камни, неумолимого движения. И во мне рождалось уважение, не от страха перед опасностью (утонешь), а из чистого наблюдения: «Это больше меня, это древнее меня, у этого есть свой закон движения».

Наконец, ребята, продрогшие, с синими губами, на согнутых ногах, с поднятыми к ушам плечами стали выходить из воды и подходить к вещам, которые я караулила. На мокрые тельца стали натягивать сарафаны, шорты, майки; поджатые пальчики на ногах с трудом попадали в шлёпки, сделанные из сандалий. Детские лапки летом росли быстро, и, чтобы продлить жизнь чуть маловатым сандаликам, родители обрезают задник или лямки, фиксирующие пятку, и ребятня бегала в них до сентября.

Шумной ватагой возвращались домой, по дороге обсуждая кульбиты, подныривания и другие подвиги, совершенные в воде, а я шла и перед моими глазами всё текла и текла река – дедушка Терек...

Поход в кино

А вечером пришла соседка, она же сосношница Мария, звонкая и шумная.

– Вера! – крикнула она, стоя у калитки и поправляя платок. – В «Летний» сегодня картину привезли! «Королева бензоколонки», цветная, с Надеждой Румянцевой и Беловым! Сеанс в восемь! Всех ребят берём!

Тётя Вера решила, что мне надо развеяться, кликнула Таню, сказала:

– Свежий воздух, общество, отвлечётся от тоски по дому. Помоги девочке надеть платье в горошек, что мать передала, и аккуратно переплети ей косы. . .

Косы, конечно, она сказала по привычке, так как у её дочери были роскошные черные волнистые волосы, заплетённые в две толстые косы. А тут можно было получить не косы, а две тонюсенькие верёвочки, имеющие объём только за счет атласных лент.

Я шла, держась за шершавую руку тёти, и чувствовала, как в животе клокочет целый вулкан. Я сжимала мышцы, пытаясь усмирить бунт, но тихие предательские урчания всё равно вырывались наружу, заглушаемые лишь шумом товарняка, проходившего мимо станции.

Летний кинотеатр находился за зданием железнодорожного вокзала. Крыши у него не было, но забор был высокий. Мальчишки билетов не покупали, а обустраивались на ветках деревьев поближе к экрану. На заборе при входе висел рукописный плакат: «Сегодня “Королева бензоколонки!” Начало в 20:00». Зоркая билетёрша следила, как бы малышня не прошмыгнула без оплаты, и одновременно отрывала корешки билетов. Народу в «зале» собралось много – от малышей до стариков, на лавках рассаживались убористо, бок о бок. Слабый ветерок разносил запах акации, табака, духов «Красная Москва» и нафталина, исходившего от нарядов, которые надевались редко, как говорили, по случаю. Погасли фонари, расположенные по периметру забора, заиграла музыка. На экране появилась надпись: «Киностудия им. А. Довженко». Все замерли. И тут у меня в животе началось что-то страшное.

Газы, копившиеся весь день от непривычной тяжёлой пищи, требовали выхода. Они перекатывались, давили, искали лазейку. Я стиснула зубы. Сидела неподвижно, уставившись широко раскрытыми глазами (не из интереса, а от ужаса) в экран. Не видела там ни Людмилы, которая ловко разъезжала на роликах, ни очаровательного Славки. Весь мой мир сузился до одной цели: не издать ни звука. Каждый раз, когда в тишине между репликами героев раздавалось моё тихое урчание, мне казалось, что его слышат даже за железнодорожными путями.

Когда на экране герои заболтались, и у клиента из бака полился бензин, зрители стали выкрикивать предупреждения, смеялись, ругали раззяв, я невольно расслабилась на секунду. И этого хватило.

Прозвучал тихий, но отчётливый звук. Тётя Мария наклонилась к внуку:

– Ты что, Вовка? Такой большой, а не терпишь! стыдно!

– Это не я! – возмущённо прошептал мальчик. – Чего это ты?!

Я почувствовала, как пылает от стыда лицо, казалось, что даже в темноте его краснота видна, как прожектор. Я готова была провалиться сквозь землю, исчезнуть, чтобы только не видеть косых взглядов. На экране Людмила Добрыйвечер приучала водителей к опрятности, а я не могла справиться с собственным животом.

Через десять минут история повторилась. На этот раз пожилой мужчина, сидевший с другой стороны и кутивший «Беломор», крикнул, погасил окурок и пересел чуть дальше, бросив на меня короткий взгляд.

«Они все знают, что это я. Все!» – с ужасом думала я. Пыталась отвлечься и думать о доме, о подружке Ирке, о чём угодно, но живот жил своей жизнью, колючей, неудобной и беспощадной, не поддающейся никакой дисциплине.

В финале фильма, когда героиня отказывается от своей мечты стать балериной на льду и решает остаться среди друзей и коллег, мои чувства не были солидарны ни с залом, ни с несостоявшейся балериной. Я сидела, низко опустив голову, и чувствовала себя, как Людмила в первые дни своей работы на бензоколонке, – беспомощной и пристыженной.

По дороге домой, в темноте, освещаемой только редкими фонарями, тётя Вера и Танечка весело болтали о фильме.

– Какая актриса, а? Красавица! А ты что такая тихая, девочка? Не понравилось?

– Понравилось, – чуть слышно сказала я, глотая слёзы. А про себя подумала: «Никуда больше не пойду. Лучше буду сидеть одна в доме и ждать, когда за мной приедет мама».

Ночью я лежала и смотрела в тёмное окно, за которым слышалось стрекотание кузнечиков. Живот уже не болел, но внутри оставалась странная пустота. Не от голода – от чего-то другого. Я вспоминала телевизор у соседей, по которому показывали парад физкультурников – всех таких сильных, стройных, одинаковых. А я была какая-то неправильная. Городская. Слабая. Та, у которой от хорошей деревенской еды развивается страшная болезнь. Пусть я – глиста в корсете, как дразнят меня бабки дома во дворе, но есть больше не буду. Так и умру. Мама приедет, а я мёртвая.

Наутро тётя снова накрыла стол во дворе под виноградником: оладьи на чугунной сковородке, мёд в прозрачной вазочке, баночка сгущёнки, творог в большой пиале с узбекским орнаментом и яблоки. В гранёные стаканы налила узвар³. Чуть позже принесла чай.

³ Узвар (взвар) – напиток из сухофруктов. Название происходит от слова «заваривать», потому что сухофрукты не варят, а лишь доводят до кипения и настаивают несколько часов.

– Девочки, завтракать!

Я посмотрела на щедрую, сияющую лицом тётю, на кремовую сгущёнку, на румяные оладьи. И впервые за всё время, собрав всю свою шестилетнюю храбрость, тихо, но твёрдо сказала:

– Тётя Вера, я не могу всё это есть. У меня вчера весь вечер болел живот. Можно мне... можно мне просто один оладушек - и всё?

Тётя Вера открыла рот, чтобы возразить, чтобы сказать своё привычное «надо кушать, чтобы силы были, ты совсем зеленая», но вдруг присмотрелась к девочке. К её огромным серьёзным глазам, к бледным щекам, к тому, как она сжала край клеёнки в кулачке.

– Ох, детка, – выдохнула она, и что-то в её лице смягчилось. – Да, может, и вправду я перестаралась. Мать твоя мне говорила, что ты мало-ежка... Ладно уж. Один оладушек, и всё. А медок всё равно попробуй, бери пример с Танюшки.

И, к моему удивлению, настаивать больше не стала.

Таня тем временем успела штук пять оладушек, обильно поливая их мёдом и шумно отхлёбывая чай из большой чашки.

Тётя Вера, конечно, не сдалась. Она просто сменила тактику, как мудрый командир. Вместо трёх кружочков колбасы на столе – один. Вместо парного молока – компот из сухофруктов. И вместо огурцов появилась на столе клубника и яблоки «белый налив», которые я могла есть, не обмакивая в мёд, как раньше настоятельно рекомендовала тётя.

Адаптация была долгой. Живот ещё не раз бунтовал против щедрого стола тёти: сыра, топлёного масла и густых сливок. Но больше я ни под каким предлогом в кино не ходила. Сидела на крыльчке с куском хлеба с вареньем и молча страдала, сокрушаясь над тем, как ребёнку трудно противостоять взрослой «заботе». Но твердо была уверена, что справлюсь!

И это было моей маленькой, но важной победой в том лете 1964-го – в тихой войне за право быть собой – бледной городской худышкой из Нальчика, которая училась переваривать не только непривычную деревенскую пищу, но и этот новый, незнакомый, пахнущий и звучащий по-другому мир.

Нежданно-негаданно, утренним поездом приехал папа, и этим же утром вернулся с пасеки дядя Роман. Они проговорили полдня, а потом папа резко встал, крикнул: «Дочь моя! Собирайся, едем домой!»

И дневным поездом мы уехали.

Дядю Романа мы видели в последний раз. В роду отца, где мужчины редко доживали до старости, он не стал исключением...

Сон о реке

А дома я лежала на своей кровати, умиротворенно рассматривая на стене своё творение – зайца с гигантскими ушами, и незаметно уснула. И приснился мне сон....

Он начался без начала – просто я уже была там, слышала чей-то голос и не понимала, кто со мной говорит: «Почти семь лет – у тебя сейчас такой возраст, когда мир уже не кажется совсем игрушечным, но еще полон тайн. И как хорошо, что именно сейчас ты впервые по-настоящему увидела Реку. До этого у тебя были лужи после дождя, фонтан в парке, струя, бьющая из крана в бане. Но Большая Река – та, что зовется просто Река, с большой буквы, которую чувствуешь кожей, – открылась тебе только сегодня».

Я хотела возразить, ведь мне еще шесть, а в городском парке течет река Нальчик, а на стрелке – Шалушка, и есть ещё озёра, но почувствовала, что голос куда-то пропал. Пыталась произносить слова, но безуспешно. Хотела закричать, но звука не было.

Потом я перестала слышать этот странный чужой голос, картинка сменилась, и я увидела себя идущей по дороге. Дорога казалась вечной, ныли ноги в сандалиях, но, когда сквозь ивинок блеснула серебристо-серая гладь, усталость испарилась.

Маленькая и притихшая, стояла я с папой на берегу большой реки. Он крепко сжимал мою маленькую ладошку. Река не просто текла – она жила. Дышала влажным прохладным воздухом, шептала что-то тростникам, перекатывала камешки с глухим стуком. Она была древнее всех бабушек на свете и мудрее любой книги. Папа сказал: «Она начинается где-то далеко-далеко, в горах Грузии и бежит мимо нас к морю». Я кивнула, но в душе не совсем поверила. У такой мощи не могло быть обычного начала, как у ниточки. Она рождалась где-то в невидимой сердцевине земли, из снов спящих камней. И конец её тоже был невидим – не просто вода, смешивающаяся с другой водой, а нечто большее, куда Река возвращалась, чтобы снова начаться.

Я осторожно зашла в воду у самого берега. Трава, мягкая и скользкая, ласкала щиколотки. Она смотрела, как через прозрачные, бегущие струи просвечивают её собственные ступни – розоватые, с отдельными песчинками между пальцев. Вода делала их незнакомыми, чуть размытыми частью этого вечного движения. Я чувствовала прохладу, легкое сопротивление потока и тихое, почти неслышное биение – пульс самой Реки.

Потом я увидела себя на том же берегу, но каком-то другом, более настоящем. Воздух был гуще, цвета – глубже, а звук воды – тише и в то же время слышнее, будто он шёл не снаружи, а изнутри меня самой.

Я снова вошла в воду. И снова трава, та самая, нежная и прохладная, обвила ноги, как добрый водяной змей. Я посмотрела вниз. Сквозь кристально-прозрачные струи виднелись мои ступни. Но теперь они казались высеченными из светлого речного камня и были частью дна, частью самого русла. Вода бежала через них, не замечая границы между плотью и потоком.

Я подняла глаза и увидела Реку. Не кусок, видимый с берега, а всю. Она тянулась в обе стороны, растворяясь не в горизонте, а в самой тка-

ни сна. Вверх по течению, туда, откуда она приходила, стоял легкий серебристый туман – её невидимое начало, её тайна. Вниз по течению, туда, куда она уходила, лежала золотистая дымка – её невидимый конец, её обещание.

Я не чувствовала страха. Только огромное, всезаполняющее уважение. Я поняла, что Река – это не просто вода. Это путь. Это время, которое можно увидеть и услышать. Это сила, которая точит камни и качает колыбели тростников, но при этом позволяет траве ласкать детские ноги.

Я прошептала:

– Здравствуй.

И мне почудилось, что течение на миг замедлилось, приняв моё приветствие.

Утром я проснулась с чувством тихой, важной тайны. Встала и подошла к окну, увидела привычную картину – окна соседнего дома, дальше – сараи, котельная и одноэтажки на улице Чкалова. Но ночью голос сказал, что она выросла и ей пора увидеть настоящую Реку. И хоть имя её не произносилось, она понимала, что это Терек. Теперь она знала, что где-то далеко течёт Река Терек. Со своим невидимым началом. Со своим невидимым концом. И с памятью о маленьких ступнях девочки, на которые когда-то ласково набегала трава, а прозрачные струи бегущего потока делали их частью вечного движения мира.

Операция «Откорм» провалилась, но зато у меня теперь была Река.

МАТЬ СОЛДАТА

Поэма

Пролог

I

Горы Кавказа видели много:
Схватки и битвы, горечь набега,
Небо объято чёрной тревогой,
В дыме вершины белого снега.

Здесь расцветали алые зори.
Зори сгущались, мрака чернее.
Павших равняя памятью горя,
ШЫЯкы ¹ встали скорбной аллеей.

Щит выставляя в годы страданий,
Гордо взметнулись горные кряжи,
Встали сурово острые грани,
На вековой незыблемой страже.

Рьяно рванув из скального плена,
Бурно течёт Черёк по долине,
Тучей взметнётся грозная пена,
Ляжет на горной тихой лощине.

В центре села – хрустальный источник,
Тайны ему открыты свободно,
Душу он лечит, выразив точно
Горе и радость в зеркале водном.

Здесь Аминат оставит печали,
Здесь и надежде выкроит место...
Воды струились, располагали
Слёзы о давнем выплакать вместе.

¹ ШЫЯкы – траурные могильники, гробницы.

Сердце припомнит встречу с Ахматов,
Нежно шепнёт любимого имя,
К горным ущельям и перекатам
Память летит, любовью хранима.

Вновь возвратится давнее время,
У шаудана² сядет любимый.
Звякнет напевно конское стремя,
Радости песня слышится зримо...

Память дорогу выправит к речке,
Сын и скамейку выстроил впору.
Воды искрятся, словно бы свечка,
Многое ясно видится взору...

Вечно живой солдат её милый,
Радость свою доносит он в песне:
– Свет-Аминат, напев легкокрылый,
Соединяет любящих вместе.

Между горянок ты засверкала
Прелестью слова звёздной орбиты!
Песне внимают птицы и скалы –
Нашего чувства тайны раскрыты!

... Хищно хлестала битвы лавина,
Встал и Ахмат в колонну героев,
С грозных сражений на Украине
Фото прислал солдат фронтовое.

Стали все письма грудой ветхой.
В старый сундук рукой бережливой
Жизни прошедшей гордые вехи
Память нетленно, свято сложила...

Вновь к роднику тропинка петляет,
Словно там счастье нежно струится,
Словно сиянье звёздного рая
На дорогие падает лица.

² Шаудан – водный источник.

Сердце любимой верит не смерти,
Не убеждает даже могила,
Сердцем во встречу крепко поверьте –
В этом любви нетленная сила!

Так и живёт солдатка в селенье,
Вместе с народом – радость и горе,
Видно, такое выпало время,
С ним, как известно, лучше не спорить.

Если во сне приходит любимый,
То разговорам нет передышки,
Радость сияет так негасимо
Даже во вдовьем тихом домишке.

– Встретив тебя, попал я в ловушку! –
Скажет Ахмат любимой так нежно...
Утром вновь льются слёзы в подушку,
Так безнадежно, так безутешно.

– Может, вернёшься в дом наш когда-то?
Мы возвращенья долго так ждали,
Вылечу сердцем раны солдата,
Брошу на ветер боль и печали.

Так Аминат грустит над водою...
Шепчет вода струей неустанной:
– Ты не печалься горькой бедою,
Там излечимы тяжкие раны!

II

Сына увидеть Ахмат не успел,
Бился за Родину он на войне,
Был он по-горски отчаянно смел,
Словно летел на лихом скакуне.

Сына Ахмата называли Жамал,
Благословили его колыбель,
Честь унаследовал он, хоть и мал,
Папину даже не видел шинель.

Бился геройски в сраженьях Ахмат,
Родины честь отстоял он в боях,
Только не ведает смелый солдат
Горькой беды в отчих горных краях.

День испытаний народной судьбы,
День депортации... горестный плач...
Против проклятия люди слабы.
Часто судьба – самый страшный палач.

Мысль Аминат о жестокой войне,
И вся родня на усталых руках.
Ей тяжело непомерно, вдвойне:
Страх похоронки – невысказанный страх...

III

Дети растут на равнинных песках,
А старики приближают покой...
О, Аминат, непосильна тоска,
Что же печаль неразлучна с тобой?

Как удалось похоронку найти,
Спрятать беду от родительских глаз?
Сколько же сил на суровом пути,
Сложно представить нам даже сейчас.

Немощь косила ряды стариков,
Воздух и воды чужбины горчат.
О, Аминат, среди тяжких песков
Сколько невзгоды на хрупких плечах?!

Труд на колхозных полях день и ночь,
Дома не видят совсем Аминат,
Времени нет, старикам не помочь,
Только страдания горьких утрат.

Много утраты в балкарском роду,
Сколько могил на курганах чужих!
Не позабыть никогда нам беду,
Смерть стариков и страдания их...

Время пройдёт и балкарский народ,
Зла и печали оставивший пласт,
Между трудов, непосильных невзгод –
Милостыню по усопшим раздаст.

Рос и Жамал, привыкая сполна
К тяжкой невзгоде, мужскому труду,
Верно учила его Аминат:
Тянет мужчина свою борозду.

Не только трудом наставлен Жамал,
Честью мужской и достоинством жить,
Чтобы обычай народа он знал
И сберегал уважения нить.

Смотрит на сына она без конца:
К сердцу прижмёт, наслаждаясь теплом,
Как он безмерно похож на отца:
Брови, глаза, да и кудри притом!

В школе киргизской такой ученик
Двум языкам научился легко!
Словно бы лучик в сердце проник,
Смог унести всю печаль далеко!

Вот и изгнанию приходит конец,
Пусть и на Родину путь так не прост.
Сколько же радость согрела сердец,
Провозглашая достойнейший тост!

Начали службу в армейских войсках,
Горец Жамал самым первым встал в строй,
Парню такому неведом был страх,
Ведь у Жамала отец был герой.

Долго из армии ждали вестей,
Мать вся в тревоге и в доме печаль,
Верят – не будет плохих новостей!
Сон улетел в бесконечную даль...

Куба... Карибы... Там кризис... Эфир
Жил под прицельностью высших тревог.

Там и Жамал. Защищает он мир.
Правды защитник, он смел был и строг.

Нет от Жамала звонков и письма,
Нет и возможности их отправлять,
Прячет глаза почтальонка сама,
Нечем сейчас ей порадовать мать.

Как же тогда быть самой Аминат,
Если изранено сердце тоской?
Вот и торопится в военкомат –
Снова за весточкою... хоть какой!

Как без Жамала солнце взойдёт?
Радость пришла с материнской мольбой!
Мамино сердце замедлило ход –
Волей Аллаха сыночек живой!

IV

Жизнь начиная в ущелье Чегем,
Веки судьбы заложил и Жамал:
Он отучился, работал затем
В животноводстве – как ветеринар.

Мать, не забыв ни тоски, ни войну,
Сыном гордилась – и было за что! –
Но повторяла упорно ему:
– Мать пока рядом, свивай ты гнездо!

– Сделаю, мама! – ответил ей сын,
Жди, приведу я невесту в наш дом!
После тяжёлых и горьких годин –
Свадьба! Веселье и радость кругом,

Так и живут, и сельчанам совет:
Всем хороша их семья – посмотри! –
Вот и внучок появился на свет –
Радостный, крохотный лучик зари.

Так и бежали за годом года,
Всё хорошо было в этой семье,
И обходила нужда и вражда,
Видно, Аллах озарил бытие.

Внука Аслана растит Аминат,
Учит его неизменно добру,
Песен бывшего распустится сад –
У родника напоёт поутру.

Так и живёт, всем пример на селе,
Сколько извела с горем борьбы...
Не забывая о давней поре,
Внуку желает красивой судьбы.

V

Счастье приходит всегда не на век.
Что ж так легко нам к нему привыкать?
Губит планету войной человек!
К дому война подступила опять...

Время Аслану идти на войну.
Афганистан – бой идёт у границ.
Скорбно молитвы летят в тишину –
Вновь Аминат поднялась раньше птиц.

– Ах, мой родной, мой Аслан дорогой,
Пусть над тобою молитва летит,
Благословение будет с тобой
Под обережем наших молитв.

...Словно живой, ей приснился Ахмат,
Гладит ей вены натруженных рук.
Молится с нею погибший солдат –
Дорог ему неувиденный внук.

– Ты не тоскуй! Воспитала мужчин.
Сердце разлукою не бери.

Сын мой – герой, и герой – его сын!
Знаю, что лучшее ждёт впереди.

Если над Родиной туч пелена,
Встанут солдаты надёжным щитом.
И для погибших война – есть война,
Вместе с живыми мы встанем за дом!

Если сыны испытают испуг,
Грозно поднимется павшая рать,
Если вдруг трусом окажется внук –
Встанем из глуби земной воевать!..

Нет, не случится такого в семье,
Ты воспитала в них главное – честь,
Гордость взрастила ты в нашем дворе,
Здесь доброта и достоинство есть!

Даже на праздник, где чествуют мать,
Тихо приходит тоска и печаль:
Разве приучишь беду забывать,
Разве забудешь, что каждого жаль?

Силу Ахмат ей оставил свою,
Пусть и тревогой наполнился дом.
Каждый Всевышнему шепчет: «Молю
В битве сберечь под небесным крылом!»

Афганистан, опалённый войной,
Горя ты сколько приносишь в дома.
Неизмеримо, что взято тобой,
Пусть будет проклята эта война!

Знает Всевышний всеильность молитв,
И береженого Бог бережёт:
Целым вернулся Аслан после битв,
Скорбным напевам не вышел черёд.

В сердце покой приютился и мир –
Можно всей грудью спокойно вздохнуть!
Радостно мать приготовила пир,
Пусть же войны не объявится путь!

VI

Вот и приходит Аслану пора
Стать семьянином в традициях гор –
Звонко доносится пир со двора,
Вновь Аминат заплетает узор...

Сыну сказала: «Ты путь обозначь,
Радость приносит Аслан для семьи,
Мальчик родится – дай имя Куанч,
"Радостью" внука, Жамал, назови».

– Мама, сама ты его назови! –
Нежно сказал Аминат её сын, –
Сколько для нас в твоём сердце любви,
Юности сколько меж горьких седин!

Видит Жамал опалённую нить –
Жизни достойный и честный закат.
Есть ли на свете, кто смог пережить
То, что смогла пережить Аминат?

С тростью-опорой идёт к роднику,
Перебирая страницы всех дат,
Что повидала на долгом веку...
Ждёт, что придёт ненаглядный Ахмат.

Так трёх солдат неустанно ждала,
Выплакав горькие слёзы в родник:
Милый Ахмат, внук Аслан, сын Жамал –
Им, дорогим, её сердца язык.

Три фотографии в доме висят:
В форме военной, все крови одной,
Трое красивых и статных ребят –
Только Ахмат не вернулся домой...

Вспомнит его на лихом скакуне,
Держит узду в сильных, ловких руках...
Память о давней, суровой войне
Вдовьему сердцу всё так же горька.

Город далёкий в жестоком бою
Принял Ахмата в приюте земном.
Сыну Жамалу дал кровь он свою,
Сын не подвёл и гордится отцом.

Вот и Аслан так на деда похож,
Смотришь и кажется – рядом сейчас,
С внуком душою всегда расцветёшь,
Горечь потери уходит из глаз.

Видно, что всполох афганской войны
В сердце у внука поставил печать,
Переживания жизни сильны –
Сколько селений коснулась печаль!

Пусть благодарность летит в небеса,
Слава Аллаху, и радости есть:
Сына и внука звенят голоса,
Да и Ахмат вспоминается здесь!

VII

Всё доверяла она роднику,
Видя судьбы неминуемый шаг.
Сколько узнала на долгом веку...
Память семьи – негасимый очаг!

Так говорила семье Аминат:
– Не на века путь земной никому,
Будьте вы счастливы вместе стократ,
Смертный свой час я спокойно приму!

– Нет, не рыдайте! – наставила всех, –
Стыдно, я видела долгую жизнь,
Внука любимого слышала смех,
Песни скорбящие траурных тризн.

...Тайны её сохраняет родник,
Можно рукой чистоту зачерпнуть,
Каждый к воде своим сердцем приник,
Здесь и последний проложен был путь.

Вот и Аслан – сердце болью полно,
Вспомнил любовь Аминат на пути.
Знал, как ждала их, раз так суждено,
Чтобы надежду свою обрести!

Вера летела в палящий Афган,
Чтобы спасти там в жестоком бою,
Плен миновать и прискорбие ран,
С честью осилить дорогу свою!

– Бабушка, милая, как без тебя,
Как нам без веры твоей и молитв?
– Не говори так, родной мой, скорбя,
Я отдыхаю от жизненных битв.

Чтобы семью не настигла беда –
Буду молиться с небесных высот!
Внук – слаще мёда, я знала всегда,
Связь не прервёт и печальный исход.

VIII

Радость пришла – на Чегемской земле
Плач и печали уходят долой:
Новая жизнь появилась в селе –
Снова шумит благодарственный той³.

Пир затевает сельчанам Жамал –
Внук появился, Куанчем зовут.
Радость большая, хотя ещё мал!
И Аминат фотография тут.

Рядом – солдаты, к ним лучик приник,
Фото сверкают, почётен их ряд.
Так же, как раньше, струится родник,
Только теперь он – «родник Аминат»!

Любит Куанч приходить к роднику,
Много ему рассказали о нём.

³ Той – праздничное мероприятие.

Воду из крана подать старику?
Нет, всем целебнее стал водоём!

Вот и Куанч, обойдя всё вокруг,
Залюбовался на звонкий ручей –
Столько труда здесь Жамаловых рук,
Так он старался для мамы своей!

Знает Куанч, рассказал ему дед:
Песни слагал здесь любимой Ахмат,
Сколько струилось здесь счастья и бед,
Сколько здесь слёз пролила Аминат....

Эпилог

IX

Память семьи, хранимая строго,
Светит Куанчу пламенным светом:
Тоже военной стала дорога –
Предков-героев главным заветом.

... На Украине смутное время,
Долго здесь тлела подлая искра.
Наших героев память не дремлет –
Враг не подступит к их обелискам.

Путь предстоит Куанчу нелёгкий,
Но не пройти беду стороною,
Дух его горский – сабельной ковки,
С давней закалкой, крепкой судьбою.

Перед войною едет к могиле,
Чтоб Аминат приветить с почётом,
Чтоб прикоснуться к праведной силе,
Тронуть рукой надгробья излёты.

– Бабушка, снова дни ожидания!
Выпала доля вечной солдатки...
Снова молитвы зорьною ранью –
Выдержать душам новые схватки.

...Слышит за птичьим теньканьем-свистом,
Словно влекомый к тайному знаку:
– Бей, мой родной, ты лютых фашистов,
Так же, как прадед, встань ты в атаку!

Непобедимы духа вершины,
Веком от века, годом от года
Снова вставали наши руины,
Каждого подвиг – подвиг народа!

...Грохот боёв опять не смолкает,
Броник с разгрузкой весят по тонне,
Кружится дронов хищная стая,
Поле в разрывах жалобно стонет...

Помнит потомок подвиги предков –
Горы хранятся в сердце лучисто,
Целится в свастику мрака метко –
Смело бросает вызов фашистам...

Ждут не дождутся дома Куанча
Мать и отец, бабушка с дедом,
Но не услышишь горького плача –
Шёпот молитвы с каждым рассветом.

Отпуск армейский воину дали –
Встретить Куанча празднично вышли
Все земляки. Сверкают медали!
Чествуют имя воина выше!

...Ждёт сыновей солдатка-Россия,
Каждого подвиг помнит и знает,
Светятся окна в ней негасимо –
Нашей победы выткано знамя.

Новое племя новых героев!
В песнях высоких будут воспеты
Подвиги ваши! Лиры настроив,
Новые строки сложат поэты!

Перевод с балкарского Нины Поповой

КОРОБКА КОНФЕТ¹

Рассказ

Обычный осенний день в семье. Обычный выходной. Мама всегда по четвергам оставалась дома. Несмотря на то, что все домочадцы учились или работали, этот день был ее личным выходным днем – днем, когда можно было спокойно почитать любимую книгу, приготовить что-нибудь вкусное своей семье, заняться тем, о чем думалось всю прошлую неделю.

Сегодня она решила убраться в шкафу подарков. Шкаф этот всегда был полон всякими разными предметами: подарочных наборами полотенец, постельного белья, детских носочками, тапочками, кофе и шоколадными конфетами. Именно дети в семье угрожали целостности этих коробок, на которых были изображены всевозможные цветы, красивые девушки, города и страны. Деткам всегда было интересно, какие конфеты внутри? Такой ли там вкусный шоколад? И так ли аппетитно выглядит нуга? Действительно ли внутри цельный фундук? Так ли хрустят конфетки с начинкой в виде печенюшек?

Тайна, скрывавшаяся под красивой ленточкой, так и оставалась нераскрытой. Конфеты, подаренные друзьями или родственниками, всегда прятались в этот старый коричневый шкаф. Дети всегда просили маму достать оттуда коробочку. Они видели, как родители вынимали из этого шкафа всевозможные подарки. Мама с папой казались им волшебниками, способными извлечь из шкафа все, что угодно. Прежде они удивлялись тому, что «волшебство» срабатывало лишь пару раз в месяц, когда к ним в гости приходили дяди, тети, бабушки и дедушки. Все это было раньше...

Сейчас дети понимали, что этот шкаф заполнялся и опустошался не по волшебству. Родители смогли объяснить им, что эти запасы необходимы, чтобы не тратить на подарки деньги, на которые можно приобрести их любимые лакомства. Родители научили их не смотреть на красивую упаковку. Кто знает, что скрывается за этой красивой оберткой? Может, ненавистная курага, противный чернослив, а может, и любимый арахис или молочный шоколад с фундуком. Но зачем рисковать, открывая красивую коробку, когда можно купить свежие, любимые конфеты детей? Зачем пускать деньги на ветер, когда можно потратить их на лимонад или квас? Правда, лимонад или квас лучше не покупать (от них живот

¹ Рассказы «Коробка конфет» и «Папа Паша» А. Кучмезовой в результате технической ошибки были приписаны другому автору в № 6, 2025 г.

пучит). Во всяком случае, покупка давно известного была лучше покупки «кота в мешке».

Так и сейчас, глядя на эти яркие коробочки с конфетами, мама решила, какие семьи получат ту или иную в следующий раз. Она понимала, сколько денег можно будет сэкономить при таком раскладе.

Разбирая все коробочки, женщина заметила на дне полки одну, ранее незамеченную упаковку. Эта коробочка конфет ничем не уступала остальным: красивая, с изображением главных достопримечательностей Санкт-Петербурга. Кажется, это был обычный шоколад в подарочной обертке. Мама не спешила убирать его к остальным. Она смотрела, пытается вспомнить, что же в этом шоколаде такого особенного. Может, он напомнил ей о давней поездке в город на Неве? Или, возможно, она забыла подарить его? Нет, нет, нет. Здесь было что-то другое...

Наконец она вспомнила, как такую же коробку дарила примерно год назад семье своей подруги. Да, это был праздник в честь выздоровления ее сына. Вспомнила она и то, как они случайно пролили вино в тот день. К сожалению, на обратной стороне упаковки появились три маленьких красных пятна. Одно пятно, как заметил сын ее подруги, было похоже на маленькое солнышко. Да, веселый был день...

Веселым оказался и этот обычный выходной. Повернув коробочку, мать заметила именно те пятна. И солнышко. Только уже не такое яркое, как в тот день. И коробка заметно потускнела с тех пор. Какой же, интересно, долгий путь прошла она, чтобы вновь оказаться в ее руках. Она даже могла примерно представить эту нелегкую дорогу с остановками у разных друзей и родственников. Как почтовая посылка, скитающаяся по отделениям, чтобы найти своего адресата. Потом, достигнув цели, она вновь пустится бродить по «улочкам» этого небольшого города. Шкафы всех семей будут рады принять ее в свои ряды передаренных подарков. Кто знает, возможно, она когда-нибудь сможет действительно осчастливить одного из адресатов. Коробочка, содержащая в себе целых три шоколада: горький, молочный и белый. Как она могла остаться без внимания? Она создана, чтобы осветить одну из комнат своим душистым ароматом. Может, ее предназначением является улыбка на лице измученной учительницы, проверяющей тетради в двенадцать часов ночи? А, возможно, это все не так, и однажды из-за нее подерутся три маленьких брата, любящие именно молочный шоколад. Или же нет... Нет-нет, слишком много вариантов...

Но все эти исходы разбились в пыль о напечатанный на цветном картоне срок годности шоколада. Четыре лишних месяца...

Мама перепроверила все сроки упаковок с шоколадными изделиями, держа в руках уже ненужную красивую коробочку. Она не расстроилась, наоборот, улыбнулась и тихо засмеялась.

Ближе к вечеру домой вернулась дочка.

– Мам, мне подружка подарила коробку конфет! Куда мне ее положить? – тут же спросила она.

Девочка уже давно привыкла, что эти красивые лакомства должны храниться где угодно, но только не на кухне, где легко можно поддаться соблазну и порвать красивую упаковку, чтобы добраться до любимого (а может, и нет) шоколада.

– Доченька, знаешь, можешь открыть ее, – с улыбкой ответила мама.

Не успела девочка что-то ответить, как мама добавила:

– Только не забудь проверить срок годности.

ПАПА ПАША

Паша всегда любил баловать своих детей: семилетнего Мишу и пятилетнюю Машу. Конфеты и всевозможные игрушки всегда были в доме этой небольшой семьи.

Так и сегодня Паша решил обрадовать своих детишек, купив игрушечную машинку и куклу. Придя домой, он тут же отдал подарочки: Мише – машинку, а Маше – куклу. Все ведь как положено...

После ужина папа сел со своим сыном и стал рассказывать о модели игрушечной машинки, подробно описывая ее преимущества и недостатки. Услышав разговор отца с братом, девочка уселась на соседний стул и с восхищением начала поглядывать на маленькую красную машинку.

– Пап, а можно мне тоже с машинкой поиграть? Можешь мне тоже одну купить? – наконец не выдержав, спросила Маша.

– Доченька моя, зачем же тебе всякие машинки, когда есть такие красивые куклы? Смотри, какие они у тебя блестящие! А какие яркие у них платья: розовые, желтые, оранжевые!

– Но, пап, я не люблю блески... И нравится мне больше синий и фиолетовый! А еще мне очень интересны машинки. Может...

– Нет, все, хватит! – не выдержал отец. – Маша, ты же девочка! Ты должна быть милой. Все девочки любят кукол. О каких машинках ты говоришь?

И не узнает папа Паша, что в мире есть еще миллионы девочек, похожих на Машу, девочек, любящих машинки, футбол и мечтающих строить ракеты, а не бегать в длинном розовом платье, вышивая попутно имя своего принца на платке.

Спустя время, наверно, папа Паша сможет с явным удовольствием заявить, что все женщины не разбираются в машинах, наблюдая за тем, как повзрослевшая Маша не сможет отличить Mercedes от BMW.

ГИТАРА

Многие люди не верят в любовь с первого взгляда. Чтобы полюбить по-настоящему, нужно узнать предмет своего воздыхания не только внешне, но и, как любят говорить во многих литературных произведениях, «изнутри». Узнать, есть ли у вас что-то общее, проверить, готовы ли вы пойти на уступки ради своей любви или смириться с некоторыми недостатками своего партнера. Но как же истории, в которых одна улыбка или взгляд смогли навсегда изменить жизнь какого-нибудь незнакомца? Моменты, когда человек понимает, что смирился бы с любым недостатком или особенностью, лишь бы видеть его или ее рядом с собой.

Так существует ли любовь с первого взгляда на самом деле? Кто знает...

Не знаю, была ли это любовь с первого взгляда или простой интерес, но, когда я увидел ее в гостиной нашего небольшого дома, я замер. Хоть мне тогда и было всего семь лет, я понял, что передо мной само совершенство. Ведь никогда прежде я не видел столь ослепительного цвета, столь изумительной формы, столь сияющего предмета. Возможно, именно наша встреча повлияла на ту холодную зиму. Солнышко, которого не видели с самого начала декабря, вдруг осветило весь дом изнутри. Все казалось таким волшебным.

Мама объяснила, что эта удивительная вещь раньше принадлежала бабушке. Он очень дорожил ею, поэтому дети даже не подозревали о ее существовании. Я не обиделся на бабушку, ведь глядя на нее, понимал, что поступил бы так же. Когда мне сказали, что она теперь моя, я даже не знал, что должен был чувствовать. Радость владельца? Страх сломать хрупкую вещь? Восхищение? Благодарность?

В любом случае, с того дня у нас началась совместная жизнь, или, правильнее сказать, совместное проживание. Первые годы я очень боялся брать ее с собой. Будь то обычные школьные праздники или поездки с семьей к родным. Мне казалось, стоит кому-то неосторожно прикоснуться к ней – струны тут же просто порвутся, а на этих идеальных стенках появятся неисправимые вмятины. А что, если неугомонные детки заставят меня отдать ее им и просто изуродуют все, что только можно? Да, я тоже был ребенком, но никогда не бегал по полю, размахивая всем подряд. Поэтому наше общение с ней долгое время было ограничено пределами моей комнаты.

Преподавательница для «лучшего знакомства» приходила к нам. Только она могла понять мое отношение к инструменту. Понять и принять. И именно она заставила меня выйти с инструментом за пределы комнаты, а потом и дома. Моя любовь к ней росла по мере совершенствования моих навыков и увеличения расстояния, которое мы вместе проходили, проезжали или даже пролетали.

Теперь она была моей верной спутницей. Именно с ней я встречал рассвет в своем первом летнем лагере в двенадцать, именно с ней впервые вылетел в другую страну в тринадцать, и именно с ней впервые ушел из дома после ссоры с родителями в четырнадцать. Так много моих воспоминаний хранилось именно в ней. Каждая новая мелодия звучала по-своему в зависимости от моего настроения. Я никогда не мог повторить что-то с точностью как в прошлый раз. Все время думал, так ли себя чувствовал мой дедушка, когда по вечерам садился у окна и пытался сыграть одну из песен своей молодости? Делился ли он с ней своими переживаниями так же, как и я? И самое главное: почему он решил отдать ее именно мне? Знал ли он, что я так полюблю ее или просто положился на удачу? Сколько бы ни думал, не мог найти точный ответ на этот вопрос.

Время шло. Мне исполнилось семнадцать. Наступила первая влюбленность. Несмотря на внезапно вспыхнувшие чувства, я все еще очень дорожил своей гитарой. Человек, заставивший меня впервые почувствовать тех несчастных бабочек, тоже любил музыку и особенно восхищался моей вечной спутницей. Это было удивительно. Трудно было поверить в свое безмерное счастье. Хотя мы и были просто друзьями, я чувствовал, что мне нужно сделать последний шаг... Этим последним шагом должна была стать наша любимая «Shape of my heart», исполненная на моем любимом инструменте в последний день учебы.

Это было довольно обыденно, в духе тех мелодрам, которые мы все смотрели летом по ночам, собираясь с классом в доме одного из наших друзей. Я всегда считал такие признания банальными. Но именно эта банальность и была присуща нам, семнадцатилетним, еще не до конца понимающим свои чувства, но готовым бежать впереди планеты, чтобы рассказать обо всем, что творится на душе.

Именно с того момента, когда эта «банальность» застряла в моей голове, начались серьезные проблемы... Я пытался сыграть так, чтобы выразить все, что чувствовал, но с каждым разом выходило хуже и хуже. Я нервничал, злился, пытался заново, злился и пытался, и снова злился... Инструмент, который всегда понимал меня, стал чужим. Будто кто-то подменил его.

Те полтора месяца оказались самыми мучительными для меня и моей гитары. Никогда раньше мы не доставляли друг другу столько неприятностей. Никогда раньше я не испытывал к Стингу такой ненависти и не жалел о нашей с гитарой встрече так, как в эти сорок пять дней.

Последней каплей стал тот футбольный матч, который проходил в среду около нашей школы. Я был намерен отыграться за все эти дни мучений. Мне было все равно, куда и как сильно бить. Было странно, что за первые полчаса матча я не получил ни одной желтой карточки. Будь это профессиональный футбол, а не любительская игра между

двумя враждующими школами, мне бы точно несдобровать... Хотя, возможно, моя агрессивная игра осталась незамеченной из-за того, как играла команда противников. Прошлые два года они уходили домой с позорными поражениями, а их тренер каждый раз пытался доказать, что мать зря не отдала его в оперу в детстве. Кто знает, возможно, свой голос он тренировал бы куда лучше, чем этих детей.

Во всяком случае, в этом году они были настроены на победу любой ценой. Кто бы мог подумать, что этой «ценой» станет моя правая рука? Да-а-а, такого позорного падения с последующей травмой наша школа не видела еще с тех времен, когда моя старшая сестра умудрилась упасть с трех нижних ступенек и сломать ногу. Не стоило тогда смеяться над ней.

Я смеялся и шутил, пока родители с ужасом разглядывали мою опухшую руку, и чувствовал, будто именно этого мне так сильно не хватало. Что же еще могло так сильно взбодрить, как сломанная рука? Врач, осматривавший меня, из чистого любопытства поинтересовался, где же меня так угораздило? Не знаю, почему, но ответ: «Хороший футбольный матч, сэр», – мне показался наиболее уместным.

Счастье длилось недолго. Если быть точнее, тринадцать километров от травмпункта до нашего дома. Зайдя в комнату, я увидел на кровати свою спутницу, которая последние сорок пять дней мучила меня больше, чем кто-либо. Здесь же я столкнулся и со своим настенным плакатом, который заставил меня вспомнить о любимом и одновременно ненавистном Стинге, о своей влюбленности и о «Shape of my heart», которая должна была прозвучать через пятнадцать дней. Однако гипс на руке должен был оставаться еще примерно двадцать дней. Все было разрушено.

Были разрушены все мои жизненные планы. Больше всего я злился не из-за того, что у меня что-то не получалось, а из-за того, что это противоречило идеально выстроенной в моей голове последовательности действий. Так и сейчас. Ведь я создал идеальный план, чтобы сделать этот последний шаг. Продумал даже разные варианты реакции той, ради которой так старался. Все эти варианты никак не должны были противоречить моим последующим действиям. Все должно было быть идеально. Вариант с неудачей даже не рассматривался. И эта часть моего характера выводила меня из себя больше всего. Не мог я заставить себя придумать другой план. Почему бы просто не признаться, пригласив на танец? Почему бы просто не написать сообщение? Почему бы просто не включить этого проклятого Стинга и просто не сделать это? Нет, я не мог. Это не мой идеальный план, в котором самый важный предмет в моей жизни помог бы мне добавить в наши поездки еще одного человека. Конечно же, это не мой идеальный план.

Я с ужасом наблюдал, как приближается тот самый последний день. Обычно герои романов с удивлением отмечают, что в такие моменты

время просто летит. В моем же случае время шло вязко и неторопливо, даже не думая «пролетать». Я был похож на мою сестру, которая в панике замечала, что до экзаменов осталось совсем ничего, но при этом жаловалась на то, что именно это время тянется так долго, заставляя все больше и больше думать о тех минутах, которые ей придется потратить, готовясь ответить на заранее подготовленный преподавателем билет.

Тот выпускной вечер вряд ли можно было бы сравнить даже с самыми ужасными экзаменами. И именно этот вечер заставил меня попроситься с тем периодом моей жизни, с теми десятью годами. Как я мог настолько полагаться на дар, оставивший меня из-за одного незначительного перелома? Во время нашей первой встречи мне было достаточно просто смотреть на это чудо. Но теперь я требовал большего – владелец, человек, имеющий право на то, чего он хотел... имеющий право, но понимающий, что делает все, чтобы потерять друга, любовь и большую часть своей жизни.

Спустя годы она нашла меня... забытого всеми и потерянного на холодных улицах небольшого города. Несмотря на то, что именно я стал причиной того, что мы перечеркнули те годы, она лишь немного поскрипела своими старыми струнами и с улыбкой приняла меня. «Share of my heart» в тот вечер звучала даже красивее, чем на пластинках моей бабушки. Возможно, в семнадцать я забыл многое, что знал в свои семь лет. Она же не забывала никогда. Сейчас, будучи забытой всеми старушкой, которой нужен хороший уход, она готова рассказать обо всем через потрепанные жизнью струны.

ПОСЛЕДНИЕ РОЗЫ

Розы в тот день были прекрасны. На самом деле она ненавидела розы. Они преследовали ее, напоминая о том, насколько жалкой она была. Порой казалось, будто они улыбались кровавой улыбкой, напоминая о том, что ей опять не хватило одного шага... Снова провал... Снова и снова... Она останавливалась на месте, боясь сделать последний шаг. Каждый раз она говорила себе, что в следующий раз точно не испугается и дойдет до намеченной цели. Почему-то следующий раз никогда не становился «тем самым» разом. Невидимая рука удерживала ее, будто предотвращая возможное падение. Вот только никакого падения не было. Был лишь путь, который приходилось менять снова и снова. И каждый раз эти розы оказывались где-то рядом, становясь свидетелями ее провала. Каждый раз они смотрели на нее, словно мать, указывающая ребенку на ошибки, которые он и сам видит. А они многозначительно смотрели на нее. Казалось, это ее мама, перевоплотившаяся в свои любимые цветы, напоминала ей о страхе, который должен был остаться в

далеком детстве. Вот только именно он был самым верным спутником ее жизни. Она помнила каждый раз, когда люди, которым она решалась довериться до конца, целиком и полностью уходили, забирая с собой кусочки ее разбитого сердца. А оставшиеся кусочки обволакивал страх. И он стал ее верным другом, щитом и ядом, разрушающим изнутри. Он словно отпугивал всех, кто мог забрать все оставшееся. Но делал он это не ради девочки, а ради того, чтобы сжечь все самому. Что было лучше: отдать оставшееся, доверившись людям еще раз, или же позволить своему верному спутнику разобраться с ним / со всем самому? Необходимо было найти единственный правильный ответ. Быть может, его и не существовало. Она просто решила позволить себе плыть по течению, не доверяя никому.

С каждым разом шаг, которого всегда не хватало, становился все труднее. Кровавая улыбка ненавистных роз становилась все шире. Она тихо просила их, умоляла. Но путь, который она с самого детства проходила лишь вместе со страхом, теперь приходилось делить и с этими цветами.

Розы... Как же она их ненавидела. Особенно красные, словно кровь... Говорят, что розы символизируют любовь. Но для нее они означали совершенно противоположные вещи. В первую очередь, розы были для нее синонимом ненависти. Словосочетание «ненавистные розы» приобретало новые краски, когда она проводила эту аналогию.

Однако именно розы подарили ей нечто особенное. Они позволили ей решиться заговорить с чужими людьми без слов. Довериться, не обсуждая ничего. Каждый раз, когда она решалась открыть кому-то свое сердце хотя бы наполовину, она дарила этому человеку цветок, означавший на языке флористов именно то, что она хотела бы донести до него. Она не была уверена в достоверности тех сведений, которыми располагала. К сожалению, никто не понимал ее намерений. В ответ она получала улыбку и благодарность.

Однако наступил момент, когда на подаренную петунию («Твое присутствие меня успокаивает») она получила в ответ маленькую веточку обыкновенной душицы («Радость»). Сначала она не могла в это поверить. Неужели человек понял, что она хотела сказать? Понял и даже подумал над тем, что ответить. Ей были необходимы доказательства. Настолько сильно обнажать свое сердце было довольно рискованно, но она решилась подарить этому человеку безвременник осенний, означавший, что ее лучшие дни были позади. Веточка бузины («Сочувствие») развеяла все ее сомнения.

В этом странном общении они наверняка перебрали большую часть цветов, продаваемых в небольшом цветочном магазинчике напротив единственного торгового центра в их городе. Продащица,

женщина лет шестидесяти, вряд ли видела более странных клиентов за все тридцать лет работы. Впрочем, она тоже отличалась от большинства проходящих здесь людей. И отличительной чертой были далеко не фиолетовые волосы или ее излюбленный желтый шарф. Даже ее привычка носить комсомольский значок рядом со значком «Том и Джерри» казалась обыденной. Больше всего в этой женщине удивляла ее невероятная проницательность. Она могла понять все, лишь посмотрев на своих клиентов. Так и в этом случае со «странными неугомонными детками», как она любила их называть, когда они в очередной раз приходили за редким цветком, все стало понятно уже на второй день. Продавщица впервые за последние лет десять просмотрела энциклопедию цветов, подаренную ей любимым отцом в честь открытия цветочного магазина.

Говорить о том, что их тихий разговор был нагло расшифрован, ей не хотелось. Женщина осталась единственным зрителем, бессовестно следящим за спектаклем двух молодых людей, считавших себя единственными носителями этого языка. Было довольно глупо с их стороны предполагать, что тридцатилетний опыт женщины включал в себя лишь искусный сбор букетов, сочетающихся между собой лишь по оттенкам. Было довольно нелепо и с ее стороны подслушивать такой личный разговор. В свое оправдание она однажды подарила им два горшочка бегонии («Будь осторожен!»), предостерегая и подсказывая, что их тихий разговор теперь включал в себя еще и бесстыдного слушателя.

В тот вечер она последний раз улыбнулась и поворчала о «странных неугомонных детях». Незабудки («Не забывай меня!»), оставленные той девушкой перед дверью своего единственного друга, говорили куда больше, чем три слова: не забывай меня.

В тот вечер женщина решила дожидаться своего второго постоянного клиента, ожидая его ответ на забудки. Она не смотрела на время. Вместо этого она создала самый прекрасный букет. Она никогда не понимала прелести огромных букетов из сотни роз, поэтому собрала простой букет из трех роз. Дверь со скрипом открылась как раз тогда, когда она завязывала бантик из тонкой красной ленточки, идеально дополнявшей букет. Она с улыбкой протянула его мальцу, сообщив, что данный букет уже некоторое время ждет именно его. На его желание заплатить за эти прекрасные цветы она лишь покачала головой. Самое искреннее «спасибо», которое она слышала за все годы, прожитые без отца, стало идеальной платой за ее труд.

Розы и забудки. Интересное сочетание.

В этот вечер розы были особенно прекрасны. Точнее будет сказать, розы, окрашенные в красный, и забудки в счастливом бреду в тот вечер были прекрасны...

ПЕРВОЕ ПРЕДАТЕЛЬСТВО

В детстве я не очень любила зиму. Причин для этого было много: холод, слякоть, частые простуды, неудобные дубленки, огромные и тяжелые сапоги, которые весили слишком много для ученицы начальных классов. Именно в этих тяжелых дубленках с заполненными учебниками портфелями нам приходилось убегать от мальчиков или демонстрировать свою внутреннюю чемпионку мира по балансированию на замерзших ступеньках.

Было лишь несколько вещей, которые мы любили: мандарины, Новый год и ледяная горка рядом с музыкальной школой. Первые два пункта всегда были связаны. Каждый раз, когда мама приходила домой с пакетом мандаринов, в моей голове начинали играть песни из советских фильмов, которые мы обязательно пересматривали в новогодние праздники. Так проходило тридцать дней первого месяца зимы. И вот 31 декабря мы видели на столе много разных блюд, а к мандаринам присоединялись мои любимые бананы и белый виноград без косточек. Кстати, в детстве всегда хотелось сказать «зеленый виноград», ведь так правильнее! Почему белый?! Он же все-таки оливково-зеленый, а не белый?

Ледяная горка была одним из немногих развлечений, доступных нам с подружками после уроков, которые у нас начинались с самого утра и заканчивались ближе к вечеру. Наша учительница была просто удивительна в плане обучения! Иногда она могла забыть о существовании маленьких перемен. Благодаря таким усердным занятиям мы и были одним из самых сильных классов в школе. Было ли это достаточно веским аргументом или нет – решать вам. Лично мы в те дни особо не задумывались об этом. Оглядываясь назад, понимаю, что после целого дня учебы уставал наш мозг, но не наше тело. Именно поэтому последний урок мы проводили с мыслями о том, как побежим на нашу горку, и о том, сколько сумеем побыть там в этот раз.

Последние минуты урока. Мы уже пытаемся незаметно сложить вещи в портфель. Мне особенно сложно, ведь моя парта – первая в первом ряду, прямо перед учительницей. Годы тренировки приносят свои плоды: ты сидишь, смотришь в глаза классной руководительницы, а руки медленно тянутся к ручке, потом к пеналу, тетрадке, к книге... Такая последовательность наиболее эффективна.

Если вы уже достаточно хорошо справляетесь со сбором портфеля, пора придумать план по захвату горки, ведь претендентов много, а времени и площади сооружения катастрофически мало! Хотя, возможно, лучше позаботиться о качестве своего досуга. Заранее принести с собой пакет, на котором планируете совершать наиболее быстрые спуски с горки. Если у вас есть друг, с которым вы хотели бы покорять и более

высокие точки, то можете постараться завоевать сердце этого покорителя гор с помощью наиболее быстрого «пакетного коня».

Пока мы обсуждали эти важные вопросы, учительница уже прощалась с нами. Начиналась самая интересная игра на скорость. Цель – одеться быстрее остальных, схватить друзей и подруг за руки и бежать. И наиболее важный пункт – не вызвать никаких подозрений у классной руководительницы, ведь сразу после школы мы должны идти домой.

В тот день мы не совершили ни одной ошибки: портфель, прощание с учительницей и быстрый сбор. Но почему-то тогда на горке оказалось довольно много покорителей. Ну, ничего поделаться с этим мы не могли... У нас был всего час, не стоило тратить время на размышления.

Первые минут тридцать прошли очень весело. Несмотря на то, что ребят было много, смех и небольшие ссадины от неудачных «покорений» сближали нас не хуже, чем книги одного жанра в библиотеке. Именно поэтому, скорее всего, мы и забыли об укрытии в необходимый момент.

Дело в том, что наша классная руководительница выходила из школы на полчаса позже нас. Хоть горка и находилась не так близко к школе, но от входной двери можно было без труда заметить силуэты играющих детей. И обычно мы оглядывались в это время на двери и быстренько прятались рядом с музыкальной школой.

В тот день мы забыли о времени. Учительница уже понемногу подходила к горке, но все еще не могла разглядеть, кто там решил задержаться после уроков. Мы заметили опасность поздно, но надежда еще оставалась. Все разбежались в разные стороны. Мои подруги устремились к небольшим бугоркам перед музыкальной школой, одни ребята постарались укрыться за деревьями, другие помчались так быстро, что сумели убежать далеко за пределы школы. Я же решила спрятаться в музыкальной школе под лестницей на втором этаже. Это место действительно было наиболее подходящим. Главное, не шуметь и не двигаться! И эти минуты были ценны и необходимы, чтобы избежать наказаний. Единственным минусом такого сооружения было то, что нельзя было узнать, ушла ли наша учительница со своей сестрой (завучем нашей школы). Оставалось надеяться на друзей, чьи местоположения позволяли понять, когда станет безопасно. Конечно, это означало, что риск быть обнаруженными у них больше, но я все-таки ждала и верила.

Спустя несколько минут прозвучал громкий голос подруги:

– Они ушли! Можешь выходить!

То облегчение, которое я почувствовала в эти секунды, невозможно было передать словами. Тут же быстро поднялась и подошла к двери музыкальной школы. Мгновение... И все... Передо мной стояла учительница.

Что было в тот день после, уже не помню. Скорее всего, нас отругали, наказали, велели быстро идти домой. Возможно, и родителей

поставили в известность или пригрозили позвонить им, если это повторится. Все, что четко помню, – это лишь обиду и чувство, как меня предали люди, которым доверила свою жизнь в эти несколько минут.

Быть может, меня видели, и им пришлось сказать, где я прячусь. Однако тот весёлый голос подруги и улыбка, с которой меня встретила учительница на пороге музыкальной школы, остались самым ярким воспоминанием о любимой горке, делавшей даже самую холодную зиму немного теплее.

СЕСТРА БЕЛОСНЕЖКИ

Красота субъективна. Кто-то восхищается длинными волнистыми волосами, кто-то голубыми глазами, напоминающими море, кого-то привлекают красивые руки, пальцы, а некоторые не обращают внимания на то, что дала природа, вместо этого подмечают маленькие, еле заметные шрамы на теле, по которым иногда можно отследить жизненный путь человека.

Я в детстве восхищалась белой кожей своих старших двоюродных сестер. Для меня они были словно сказочные принцессы, словно сестры Белоснежки. Хотя нет. Старшая сестра по имени Жансурат, которую мы ласково называли Жан, была похожа на сестру Рапунцель, а на сестру Белоснежки была похожа младшая – темноволосая Дарина, которую мы называли Даринкой. Во всяком случае, главным является тот факт, что я с восторгом смотрела на их белоснежную кожу.

Однажды мое восхищение достигло своего пика, и я побежала к маме, чтобы расспросить ее о том, почему не могу похвастаться такой же белой кожей.

Мама, выслушав мою тираду, спокойно ответила:

– Доченька, это все потому, что Жан и Даринка хорошенько моют свои руки и ноги. Ты же всегда стараешься умыться как можно быстрее и убежать играть с ребятами.

Мой малолетний мозг тогда даже не подозревал о существовании таких понятий, как «сарказм», «шутка», поэтому с полной уверенностью в правдивости маминых слов я убежала обдумывать план по превращению себя в Белоснежку.

Он оказался очень простым. Шаг первый – набрать в тазик теплой воды. Шаг второй – взять большой кусок мыла. Шаг третий – заранее подготовить полотенце. Шаг четвертый – начать «отбеливающие» процедуры.

Дополнительным стимулирующим фактором оказалось то, что на тот момент в доме не было абсолютно никого, кроме мамы и бабушки. Мама собиралась куда-то, а бабушка был не из тех, кто стал бы расспрашивать насчет подозрительных водных процедур или сомневаться в плане своей умницы-внучки. Все было идеально.

Дождавшись полной тишины и не сомневаясь в успехе, я приступила к совершению перечисленных действий. Достала новый кусок мыла, казавшийся мне волшебной палочкой, которая сделает мою кожу такой же белоснежной, как у моих сестер.

Спустя минут двадцать-тридцать тщательного намыливания я решила, что руки и ноги уже достаточно чисты, поэтому освободилась от пенного покрова, образованного в процессе взаимодействия воды, мыла и моего непреодолимого желания стать сестрой Белоснежки. Однако мои ноги и руки избавились от этих оков совсем ненадолго: результат не оправдал моих ожиданий. Вместо белизны запястий и ступней я увидела все ту же смуглую кожу... Любой здравомыслящий человек наверняка понял бы, что что-то не так, но только не маленький наивный ребенок, не умеющий сдаваться на полпути. Поэтому уже через несколько минут я сидела перед тазиком с новой порцией теплой воды, а в руке держала уже значительно истончившийся кусок мыла.

Тазик за тазиком, литры за литрами – я пыталась проложить путь к обретению белой кожи. С каждой новой попыткой возникало какое-то неприятное чувство. Думаю, тогда я даже не задумывалась, что еще кто-то, помимо меня, сталкивался с подобными проблемами. Казалось, что мои трудности были самыми глобальными, именно мои желания являлись самыми несбыточными, и что меня никогда не смогли бы понять ни белокожие сестры, ни брат, которого вполне устраивал его слегка смуглый оттенок, ни тем более взрослые, которые постоянно были заняты своими проблемами. Оставалось надеяться лишь на себя и приготовиться пройти этот тернистый путь в полном одиночестве. Правда, на тот момент я не знала и значения слова «тернистый». Но звучало очень эффектно.

Очередной тазик с чистой теплой водой и – уже почти обмылок. Сейчас, спустя много лет, я удивляюсь своему упорству и искренней вере в свои силы. Насколько глупым было то желание стать сестрой Белоснежки, настолько же трудолюбивым был человек, который загадал его. Меня, держащую в руках «волшебную палочку» в форме мыла, не останавливало ни то, что передо мной уже далеко не первый тазик с водой, ни то, что пальцы на ногах и руках сморщились сильнее, чем у моих бабушек, ни то, что, увидев эту «волшебную палочку», никто бы не поверил, что еще несколько часов назад это был новый, солидный брусок хозяйственного мыла.

Сейчас довольно весело вспоминать тот день, но тогда маленькая девочка с куском мыла была близка к тому, чтобы разрыдаться от отчаяния. Но времени на это не было. Уже в те дни она убеждала себя в том, что, если что-то не получается, значит просто недостаточно стараний приложено. Она уже не верила в Деда Мороза и в то, что можно найти лампу с джинном, но была уверена, что если другие могут, то и

она сможет. В этот раз ей сказали, что она сможет сама добиться белой кожи, как у Белоснежки, поэтому ей стоит лишь постараться.

Ближе к вечеру, когда солнечного света перестало хватать для освещения тастика с водой, а кусочек мыла стал крошечным, девочка ульшала шаги за окном. Дверь открылась, и на пороге появилась мама со своей любимой большой сумкой, в которую магическим образом помещалось все, что попадало под руку во время сборов.

– Что это ты делаешь? – спросила она.

– Мам, у меня не получается, – ответила я.

– Что не получается? – ничего не понимая, спросила мама.

Вытащив руки и ноги из воды и вытерев их как следует полотенцем, я начала рассказывать маме, чем занималась все время, пока её не было дома. Рассказала, как вытащила нетронутый кусок мыла для своего волшебства, как пришлось менять воду, но оттенок кожи ничуть не изменился...

Выслушав длинную, печальную историю, мама с удивлением спросила:

– Подожди, то есть ты все это время мыла ноги и руки?..

Иван Еремеев родился в г. Прохладный Кабардино-Балкарской Республики. Студент 3-го курса исторического факультета Волгоградского государственного университета.

Публиковался в журналах «Юность» (2024), «Север» (2025), «Дрон» (2024), «Литературная Кабардино-Балкария» (2016, 2020, 2021), «ЛИФФТ» (2022). Стихи автора вошли в сборник молодых авторов «Мечтал стать скрипкой» по итогам литературных мастерских АСПИР 2023 года.

Автор трех поэтических сборников: «Ангел-Осень» (2017), «Цикорий» (2021), вышедших в издательстве В. и М. Котляровых (г. Нальчик), «Быть собой даже после себя» (2025). Кроме того, его произведения вошли в коллективные сборники «Время слова. Новые имена в литературе Кабардино-Балкарии», «Перекресток вдохновений», «Радуга чувств» (изд. В. и М. Котляровых, 2022), в сборник лучших стихотворений VII международной поэтической премии «Фонарь» (Волгоград, 2025).

Лауреат VIII Всероссийского конкурса молодых поэтов «Зелёный листок» им. Андрея Дементьева (Тверь, 2024), лауреат I Всероссийского открытого молодежного литературного конкурса «Медвяный звон» им. В. М. Шаповалова (Белгород, 2024), лауреат XVI литературного конкурса «Северная звезда», проводимого журналом «Север» (Петрозаводск, 2024).

Дипломант Северо-Кавказского окружного литературного конкурса «Дни поэзии на Северном Кавказе» (Пятигорск, 2015) в номинации «Дебют», IV Межрегионального литературного конкурса «За далью даль», посвящённого А. Твардовскому (Калининград, 2016), финалист Всероссийского открытого молодежного литературного конкурса им. А. Л. Чижевского (Калуга).

Член Прохладненского творческого объединения «Литературный перекресток».

УАЗАХОХ

Среди гор, высоких и красивых,
Мне собой запомнилась одна,
С нашего равнинного двора
Мнящаяся древней башней синей
В свете солнца – Узахох-гора.

Детский ум ее заставой сделал,
С гарнизоном из богатырей,
Что от старины до наших дней
Стерегут свое ущелье смело
От чудовищ и лихих людей.

(Давний сон, но миру как без сказки,
Без победы над коварным злом?
... Там, где горы связаны узлом,
Враг пусть не гуляет без огласки,
Пусть стоит на страже гарнизон.)

Туман в горах. И барбарис от слез
Блестит, как будто смазанный смолой.
За что-то воет на ущелье пес, –
Ущелье вторит каждою скалой,

И камнем каждым, каждою тропой,
Окном зовущим опустевшей сакли.
Гуляет по ущелью черный вой
И с барбариса стряхивает капли.

Собачий вой сквозь забытье и сон
Уставших глаз и смуглых рук звучит.
Ах, если бы издать такой закон,
Что если ночь, то, значит, пес молчит,

Не воет о какой-нибудь беде,
И не зовет шакалов за курганом...
Пусть ни тоски, ни мыслей о тебе.
Туман, ущелье, звезды за туманом.

Ночь, скалы, темень черная, как впрок.
Шакалы стихли, старый пес молчит.
И чем противней камень давит бок,
Тем громче жизнь в груди твоей стучит.

Земля моя, о, кто я, в самом деле –
Тебе писать?
Два месяца в молчанье пролетели
И вот опять:

Я зарекался, но, тобой влекома,
Кипит душа,
Трепещут пальцы и живут законом
Карандаша.

Люблю тебя, и нового, другого,
Я не скажу.
Орел, взлетев однажды, кружит снова,
И я кружу.

И, видимо, иначе не умею
И не хочу.
Дышу, пишу, живу, стараюсь, смею –
К тебе лечу.

СОСНЫ

Глаза закрыв, я вижу туч попоны,
А в воздухе – морозов зимних тишь.
Вздыхая, сосны топлятся по склону
Как будто собираясь на ныгыш¹.

В наростах древних, в смоляных потёках,
Сгрудились, небо пряча среди лап,
А небо радо упереться боком
В пуховый ворох белоснежных шляп.

Снега, долины, и в снегах долинных
Могучие сосновые леса...
И неохота сон окончить длинный,
И неохота открывать глаза.

Мы как серые мелкие камни.
Неизвестны, – пусть нет в том вины, –
Незначительны, разобщены,
Мы, как серые мелкие камни.
Как мы в руку ложимся легко,

¹ Ныгыш – центральная площадь, поляна в балкарском селе, место общественных сборов, собраний.

Как друг с другом мы бьёмся легко,
Будто камни, обычные камни.

Время – быстрая вода,
Тонут в омуте стада,
Скачут звёзды по дороге,
И уходят в никуда.

В каждой насыпи погост
Алых искр из-под колёс:
Катит поезд по дороге,
А дорога – под откос.

В блюде убранных полей
Только кости тополей.
Хочешь, вместе по дороге?
Если нет – то не жалей.

Я ем курут¹ и вспоминаю дом.
Курут похож на снег в краю моём,
Которым я игрался в зимнем детстве.
Похож, едва догадываюсь – чем,
Курут на руки матери моей,
И на святое материно сердце.

Гостинец из далекой стороны
Так долго добирался до войны,
Что стал себя и солоней, и суше.
Я ем курут, делюсь с друзьями им,
И говорю про белый снег вершин,
И, как курут, светлеют наши души.

Белое, как смерть, бельё вагонное,
Скучные газеты на столе,
Где пропало счастье моё сонное,
Как же мне не думать о тебе?

¹ Курут – шарики из высушенного соленого творога.

Только звёзды, только тьма, гудящая
Бесноватой тысячей колёс.
Где теперь ты, радость запропащая,
Неужели всё это всерьёз:

Белое, как смерть, бельё вагонное,
Скучные газеты на столе?
Не грусти, истлеет тьма оконная,
Только крепко помни обо мне.

СВОЕ НЕБО

Ты видишь звезды на небе черном?
Ты видишь, они светлы, не так ли?
Укрыто небо сукном игорным,
Как мхом укрыта макушка сакли.

Открою тайну: повыше руки
И резко сдерни парчу обмана –
Гляди, за ней обитают звуки
Цветов цикория и дурмана.

Степных созвездий стучат кибитки,
И вместо звезд – лепестки герани.
Рисунки неба из бус на нитке,
Фонарщик пьяный влезает в сани.

Ну всё, довольно, закрой обратно:
Простудишь звезды, рассыплешь бусы.
Всё между нами, и только, ладно?
Расскажешь завтра свое мне небо?

Я устал от этих детских «нравится»,
Я старею, мне не надо праздности.
В мире всё в ничто так верно катится,
Над обрывом – вот моя рука!
Нету в ней кнута, и нету сладости,
Только обещанье беспечальности,
В мире, где ничто не знает жалости,
Даже эта ноша не легка.

Я и не жду, что ты напишешь мне;
Не зацвести сирени в феврале,
Незрячему не углядеть дороги, –
Есть то, что невозможно на земле.

День гонит ночь на алом скакуне,
Но даже солнце шлёт лучи луне.
А ты, ты невозможно отдалилась,
Теперь, когда необходима мне.

Кто помнит рук твоих слепую белизну?
Кто даст за них достойную казну?
Моя казна – отравленное сердце,
Утратившее радость и весну.

Звёзды – осколки разбитого сердца Луны,
Что, посмотрев на тебя, потеряла покой.
Снятся ночами Луне беспокойные сны,
От невозможности жить и быть смертной с тобой.

Вот от того и разбросаны в синей тиши
Сотни осколков, горящих огнём неземным.
В час, когда в мире ночном ни единой души,
Плачет Луна безутешно над горем своим.

Если не мне и не ей, то кому отдала
Сердце своё ты, поющее песню весны?
Если не я и Луна, кто, скажи мне, тогда
Видит ночами спокойные тихие сны?

Утро нежное красит розою
Стены белые дома старого,
А над крышею кружит ласточка
Горевестницей ливня близкого.

Звёзды в небесах
Как памятник всем искрам,

Не породившим пламя.
Пустых надежд полёт!

Выйду посмотреть закат малиновый,
Звезды в нежных сумерках блещут.
Тихо дремлет сизый лист калиновый
В миске у контуженых котят.

Прыгнула лягушка – свет погас.
Наступает страшной сказки вечер.
Жил-был мальчик, думал, что он взрослый.

С Бабою-Ягой взлетает ступа.
В темноте летит сама-собой,
И свистя, кидается камнями.

Ухнули не совы за стеной.

Три карандаша горят в коробке –
Ими ничего не нарисуешь,
Ну а больше нет карандашей.

Жил-был мальчик, думал, что он храбрый,
По серванту лез и лез он выше,
И уснул на самой дальней полке,
На груди – клубничное варенье.

Спи, мое спокойное село.
За рекою Волчьей рассвело.
Ну и что? Ты глаз не открывай.
Одеялко на глаза накинута –
И готово. Сладко засыпай.
Баю-бай.

Спи, мое богатое село –
Небо в каждой комнате легло.

Сорок хат – четыре человека.
Остальных двухсот не забывай.
Баю-бай.

Спи, мое веселое село.
В десять, чем жило, тут полегло.
Не уснешь? Прилеты посчитай.
Баю-бай.

Спи, мое счастливое село.
Глаз твоих разбрызгано стекло.
Баю-бах.

Но не плачь, тут не на что смотреть,
Даже села могут умереть.

Баю-бах.

Бесконечная лёгкость земная,
Бесконечная ласковость звёзд.
Чёрной вечности огненных слёз
Догорает пурга золотая.

За пургою счастливые двое –
Отчего только весело нам?
Я, читающий жизнь по складам,
Ты – смеющаяся надо мною.

Хорошо, что я смех для тебя.
Легче жить, понимая: когда-то
Отмечая февральскую дату,
Улыбнешься ты, вспомнив меня.

Не тоскуй, со мною зла не станется –
Даже в неудачные года
Сердце пусть не плачет и не старится.
Дождь – на час, а солнце – навсегда.

Что человек и век его короткий?
Я подо льдом ноябрьской реки.
И где-то рядом степь и огоньки,
И осугробленное дно рыбацкой лодки.

Как мир хорош! И не вздохнуть от этого,
И радостно, и хочется кричать!
Меня целует космоса печать,
И рот её смеётся фиолетовый.

А жизнь лежит калиною раздавленной,
И низкий месяц жнёт мои часы.
Спит остов чёрной лесополосы
Чужою злобой намертво отравленный.

Горит железо выше по течению –
На тот огонь нет ни одной реки.
И кто-то не поддастся излечению.
А я – я сон, и лёд, и мотыльки.

Я не помню, кто отдал приказ.
Торопясь, торопясь,
Я бегу по степи непонятности,
Спотыкаясь в февральской муке.
Чёрный провод ползет по руке,
А обрыва все нет...

Средь посадок, по пояс росточком,
По воронкам, квадратам и точкам,
Между ржавчины смерти чужой
То бреду чуть живой,

То бегу смертным ужасом сгорбленный,
Слыша песню в траншее разбомбленной
Или злое жужжание звезд,
Тихий шелест костей и корост,
Но и так, впопыхах, на бегу,

Бросить провод никак не могу,
А обрыва все нет...

А обрыва все нет
Между прошлым и будущим летом.
И пока его нет,
Ухожу, тем страшнее, чем дальше.
По осенней припудренной каше,
По тебе, по себе, по трубе,
По стеклу и по пыли саманной,
По зеленой ноге деревянной
Ухожу, ухожу, ухожу.

С кем я связь потерял, я не помню,
Но мне так без Него... Мне никак.
Спотыкаясь о звездные комья,
Я по проводу вверх, как дурак.

А обрыва все нет...

Узденов Альберт Магометович родился 05.04.1956 г. в Казахстане. Учился в Хурзукской средней школе Карачаевского района, КЧАО. Служил в рядах СА.

Поэт, прозаик, драматург. Пишет на карачаево-балкарском и на русском языках. Автор и исполнитель более 800 песен. Член Союза писателей СССР (России), член Союза журналистов РФ, заслуженный артист РФ, народный поэт КЧР, народный артист КЧР, заслуженный деятель искусств РИ, заслуженный работник культуры КБР, лауреат Государственной премии КЧР, кандидат педагогических наук. Награждён высшей наградой республики – орденом «За заслуги перед Карачаево-Черкесской Республикой». Именем Альберта Узденова названа звезда в Созвездии Овна.

Долгие годы работал заместителем министра культуры КЧР, советником Главы КЧР, главным редактором-директором РГБУ редакции газеты «Къарачай». Сейчас находится на заслуженном отдыхе.

Уважаемый Альберт Магометович!

От всей души поздравляем Вас с 70-летним юбилеем! Пусть Ваша жизнь будет яркой и многогранной, а каждый новый день приносит радость и вдохновение.

В честь этого важного события мы публикуем на страницах «ЛКБ» подборку Ваших стихотворений.

*С наилучшими пожеланиями,
редакция журнала «Литературная Кабардино-Балкария»*

Народ Карачая и Балкарии в долгу прежде всего перед карачаевским поэтом Альбертом Узденовым, который на протяжении десятилетий записывал главы и эпизоды «Нартов» у последних сказителей и в итоге смог составить единый свод эпоса, ставший основой и для предстоящего академического издания, и для возможных переводов на языки мира.

*Евгений Евтушенко,
лауреат Государственной премии СССР,
лауреат Государственной премии РФ*

...Вам удалось внести в национальную музыкальную культуру принципиально новый оттенок – синтез народной песни и городского романса. ... В нашей стране и за рубежом Вас хорошо знают не только как

неподражаемого музыканта и поэта, но и как прекрасного педагога, немало сделавшего для выявления и поддержки юных талантов.

*Александр Соколов,
министр культуры и массовых коммуникации РФ*

Мои первые шаги в сторону эпоса были робкими и неуверенными, как приближение к тому кургану, который вдруг оказался дремлющим эмгеном и пробудился с грозным шумом... Как-то ориентироваться в ландшафте, время от времени выбираться на спасительную контрольную тропу помогал мне ставший моим другом Альберт Узденов, народный поэт Карачаево-Черкесии, оригинальный мыслитель. Он не только знаток национального эпоса, но и его собиратель и записыватель, хранитель, создатель итогового свода. Вообще-то таким людям их соотечественники ставят памятники – как, например, завершителям финской «Калевалы» и эстонского «Калевипоэга». Завершив, без сомнения, главное дело своей жизни, Альберт не остался безучастным и к судьбе русского перевода. Я часто обращался к карачаевскому другу за советом и поддержкой, множество часов в разные годы мы провели вместе, работая над дословным пересказом всё разрастающегося повествования. И моя благодарность безмерна.

*Михаил Синельников,
поэт, академик РАЕН, лауреат премии имени Ивана Бунина*

Твой жизненный и творческий путь неразрывно связан с судьбой карачаево-балкарского народа и является ярким примером служения многонациональной отчизне. Во многих зарубежных странах тебя знают как прекрасного поэта философа и гражданина, настоящего кавказского ашуга и подлинного узденя, преданного сына России. Твоё творчество обогатило сокровищницу российской и мировой литературы.

*Михаил Залиханов,
депутат Государственной Думы РФ,
Герой Социалистического Труда,
академик РАН*

Товарищи! Я сейчас обращаюсь к соплеменникам этого молодого человека. Он до конца не понимает, что на самом деле происходит с ним сейчас и какие могут быть последствия. А вы, уважаемые коллеги, кроме слов «смысл его стихотворения и так, и так можно растолковать», ничего позитивного не сказали. Ни один из вас в защиту Узденова не одного слова не сказал. В конце концов, на дворе не 37-ой год. Честно

говоря, мне неудобно за вас. Запомните, Альберт это – солнце! Тучи его надолго не закроют!

С большим любопытством внимательно прочитал пьесу народного поэта КЧР, заслуженного артиста РФ А. Узденова «Мордамбаловы».

На первый взгляд, произведение кажется локальным. Но, задумавшись над проблемами, поставленными в пьесе, приходишь к выводу, что «Мордамбаловы» не имеет узконациональных границ. Подлинно национальное, оно достоверно для каждого цивилизованного представителя любого этноса. Высшая правда искусства, наверное, заключается в этом.

Думаю, что литература, в которой пишутся произведения уровня «Мордамбаловых», имеет большие перспективы и солидный художественный потенциал.

*Владимир Семёнов,
президент КЧР, генерал армии*

Альберт УЗДЕНОВ

НЕ УХОДИТ ИЗ ПАМЯТИ

Маме

Ночью снежным бураном аул замело,
И знакомые тропки казались чужими,
Только я почему-то запомнил тепло
От отцовской спины в ту далёкую зиму.

Там и тут перекрыли сугробы пути.
Отчего они стали такими большими?
Я, конечно, не смог бы до школы дойти.
Нёс меня мой отец в ту холодную зиму.

Ветер злой и колючий хлестал по щекам,
А когда он стихал и шептал моё имя,
Я краснел от стыда и просился: «Я сам!
Я пройду через эту холодную зиму!»

Но смеялся отец: «Ты утонешь в снегу,
И с тебя ледяные оковы не снимут!».

Я в ответ лишь брыкался, кричал, что смогу
Что совсем не боюсь эту снежную зиму.

Жаль, что главное понял я только теперь:
За отцовской спиной был я самым счастливым,
Но однажды захлопнулась старая дверь –
Он из дома ушёл в непроглядную зиму.

Не хватало отца наяву и во сне,
Как нам всем не хватает родных и любимых,
Но зато я привык пробираться к весне
В одиночку сквозь непроходимую зиму.

Говорят, и приходится верить словам,
Что отца перерос я, что стал нелюдимым,
Мне же стыдно поныне за просьбу: «Я сам!»
В ту безбрежно-счастливую снежную зиму.

МЕЛОДИИ ОСЕННЕЙ НОЧИ

Осень. Топчется сумрак на месте,
Словно тень запоздавшую ждёт,
Ветер снова запел свою песню,
И в свирель превратил дымоход.

Через крышу, сквозь окна и двери
Просочился назойливый звук,
Он в душе порождает безверье,
И терзает измученный слух.

Годы прошлые струнами стали
Вопреки беспощадной судьбе,
И теперь намагниченной сталью
Ночь осеннюю тянут к себе.

Я пытаюсь играть – рвутся струны,
Поминая прошедшие дни,
И мою незабвенную юность, –
С той поры проржавели они.

Вдруг Она появляется рядом,
Взгляд ее, что дамасский клинок,

Сладкий голос журчит водопадом,
Что тогда укротить я не смог.

Голос мне повторяет упрямо:
«Знать, бывшее не стало быльём», –
И тревожит несчётные шрамы
На измученном сердце моём.

Время пишет глубокие строки
На лице, как на книге души.
Эти строки понятны немногим –
Только тем, с кем пришлось мне прожить.

Сединой серебристой прорежен
Даже сумрак от прожитых лет,
Но ведёт за собою надежда,
И в душе загорается свет.

А ГОДЫ БЕЗ ТЕБЯ УМЧАЛИСЬ...

Твой образ встал над памятью-рекою,
Которая и в стужу гонит воду,
Мой дух, надёжно скованный тоскою,
Вдруг вырвался из плена на свободу.

Я снова на катке, как будто в детстве.
Кручу волчок без усталости часами,
И лишь от жажды никуда не деться:
Она извечно властвует над нами.

Я к полынье пополз и вскоре замер:
Лёд тонок, значит, смерть неотвратима,
И воду ледяную пил глазами –
Вода же только проносилась мимо.

Мне грызть пришлось расколотые льдинки,
Они казались карамелью мятной,
Но детство стало сказочной картинкой,
И время унесло меня обратно.

Река иная, а душа в раздоре,
Затих промозглый ветер в голых кронах,
А годы без тебя умчались в море,
Водою, что когда-то я не тронул.

ПОЛОНЕЗ

Утробу тучи, что есть сил,
Изрезал грозовой кинжал,
И черный крик меня пронзил,
Промчавшись эхом между скал.

Был страшным крик небесный тот,
Порвалась песенная нить,
И вереница светлых нот
Из сердца стала уходить.

Гроза ревела над горой,
И этот рёв сводил с ума:
Вот так изгнанники порой
Бросают отчие дома.

К утихим звукам я привык,
Кричал им вслед, хотел вернуть,
Но ветер проглотил мой крик,
И ноты продолжали путь.

Дул ветер, тусклая вода
Слезилась горестно в окне,
И позабытая беда
Покоя не давала мне...

Не под стенанья ли небес,
В ночи, которой свет не мил,
Свой знаменитый полонез
Писал Огинский Михаил?

РАССВЕТ-КРОВОПИЙЦА

Ночная кровь черна, но тем вернее
Бредет к нам утро вурдалаком пьяным,
И сумрак обескровленный синееет,
И миру открывает наши раны.

Взволнован я, как потерявший что-то,
От памяти бессильной нету прока –
Она увяла в мелочных заботах
По воле и капризам злого рока.

И вдруг я вспомнил, как за благодатью
Для края, что отцы мне даровали,
Умчались мысли непокорной ратью,
Забрав с собою сон мой и печали.

Я встретил утро раннее, как прежде,
Как в юности, а значит, мысли правы –
Бессонница, порой ценней одежды,
Дороже денег и лукавой славы.

Ничтожным сбродом делаются люди,
Забыв могилы предков, имя рода.
И даже свет небесный не пробудит
Толпу, что отказалась стать народом.

Народ – алмаз, сияющий в короне,
Он – словно щит, спасающий от страха,
Народ – звезда на синем небосклоне,
Посредник меж Землею и Аллахом.

«Хозяин, знай – ты верный сын народа», –
Сказали растревоженные думы.
«Вот, видишь – мы вернулись из похода», –
Но я заметил, как они угрюмы.

Они всю ночь трудились понапрасну,
Их криков в пустоту никто не слышал...
Какая это мука, быть безгласным,
Когда надежда не длинней карыша.

От горьких слов легли на сердце тучи.
Жаль ночи обескровленной, и, все же,
Я верю: солнце выйдет из-за кручи,
И день осенний пережить поможет.

КАК ЖЕ ТРУДНО

Не знали мы отцовского тепла,
Не ведали, что время быстротечно,
Но впереди у нас с тобой была
Однажды предначертанная встреча.
Судьбою был указан день и час,
Вокруг искрилась стужа снежной пылью,
И незаметно исцеляли нас
Слова, что мы друг другу говорили.
А счастье подглядело наши сны,
И увело нас в сторону весны.

Когда буран по полю гонит снег
И путает дорогу стылой мутью,
То познаётся близкий человек
Быстрее, чем в покое и в уюте.
Так стебельки зиме наперекор
По очереди сдерживают вьюгу,
И в целом свете крепче нет опор,
Чем быть необходимыми друг другу.
Я ж сомневался в глубине души,
Сумеет ли мы зиму пережить?

То с тёплым упованием глядя вдаль,
То в небеса безжалостные глядя,
Мы ждали, что закончится февраль,
И горизонт блеснёт лазурной гладью.
Есть дети, что счастливыми живут:
Их днём отцы ласкают и балуют,
И к ночи, защитив от пришлых смут,
Им сны цветные собирают в стаю
Как трудно ждать затишья и тепла,
Когда тебя удача обошла!
Однажды встретим мы своих отцов,

И даже поздороваемся с ними,
Пусть внукам поглядят они в лицо,
Что родились и выросли чужими.
Увы, душевной стуже нет конца,
И нет забвенья детским огорченьям,
Но права выбирать себе отца
Не заслужили люди от рожденья.
Грехи таким родителям семья –
Пускай несут – Всевышний им судья.

А мы пробились вместе через лёд,
С весною повстречались в чистом поле.
Я помню звёзд мерцающих полёт
И лунный лик в холодном ореоле.
Теперь две роли исполняю я,
Стараясь детям быть отцом и дедом,
А слово лучезарное «семья»
Прочь отгоняет горести и беды.
Жаль, спать порой мешает по ночам
Обида, как саднящий старый шрам.

*Перевод с карачаево-балкарского –
Александра Пряжникова*

ЖИЗНЬ КАК ИСКУССТВО

Рубежи, рубежи... Каждый временной рубеж – это новая жизнь, новые дела, новые люди, новое самоощущение. Вспомнилась цитата из книги Михаила Ромма «Как в кино»: «Молодость – это не возраст, молодость – это качество сердца, души и мысли». Со всеми этими тремя данными у нашей именинницы полный порядок. А к возрасту она относится философски, как и подобает человеку мудрому и талантливому: «Ну это же хорошо. Значит, все идет своим чередом».

Это сегодня она доктор филологических наук, профессор... А первая наша встреча с Тамарой Гуртуевой произошла в Москве, в Литинституте, где мы учились вместе. Я – просто училась, она – аспирантка. Миниа-турная, хорошенькая (она и сейчас нисколько не изменилась!), мудрая и всегда сдержанная. Настолько сдержанная, что мне трудно представить, чтобы она повысила голос на кого-нибудь. И потом уже, по возвращении в Нальчик, мы уже никогда не были врозь. Редкий день мы не виделись или не созванивались. Я – радиожурналист, она – ведущий преподаватель университета, казалось бы, сферы разные. Но мы с Томой (позвольте мне называть ее так, как всегда называла) всегда были на одной волне. Сколько прекрасных литературных передач она подготовила для меня, и все они бережно хранятся в нашем фонде. Не было в городе ни одного культурного, литературного события, где бы мы не были вместе.

Дружить семьями – это не фигура речи. Тома стала едва ли не членом нашей семьи, в которой к ней относились с большой теплотой и уважением. Мы с ней и сегодня с теплотой вспоминаем домашние посиделки в нашем маленьком доме на Юбилейной, или у нее дома. Наши дочери стали подругами, и мы, как прилежные мамы, сопровождали их на концерты заезжих рок-групп, хотя назвать нас фанатками жанра было ну совсем нельзя. Девочки, уже взрослые, обе семейные, дружат и по сей день, хотя они очень далеко друг от друга – одна в Стамбуле, другая в Москве. Это жизнь.

Все-таки великое дело – гены. Дочь Берта Гуртуева, сестра братьев-писателей, сестер ученых – могла ли у нее быть иная стезя? Впрочем, Тома как-то призналась: семья считала, что она свернула с намеченного пути. Намеченного не ею, а... как сказать... творческой направленностью клана Гуртуевых. Ведь писала же стихи, подавала надежды. А тут – наука, погружение в великую русскую и зарубежную литературу...

Тамара как-то сказала, что сама была ошарашена, где-то даже напугана тем, какую дверь ей предстояло открыть и какие горизонты освоить. А называлась эта дверь – постмодернизм.

– И я поняла: вот ты ишла, куда тебе иди. Сама выбрала направление, – рассказывает Тамара. – Мы, наше поколение, просто знали, что эта ниша за нами. Надо пройти быстренько туда – а там уже посмотрим, что нас ждет... Я успела проскочить, и первая же моя книжка – такая небольшая, я выпустила ее здесь, в Нальчике, потому что не знала, как дело дальше пойдет, – «Маленький человек с большой буквы».

А дальше дело пошло тем же путем, и больше она с него не сворачивала. Блестящий публицист, литературовед, педагог, – так скажут о Тамаре Гуртуевой те, кому довелось с ней работать, или учиться у нее. Вспомнилось с улыбкой признание ее бывшего студента, теперь доцента того же университета, на одной из встреч в Литературном салоне Союза писателей: «Тамара Бертовна, мы так любили ваши лекции. Правда, мы больше вами любовались, чем слушали».

Докторская диссертация Тамары Гуртуевой так и называлось – «Постмодернизм в системе национальных культур». Неожиданно для несведущего слуха. Тут вопрос не в территориальности, нет. Уметь найти в национальной культуре точки соприкосновения неожиданного и традиционного – это высший пилотаж. И он дался Тамаре Бертовне (тут уже по имени-отчеству, с полным уважением).

Я говорю, что не помню, чтобы мы с подругой были не вместе. Но тут одна оговорка – не считая тех лет, что Тома жила в Турции. Ее пригласили в Стамбул, предложив открыть новое отделение в университете – а для этого требуется степень профессора. Потом – новое приглашение, в «Анадолу Университет» в Эскишехире. И тоже с предложением открыть отделение русского языка и литературы. Надо ли говорить, что она справилась с такой огромной задачей, этот маленький упорный трудоголик Тамара Бертовна. Такой уж она человек, если за что-то возьмется, непременно доведет до совершенства.

А вот Тома опять с нами, мы можем видеться и созваниваться здесь, дома. И мы снова, как в прежние времена в ее красивой уютной квартире на Горной, празднуем ее день рождения. Что сказать ей сегодня? Что я горжусь ею. И немного пугаюсь (как было всегда) ее чрезмерной правильности. Что подделаешь, ей всегда недоступны были такие простые вещи, как женское лукавство, умение обходить острые углы или согласиться с тем, что ей не по нраву. Вот такая она, моя подруга. С днем рождения, Тома! Ничего не изменилось! А цифры – это цифры, пусть себе набегают, лишь бы не напрягали. Мы же вместе.

Тамара Бертовна Гуртуева – доктор филологических наук, профессор Университета Фатих (Стамбул, Турция). Ее монографии и литературоведческие работы выделяются своей концептуальностью, высоким уровнем академизма и глубиной исследовательской мысли. В новую книгу вошли эссе о творчестве Константина Бальмонта, Зинаиды Гиппиус, Иннокентия Анненского, Осипа Мандельштама, а также статьи о современных поэтах.

В оформлении книги использована картина художника Азамата Кулиева «Вид на Исаакиевский собор».

«ЦВЕТ ВРЕМЕНИ...»

«Целостный человек», которого мы помним под именем «шеллингианского героя», в результате расщепления проходит стадии отчужденности, непризнанности, одиночества. Неминуемый разлад между отдельным субъектом и миром порождает проблемы человека и судьбы. Не только абсолютное противопоставление земли и неба, но и установка на создание обобщающих символических образов стала одной из определяющих черт романтизма.

Словно вторя Новалису, конкретизировавшему идею литературного мифотворчества в словах: «Ничего нет романтичнее того, что обычно именуется миром и судьбой», *Джамбулат Кошубаев* возвращается к этой извечной теме не столько в надежде обнаружить между ними гармоническое соответствие, сколько установить ту степень трагического «несоответствия, трагического разлада, который, в конечном счете, и означает единственно верный путь к себе:

*Где мы?
В утробе у Геи,
И не выношен плод человечества?
Или во чреве находимся мы
Ненасытного Кроноса,
И время еще не пришло
Скормить ему камни,
Дабы спасти Бога?*

Если для Андрея Белого «Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы», то есть белый свет выступает как символ воплощенной полноты бытия, то для Джамбулата Кошубаева цветовая символика характеризует мир

сегодняшний, когда «Бог умер», и подобно своему предшественнику-символисту в черном свете он воплощает зло как «начало, нарушающее полноту бытия».

Цвет времени – траурный креп в обрамлении белого...

Рассматривая его поэзию, всегда надо помнить, что перед нами представлена скорее внутренняя модель мира, чем дословное его свидетельство. Вспомним утверждение Анри Бергсона, полагавшего, что художнический талант – это «...отрицательная способность отрешаться от практического интереса, уходить в себя, в свой внутренний мир». При этом поток наших переживаний «образует единственную подлинную реальность». Реальность соединяется с внешним миром, но зачастую картины необычного характера возвышены и идеализированы до уровня символических обобщений. Происходит своего рода слияние, взаимопроникновение внешней реальности и внутреннего мира поэта. Мы видим попытку прозреть и создать «новую вещь», качества которой определяются реальностью и, более того, позволяют эту реальность увидеть и запечатлеть.

Так создается обобщенная картина Вселенной, когда предполагается свобода перемещения во времени и пространстве. Последнее перестает разделять, а время стягивается к текущему мгновению, которое, в свою очередь, вбирает в себя прошедшее и будущее. Поэтому так легко уживаются в пределах одного цикла (и даже одного стихотворения) разные эпохи. Они легко входят в образно-стилистическую ткань произведений, ибо повествование о прошедшем не отличается от восприятия того, что происходит «здесь» и «сейчас». Пространственно-временная перспектива упраздняется. Для поэта важно не само время, а ощущение единства времен.

Многие исследователи указывают на то, что в современных художественных произведениях очень часто события, происходившие в разное время и происходящие в разных местах в одно и то же время, переплетаются и включаются в единый непрерывный поток сознания, в котором начало может стать концом, а конец – началом. В них не столько рассказывается о действительных событиях, сколько «описывается то, как их воспринимали и переживали различные действующие лица...». Аллюзивность, цитатность и литературные реминисценции возвращают поэта к современности. Немедленные, сиюминутные зарисовки, сцены из прошлого, воспоминания, порождаемые ими образы и мысли, – все это дается в одной плоскости, как бы проецируется на воображаемый экран. Голос поэта обретает способность преодолевать пространства безо всяких усилий, подобно тому, как на картинах Марка Шагала исчезает дистанция между предметом и живописным полотном. Предметное видение помогает поэту приблизиться к жизни. Контакт с реальностью болезнен. Он несет с собой страдание, но избежать его нельзя. В результате такого подхода раздробленность в его стихах становится угрожающей. Поэту

уже не под силу пластически объединить разрозненные аспекты реальности. Нет четкости, все зыбко, размыто во времени и пространстве, и это не позволяет под покровом далекой эпохи обнаружить его героя.

*Эдем, разменянный на Гефсиманстей сад,
Томит наш дух в тоске по Саду.
И поцелуй прощальный на устах
Сполна оплачен серебром Иудиным.
В косноязычии пророков – мор и глад,
Звезда Полюнь на горизонте тусклом.
Но сыплется еще песок в часах,
И волны треплют душу в челне утлом.*

Он ощущает себя во власти внешних ощущений, внешних воздействий, во власти ассоциаций. Причем чем дальше расставлены полюса сравниваемых предметов, тем больше искра неожиданности и удивления. Природа его художественного творчества такова, что обращенная к человеку, создаваемая во имя его, она объединяет своих творцов, в каком бы веке они ни жили. «Ныне мышление есть один человек, мыслящий вечно и непрерывно», – говорил Паскаль. И если герой С. Кабалоти проходит долгий и мучительный путь в поисках родины, то в стихах Джамбулата Кошубаева она – весь мир. «Бездомность» в романтическом смысле порождает мощное поле притяжения, когда человек получает простор для движения.

Согласно Романо Гвардини человек нового времени ощутил в себе отвагу отправиться в бесконечный мир и сделаться его хозяином. Мартин Хайдеггер же полагал, что субъективистское мышление начало собственного антропологизма видит в античной культуре. «Выход из кризиса человеческой субъективности, – писал он, – в современной культуре выделяется в новом опыте мышления, возвращающегося к своим греческим первоосновам».

Говоря о попытке Кошубаева увидеть свой дом в античности, можно с уверенностью сказать, что им найден один из путей выхода его героя из трагизма ничтожности, к которому он подошел на рубеже двух столетий. Подключение к высокому напряжению античной поэтической энергии дает поэту ощущение единства времени и пространства. Сама же литературная традиция находится во внутренней структуре поэтического мышления, хотя, быть может, она и не столь заметна, как новые элементы. Очевидно, что герой видит, осознает себя, «вглядываясь в зеркало иной культуры, культуры иной эпохи» (А. Кушнер). Это тот второй мир, который снова и снова возвращает его к реальной действительности, по-новому понятной и возросшей для него в своем значении. Действительность, словно пропущенная через поэтическое сознание поэта, трансформирована в нем, действительность разрушенная и воссозданная.

Жизнь, порождающая в сознании «маленького человека» пессимизм,

отчаяние и ощущение непоправимого хаоса бытия, оставляет ему одну, пожалуй, спасительную сферу – сферу Любви. Но и этот мир подвижен и зыбок. Он не застывший, а возникающий в момент лирического порыва под взором поэта («моментальный навек» – Борис Пастернак).

*Мы тонем в сумерках безмолвия,
Твой голос – гибкий шелест тростника,
Твоя рука – как белый Лотос
На черной глади вод – недвижима, легка.
Где та река, течение которой
Нас унесет назад через века,
Искать затерянные города Богов?
Нефертум – Логос
Плывет, качается ладья –
Заходит солнце на востоке –
Здесь город Мертвых... Скрип песка...
Твоя рука, как белый Лотос,
Твой голос – гибкий шелест тростника,
Над головой смыкаются века
Как волны вод
И скрип песка...*

Философскую и изобразительную напряженность поэт совмещает со скупостью средств, их емкостью и прочностью. Джамбулат Кошубаев, по сути, приближается к воспеванию не просто женщины, а дантовской Беатриче или Лучезарной Подруги Александра Блока. Зададимся вопросом, почему близкие образы, общая интонация появляются в стихах поэтов, разделенных десятилетиями, эпохами, веками? Явление это многозначно, поэтому ограничиться объяснением Поэтического словаря вряд ли достаточно. И дело здесь не только в том, что существует определенная литературная традиция, преемственность. Есть нечто более сокровенное для поэта – ощущение причастности к той культурной среде, которая всеми своими нитями притягивает его к себе. Не удивительно, что такой культурной средой стала для Кошубаева романтическая поэзия в различных её выражениях.

Надо полагать, что мы имеем дело с чтением опыта сознания, комментируя который М. Мамардашвили заметил, что речь идет о каком-то «отношении или соотношенности в сознании всего мира, о какой-то связности его до любого содержания, до любой предметной кристаллизации». Романтизм есть та самая точка, в которой проделывается опыт сознания, когда «упакованные в оригиналах структуры сознания распаковываются». С точки зрения структуры сознательного опыта человека неизменно близким является для Джамбулата Кошубаева его «дальний собеседник» Александр Блок. М. Мамардашвили вводит в обиход понятие «предпосылочное отношение», одним из элементов которого является любовь.

Выступающая не в качестве метафоры, а «некоей живой, очевидной реальности», она представляет собой условие нашего «включения в непрерывное поле значений и смыслов». «Тем самым, – утверждает философ, – как бы дается возможность нашим эмпирическим состояниям проходить через какие-то существующие уже «машины времени», позволяющие упорядочивать, структурировать их».

В одной из записных книжек Александра Блока есть такая запись: «Всякое стихотворение – покрывало, растянутое на остриях нескольких слов. Эти слова светятся, как звезды. Из-за них существует стихотворение». Ими могут быть слова, ритм, интонация, вокруг которых создается нечто совершенно новое. Послушаем певца Прекрасной Дамы.

*Я искал голубую дорогу
И кричал, оглушенный людьми,
Подходя к золотому порогу,
Затихал пред твоими дверьми.
Проходила Ты в дальние залы,
Величава, тиха и строга.
Я носил за Тобой покрываю
И смотрел на Твои жемчуга.*

А вот как звучит интонация блоковского стихотворения у Кошубаева:

*Какою явью, сном каким,
Какими тропами глухими
Приходишь ты, – не знаю я.
Здесь расстояния иные,
Другая форма бытия –
Лишь от тебя и до тебя.*

Как видим, связь здесь не прямая, а глубинная, и она имеет отношение не к заимствованию, а к самим свойствам творческого процесса, связь, указывающая на вневременную переключку поэтов. Эти суждения распространяются не только на произведения, отдаленные друг от друга эпохами. Пример такой внутренней связи можно обнаружить и в новейшей поэзии. Сравним стихи Кошубаева со строками представителя метареалистической поэзии – Ивана Жданова:

*Расстояние между тобой и мной –
Это и есть ты,
И когда ты стоишь передо мной,
Рассуждая о том и о сем,
Я как будто составлен тобой
Из осколков твоей немoty,
И ты смотришься в них и
Не видишь себя целиком...*

Оба поэта возводят образ к сверххудожественным обобщениям, надевая его смысловой объемностью мифа. Идет построение сверхвременных

моделей действительности, обнажающих стереотип массового сознания. Образ возрождается в его архетипическом значении как проникновение сквозь толщи культурных напластований к мифологической праоснове:

Стена упирается в небо.

Небо упирается в землю.

Здесь слишком тесно.

Это уже не формальный поэтический прием с некоторой фиксацией предмета, а особое отношение к миру, когда взгляд способен передать глубину словесно-изобразительного символа. «Спасти нас может только Бог», – сказал в конце жизни Мартин Хайдеггер. Герой Кошубаева находится в экзистенциальном кризисе: он – одинокое и смертное сознательное «я», заброшенное в абсолютно бессмысленной и непознаваемой Вселенной.

Битого поля открытая бездна,

Битого поля зияет лагуна,

Где-то свобода, совсем по соседству,

Рядом с неволей.

Мне б дотянуться – и нету запрета.

Мне бы дождаться – и будет свобода...

Утрачены связи с первоосновами бытия, и герой вступает в новое измерение времени:

Перемещение фигур.

Преображение пространства.

В ненаступающее завтра

Отложен ход.

Еще вчера

Не жили мы

В чужих воспоминаньях,

И в вещих снах

Судьба не открывала наших

Грозных ликов,

Как сокровенных

Знаков Бытия.

Ненаступающее Завтра –

Неуходящего Вчера.

Определяя основные параметры искусства XX века, Ортега-и-Гассет указывает на «отказ от изображения «живых форм», превращение творчества в игру, тяготение к иронии». И, хотя Джамбулат Кошубаев не ставит перед собой заведомо экспериментальных задач, эти характеристики имеют отношение и к его поэзии. Более того, игра часто становится мировоззренческой доминантой.

Мы уже отмечали тот факт, что художественное своеобразие постмодерна представлено прежде всего фигурой актера, а постмодернистский

текст пронизывает ирония. Кошубаев также относится к актеру как олицетворению множественности сущностей и предпочитает ироническую медитацию:

*Так сладко мнить себя взыскующим блаженства
От постиженья таинства игры для посвященных.
В присутствии зашторенной луны
Корпеть над бисером учнейших записок
И мироздания разгадывать ходы,
Внося свой вклад в теорию игры
Катастрофических ошибок.*

В эпоху разрушения канонов творчество Джамбулата Кошубаева являет собой удачный пример соединения низких и элитарных стилей.

Джамбулат КОШУБАЕВ

ПО ДОРОГЕ В ПЯТИГОРСК

Туман клубится по отрогам,
лежит на склонах и холмах,
предчувствий полон и тревоги.
Не различить, куда дорога
бежит, теряясь в небесах,
и чья судьба на чьих весах.

Крадется смутная тревога...
Зачем – на юг, издалека,
зачем – сюда, зачем – на воды,
сюда, где тоже нет свободы,
и жизнь опасна и тяжка,
и смерть так явственно близка.

Все просто здесь. Все без излишеств.
Здесь ничего нельзя отъять.
И сад, и дом – так мало быта, –
вот на столе тетрадь раскрыта,
знакомый почерк с буквой «ять»...
И вновь тревогу не унять.

Когда бы все начать сначала
и все былое сжечь дотла!..

Судьба трагедию играла,
она комедий не читала –
слепое воплощенье зла –
майора своего ждала.

Жизнь – нескончаемая битва,
стих пробивается сквозь темь.
Кто здесь охотник, кто – ловитва?..
Звучит строка мольбой-молитвой
над сумасшедшим бытием:
«Под небом места хватит всем...»

2026

ПРОЩАНИЕ С КОСТА ХЕТАГУРОВЫМ

*4 апреля 1906 года во время прощания
с Коста Хетагуровым был совершен
древний осетинский обряд посвящения
коня умершему. На этом коне душа
поэта должна была отправиться в свое
последнее мистическое путешествие.*

Как будто с тобою прощались вчера...
Ах, какого коня тебе посвятили,
Коста!
Такого коня, на котором
Святому Георгию впору
мчаться по небу.

Ты не знал, ты не думал о том,
скольким людям ты близок и дорог,
как брат.
Столько скорби и слез!
Разве сердцу под силу оплакать тебя?
Столько света и радости ты оставляешь,
Коста!

Каждый хотел прикоснуться к тебе
и увидеть твой лик напоследок.
Словно Терека волны, тебя на плечах

в вечность поток уносил
разноязыкий и разноголосый.

Время прошло.
Время подобно голодному льву –
никого не щадит, никого не оставит в живых.
Но бессильно оно перед Словом и Кистью,
перед Правдой, рожденной из мук и страданий,
пред Любовью твоей к человеку,
Коста!

Ты – тот каменщик-мальчик с картины,
что держит в ладони хрусталь,
тот мужчина, что смотрит с портрета
глазами Христа,
тот скиталец у моря, кто отторгнут
от края родного,
тот, кто знал: о ком и о чем ангел скорбит.

Ты вернулся в свой город навек.
Ты – как сердце его,
ты – его драгоценная лира,
Коста!

Как будто с тобою прощались вчера...
Ах, какого коня тебе посвятили,
Коста!

2026

«СУДЬБА ТЕМНА... И ВРЕМЯ ПОЯВИТЬСЯ ДВОЙНИКУ»

«Я смолк. Я замер. Замер, то есть – вечен». В этой строке стихотворения Тахира Толгурова передано то же состояние «окаменелости», что и у гоголевских персонажей при каждой встрече с потусторонним миром. «Замирание» героя выражает его стремление осуществить связь с вечным. Это переход от индивидуального к трансцендентному, от дробности к единству. Но подобное стремление осуществляется в пространстве романтизма, романтических путей мышления, указывающих на невозможность связи при одновременном сохранении человека. Быть может, именно поэтому оно оформляется как стирание границ между вещью и человеком, а стирание границ – и есть пафос постмодернизма.

«...Завистливая земля не предвещает ничего светлого герою, и потому взор его обращен к небу, ибо здесь, на земле, ему «отказали... в глотке воды» в «чадный день пожаров и убийств»; и полночь здесь «глуха», и утра «тоскливы, и рассветы безжалостны, и птицы с воплем мечутся в ночи». Пустой и молчаливый мир отвернулся от человека, не способный ни слушать, ни сочувствовать ему. И тогда;

Дай мне посох, любовь моя: я уйду за край света....

Я надену отрепья, шляпу тонкого фетра,

Брошу совесть и память. Здесь они не нужны.

...Лягу в желтую степь – там, где голо и пусто,

И закрою глаза. Здесь они не нужны.

«Суета все. Тлен» – читается в «опустевших» глазах героя, и...

Задавлен будет целый луч

И незаметно стает

Венок из лиц, что тонко плачет

В тихонько дышащем Нигде.

Возникающий образ возлюбленной, её глаза, ладони, видимой и понятной лишь за пределами её символического обозначения, диктуют и возвышенность слога. Отсюда и импрессионистическая размытость лица героини («колорит – все, рисунок – ничто» – этот непререкаемый постулат импрессионистов часто переносится Толгуровым на его поэзию, когда важно чувствовать, а не наблюдать её присутствие). Это то, что стоит над Ничто. Любовь из того же ряда доминант, что и Свет, Тепло, Весна, Лето, Вечность и др. Она не требует «земного» воплощения. Соответствуя новой форме жизнестроения, она совмещает в себе как божественные, так и земные черты. Этим объясняется то, что у поэта любимая так часто будет «спускаться» к герою в реальный мир.

На земле торжество хаоса, и «маленькому человеку» трудно не оказаться втянутым в это вечное движение. Здесь не спасает любовь, вернее, подмена её, так как за говорливостью и внешней описательностью

желанного образа стоит ширма, прячущая естественного, нормального человека. Взор неизменно обращен ввысь. Вспомним блоковское:

Все лучи моей свободы

Заалели там.

Здесь снега и непогоды

Окружили храм.

Совсем иным предстает постмодернистский герой Толгурова:

Глупцы! Не ведают, как ожигает даль

Великой Бездны. Как в мерный её гул,

Шипя, слезает кожа с рук и скул.

Как время жжжет... Но я безбожник...

Судьба темна.... И время появиться двойнику...

Мотив двойничества не нов для литературы XX столетия. Он неоднократно разрабатывался и в предыдущем веке. Достаточно вспомнить «двойников» Достоевского, Гоголя, Блока, Есенина и других авторов, чтобы убедиться в истоках трагизма героев, восходящих к разделению «я» и «не-я». При этом следует указать и на то, что трагизм ничтожества, или трагизм «потерянного человека» предстает как сущность поэзии постмодернизма. «Нет правды на земле, но нет её и выше». По-своему интерпретирующий эту мысль толгуровский герой, затерянный между двумя сводами, между двумя мирами, имеющий потенции сверхчеловека, неожиданно даже для самого себя боится этого возвышения. Мечта, могущая стать реальностью, слишком близка и доступна, и поэтому неизменно оборачивается своей противоположностью. Путь из хаоса в «безмерные пространства, в бесконечный Космос завершается падением, и все небесное предстает перед взором героя в искаженном виде: «догнивает во прахе неба ветхого кров...», «стрижи рвут воздух на мертвом небосклоне», и «в судороге линз мира швыряет глыбы / Бледного от злости света...». Разительные метаморфозы... Чем объяснить подобное непостоянство? Ответ можно найти в «Сонете о дороге»:

Под ржавым небом, под невидимой звездой,

Сейчас и здесь, где мне важнее шаг,

Короче такта песни шаг,

Пространств безмерных, как моя душа...

Герой бьется в конвульсиях неопределенности. Понятия «сейчас» и «здесь» говорят о земной принадлежности и его, и его поступков. Вопрос, где же все-таки он – на земле или под небом сущим, и куда торопится (не ввысь ли, где «распускается невиданный цветок»), остается неизменным. Он находится в вечном борении с самим собой, в постоянных сомнениях, ощущая неопределенность своего положения, боясь объять мир и тут же его потерять, в страхе разочароваться в бесплодной мечте, в ужасе от сознания своей потерянности в мире земного хаоса. Он обращается к любви, зная, что лишь это чувство неподвластно уничтоже-

нию. И неважно, будет ли это дыхание возлюбленной, ладони, глаза с опущенными ресницами – взгляд предполагает скольжение, когда глаза не смотрят прямо, иначе остановится движение. А у героя Тахира Толгурова «шаг короче такта песни». Для поцелуя требуется, чтобы «...остановилось время в ожиданьи»:

*Чтоб я поцеловал твои ладони.
Земля не дышит и чуть слышно стонет...
Но время быстротечно, и вот уже
Не лань, не серна, не виденье,
Не дух, не плоти торжество...
Ты – это ты. Я помню Тени.
В висках. И больше ничего.*

Исчез образ, так и не оставивший чувственного ощущения своей бытийности. Символ распался на множество теней.

В современной поэзии, склонной к абстракции, мы вряд ли найдем какую-то конструктивную связь между душевными процессами и явлениями внешнего мира. Толгуров же, стремясь к предельной смысловой концентрации художественного образа, «опредмечивает» свои мысли и чувства. Таким образом, «мир вещей» и отвлеченных понятий отражает внутреннее состояние его лирического героя. Сошедший на землю, он признается: «Не хочу небесной красоты, жаль уйти, тебя не долюбив». Но это стремление, увы, обречено на очередную трагедию («Наши лица расплывчаты. Но оглянись»). Тщетно желание героя: любимая, словно мираж, появляется и исчезает в те минуты, когда герой раздваивается. Одно из его «я» – подавленное, почти ничтожное под тяжестью города («И шум, и гарь. И светофора бирюза / И запах трассы. И пульсация виска»), испытывающее невероятную тоску («тоска, как бритва») – тщится утвердить себя: «Пусть никто не посмеет сказать, что я умер». Множественность проявлений человеческого «я», борение с самим собой приводят лирического героя к космизму. Отсюда и множественность его «я»:

*Я – яд, что немного пригублен,
Я – Космос, дремавший в глазах святош и воров,
Я – надсадный плач матерей, завывших в безмолвье,
Я – дыхание смерти в потоках ветров,
Я – на дальних планетах запах нежных цветов...*

Этот ряд распространенных метафор, конечно, можно было бы продолжить, ведь утверждал же герой Толгурова, что человек бесконечен. Но шаги его (которые, надо полагать, есть синоним пути), не могут быть направлены в никуда. Путь героя имеет определенную заданность: только ввысь, туда, где гармония противостоит хаосу жизни:

*В день исчезающий и зыбкий я шагну
И в мир, когда потухнет стон заката,
Вдруг оглянусь и, улыбнувшись воровато,*

Край тени осторожно отогну.

И вырвется хаос времен, но я рискну...

Неуверенность и осторожность, характеризующие нерешительного, потерянного в бездне времен и пространств героя, сменится состоянием просветленности, надежды и жизнелюбия. Не случайно в поэтическом арсенале Толгурова появляются двойные символы: зима/лето, тьма/свет, смерть/жизнь – данные уже в другом обрамлении. Пусть не уверенный, но первый шаг сделан. Что за ним?..

Повторюсь: трагизм выступает как сущность постмодернизма. Пути выхода из этого состояния обозначены предельно четко: неоязычество, возврат к античности («Я в Риме родился, и он ко мне вернулся» – О. Мандельштам) и Космос. Для лириков предшествующего столетия космос был не только темой. Сопричастность ему входила в сердцевину мировоззрения, в результате которого последнее приобретало космический характер. Зачастую термин «бездна» заменял термин «космос». В узком значении бездна представлялась как часть того мироздания, которое открывалось взору человека. При этом из него вычленялась земля. Противопоставление земли бездне привело к потере сущностного «мировоззренческого» наполнения.

У Тахира Толгурова Космос представляет собой грандиозный объект наблюдения, а не предстает как бесконечно огромный, смутно одушевленный и таинственно грозный. Этот Космос менее завершен, целостен и трагичен по сравнению, например, с тютчевским. Он не «всеохватен». Его бесконечность скорее есть «безграничность», распространение вширь. Иными словами, это не внутренняя бесконечность. Он дробен и трагичен, так как автор вносит в него свое человеческое содержание, как правило, раздвоенное. Созерцая бездну, герой его стихов как бы тянется к ней, одновременно пугаясь возможного слияния. Это чувство космического «движения без движения» подтверждает наш тезис об изначальной двойственности лирического героя.

Человек и бездна (Космос) при всей своей противопоставленности могут существовать и существуют одновременно, противопоставление доведено до конечной остроты. Мирное сосуществование земли и неба позволяет в итоге расширить границы их функциональной зависимости, и поэтому обе составляющие рассматриваемой нами антитезы смещаются в сторону более всеохватного и всеобъемлющего Космоса. Уместно заметить, что смещение не означает самоуничтожения, ибо и земля, и небо органично входят в новое понятие. Поэтому новое значение Космоса как Абсолюта универсально.

В освобожденную высь рвутся тени и травы,

Синие травы и тени насторожившихся улиц.

Горьки и светлы звезды, как капли отравы,

Павшей мне на ресницы, на губы, на скулы.

Тихо осыпалось небо в тонкие запахи ночи...

Благородное стремление человека внести гармонию в природу, как правило, обречено на неудачу. Чаще всего он находится в разладе с ней, порой независимо от желания и даже вопреки ему.

*Я – туя на оскаленном обресе.
Комками стянуты волокна моих мышц.
Безумной ненавистью вспоены
Обкорнанные людской рукою ветви.
Я – над свисающими челюстями крыши
В прекрасный гневный миг мечтою взрезать
Спокойный воздух ваших вечеров
И ядом заразить потоки света,
Что будут вашими глазами пойманы...*

Остается одно – избежать трагического несоответствия между человеческими устремлениями и получаемыми ими результатами. Однако для этого необходимо отторгнуть от природы человека с его действием. У Толгурова последнее не предполагает пассивного созерцания, это тоже примета времени. Но если уничтожить роковую противоположность, что возможно лишь при условии отказа от активно действующего человека, то станет весьма проблематичным вообще какое бы то ни было понимание между человеком, природой и внешним миром. В самой этой противоположности заложена её изначальная роковая предначертанность. Любое отклонение от исходно заданного положения приведет к необратимым последствиям, характеризующим созерцательную поэзию – это и неустойчивость, и диссонансы, и катастрофичность, впрочем, характеризующие сегодня всю эпоху.

Как видим, восприятие не происходит через призму импульсивной, зачастую мучительно раздвоенной, но все же стремящейся к цельности личности лирического героя. Другое дело, насколько это стремление реализуется в поэзии Тахира Толгурова.

*Я выпил душу синего креста,
Рожденный глиной и пространством человек.
Мне все равно – «сейчас» или «всегда».*

Процесс разъединения Космоса на его составляющие привел к разрушению гармонического целого и расщеплению его на известные в мировой поэзии понятия «здесь» и «там». Трагизм космического человека и состоял в этой разъединенности существования в миге, мгновении, сиюминутном и одновременно стремлении мыслить себя в мире запредельном, трансцендентном. Характер этого противоречия во многом и определил настроения и совершаемые действия постмодернистского героя Толгурова. Отсюда частная замкнутость, приводящая к трагическому восприятию мира и всей судьбы. Этим же объясняется и то, что, несмотря на отчаянные попытки возвыситься над безысходностью, стихия мятежности не стала тем, что цементирует мир толгуровской поэзии.

Противоречия мира следует искать не в содержательной его стороне или внешних формах, позволяющих видеть внутреннюю значимость, то есть не в обозначении слова и его этимологии. Противоречие спрятано в глубинах самого поэтического слова, внутри того художественного мира, который в равной мере вбирает в себя как проявления собственно душевной жизни, так и её словесную выразительность.

Увеличение внутренней напряженности в замкнутом пространстве не позволяет выйти за пределы четко обозначенных внешних границ. Для разрешения этого противоречия по ту сторону разорванного мира создается некая рационалистическая концепция бытия, хотя она и не господствует в лирике Тахира Толгурова. Но возможно, что именно здесь находится ключ к пониманию истоков возникновения естественного стремления количественно охватить «все», при этом совмещая противоречия.

Художественный образ подвержен непрерывным изменениям, обусловленным новым пространством, куда он помещен. Безусловно, подобное перемещение изменяет внутреннюю структуру поэтического образа. Внешние воздействия вторгаются даже в самую ткань поэтического образа, меняя не только их исходные понятийные смыслы, но даже персонифицируя отдельные лирические мгновения, переживания. Они, как правило, уже лишены индивидуальных проявлений человеческой жизни. Это не удивительно, ведь – адресованные к вечности – они приобретают новые признаки: обобщенность, безмерность, количественный максимализм, при котором очередная метаморфоза лирического героя представляет нам очередное его перевоплощение.

*В моем доме, закрытом неладно,
Нечто темное, тихо и грешно,
Обнимает бесстыдно и жадно,
Притворяясь любимой женщиной.*

Как тут не процитировать Гегеля: «...”Я” нуждается в том, чтобы собраться в себе самом, возвратиться из беспрестанного течения во времени, которое оно воспринимает только как определенное временное единство».

В стихотворениях Тахира Толгурова объективируется «субъективное время». При этом оно еще и обретает внутреннюю завершенность и самостоятельность, так что обособленный миг оказывается вне времени и, по существу, приравнивается к вечности. Не останавливаясь на полемических рассуждениях о крайностях и существенных противоречиях в поэзии Толгурова, укажем лишь на общую для нынешних поэтов болезнь – порывы к многоликости оказываются лишены единого личностного центра, а с ним и внутренней целостности поэтического мира. В этом мире предполагается органическая нерасторжимость всех составляющих его компонентов. Органически связанные друг с другом

стиховые проявления в сборниках Толгурова не так часты, что объясняется принципиальной раздвоенностью жизни его героя. С одной стороны, перед нами носитель множественных «я», эмоционально богатый многоликий человек Вселенной, а с другой – рациональное «я» поэта, заменяющее целостную поэтическую фигуру неоправданной формальной организованностью стихового построения.

*На опрокинутом лице неуловимо стоял
С Плянд осыпавшийся иней. Цветок пепла...
И Хаос. Дисперсия объемна. В параболоид беглый
Свернулось небо. В колоду гладких слайдов.
В пульсирующих трещинах асфальта
Цветет, как труп, как плесень, тень моя – нежно и немо,
Белый пунктир по оси синего проспекта
Прорвал слои пространства, словно кальку.
Все. ...Схлынуло, присыпаны зрачки скрипучим тальком.
И пустота...*

То есть в большинстве своем мы имеем дело с «преобладанием организованности над ограниченностью» (М. Гиршман). Вместе с тем, можно пронаблюдать и случаи, когда в отдельном лирическом фрагменте отражается чувство «целостности жизни». Так, М. Гиршман пишет: «Это происходит тогда, когда поэт пытается сосредоточить жизнь в едином мгновении. И эта диалектика лирического мига и целостного мира создает то содержательное противоречие, которое становится одним из источников эстетического развития». Динамика чувств героя передана поэтом не через воплощение в лирическом миге, в котором их концентрация была бы наиболее высока, а спрятана в символических сравнениях:

*Любимая...
Пой нестерпимо тонкою струною горизонта
До боли режущей! Пой песни мне.
Пой миражом вдали, любимая.
Степной грозюю. Пой зноем,
Шоссе и временем, сходящими на нет.
Пой краем неба, убегающим позорно,
Любимая,
Пой песни мне!*

У Тахира Толгурова образ любимой становится синонимом всеобъемлющего лирического мира, в котором «я» героя растворяется во всевещающем «ты». Вот, казалось бы, где не нарушены законы гармонии. Да, это не противопоставленные друг другу «я» и «ты», но отчетливо выявляемое одинокое «я», оставшееся один на один со всем миром, отделенное даже от самого близкого ему «ты». Возможность локального лирического мира поэтом отвергается, что приводит к трагическому финалу, когда остается только одно – всеохватное «трагическое миро-

созерцание». Об этом же писал и Александр Блок: «Оптимизм вообще – не сложное и не богатое мирозерцание, обыкновенно исключаящее возможность взглянуть на мир как на целое. Его обыкновенное оправдание перед людьми и перед самим собою в том, что он противоположен пессимизму; но он никогда не совпадает также и с трагическим мирозерцанием, которое одно способно найти ключ к пониманию сложного мира».

Вспомним сказанное великим русским философом и поэтом Владимиром Соловьевым: «Высшее идеальное единство осуществляется в любви, которая вносит в материальный мир истинную, идеальную человечность. В любви – высшее проявление индивидуальности, торжество над смертью, мистическая «вечная» жизнь... Предмет верующей любви хотя и отличается от эмпирического объекта «инстинктивной любви», но нераздельно с ним связан. Это и есть одно и то же лицо в двух различных видах, или в двух разных сферах бытия – идеальной и реальной». Идеальное и реальное у Толгурова не просто механически совмещены, а находятся в единстве, как некое органическое целое. Герой переводит свои чувства (земные по происхождению) в идеально-мистический план, когда он из «певца» переходит в ранг «служителя» возлюбленной.

Пусть суета все. Глен. И сонм истин.

Короткий ливень – за полосой – полоса –

Собьет, как пыль. Очистит листья.

Чудовищно.... Но где взять сил

Не посмотреть в твои глаза?

Вопрос, почему у современных поэтов герой стремится обозначить себя через любовь, требует возврата к былой эпохе, эпохе средневековья. И это не случайно, ведь именно в ней человеческая личность «... смогла заявить о себе и утвердить свою самоценность». Предметом обожествления поэтов была Прекрасная Дама, лишённая земных черт. Так как бытовые предметы могли только приземлить этот образ, в стихах они не встречались. Всячески была завуалирована индивидуальность героини, поэтому образ растворялся в некоей идее красоты, благородства и мудрости». Героиня Толгурова стоит неизмеримо выше своего певца-обожателя, приближаясь в своем возвышении к символическому ряду: Истина, Добро, Любовь, Божество и др. Отношения между возлюбленными развиваются стадийно, поэтому мы наблюдаем и различные психологические состояния героя:

Не взгляд. Вскользь брошенный намек на взгляд...

Чуть искоса, сквозь переплет ресниц,

Прозрачный, как у хищных птиц,

И темный, как парящая земля.

...Ты улыбаешься тягуче. Смутно зля...

Ты – ложь! Вязь эфемерных стиж

*Ночного света. Вся – от тающих ключиц
И до улыбки нежной. Только взгляд
Тяжел, как опоенная земля,
Прозрачен, как у хищных птиц.*

Двойственность состояний влечет за собой и двойственность всего внутреннего мира, раздробленность сознания героя. Часто его взор обращен на мир вовне. Казалось бы, это должен быть взгляд человека-победителя, ведь не случайны же строки:

*Воочию видны пласты пространства...
Я вижу атомы мгновений, метров, красок;
И такту вен моих послушен Космос четко.
И пальцами могу я бытие измять...
Или самое характерное:
Что там звезды.
У них тоже есть смерть.
Я ж могу окон свет в звезду переделать
И, ржавым винтом пробуравив небесную твердь,
Приколоть её к тьме. Ибо нет мне предела.
Я могу зачерпнуть кровь заката рукой
И, как свет, раствориться в тени
Настороженных ветвей,
Выпить влагу из почвы – пыльной и бедной –
Я из трещин смогу – проклятый изгой.*

Его космический человек не что иное, как оборотная сторона «проклятого изгоя». А между ними где-то затерялся «маленький человек» со своими болями и сомнениями, печалью (вполне земными) и радостями. Сиюминутны попытки «маленького человека» уверить себя в том, что он вечен, безудержное желание:

*...Хочу, чтоб ветер встречный меня убил.
Чтобы упал я навзничь,
Чтобы вечно смотрели вверх и вдаль мои глаза!*

Вечность статична в своей постоянности, в отличие от изменчивой суетной жизни, где герой «нем и слеп», и «страшен до черноты и нелеп меж струящихся лиц, в загустевшем тепле, меж змеящихся зданий с глубокими окнами». Почти в каждом стихотворении навязчиво появляются тени, выступая уже в роли зловещих признаков. Тревожность – состояние, характеризующее причины внутренней дисгармонии и раздробленности сознания героя, неизменно приводящие к трагическому восприятию мира:

*Я боюсь оглянуться на сотни своих двойников.
Только слышу – играют! Играют стаккато
Тысячи ног по теням облаков.*

Не из этой ли боязни появится необходимость обезопасить себя,

истинного, облачившись в одежды «паяца и шута», когда не придется уже обнажать душу в мире, где:

*Небо затянуто синей холстиной простою,
Мертво застыло над бешено мчащимся шаром.*

Тревожность – состояние, характеризующее причины внутренней дисгармонии и раздробленности сознания героя, неизменно приводящие к трагическому восприятию мира. Мир грез останется в мечтах, а здесь лишь темный лик земного бытия, который неслучайно просматривается во многих стихотворениях поэта.

*Ходили люди в фиолетовых накидках.
Не замечая под ногами тонких стонов
Полузадушенных и наголо обритых
Безумных роз, рождавших запоздалые бутоны.*

Во власти мистического ужаса оказываются не только люди, но и природа:

*Тревожно шептались домашние липы.
...Вздыхали леса, уходившие в горы.
И бился в шагах торопливых людей
Жалобный плач заблудившейся птицы...
Действительно, недаром «рвется ввысь ослепшая земля»:
И слякоть на обочине,
Лоскут густого поля.
С утоптанной до корня мокрою травой.
Сухих колючек стебли. Обрывок толя.
Столбы ночного Янкоя. Туман и вечер.
Больше ничего.*

...В мире воцарился хаос, и потому земное бытие представляется лишенным смысла:

*Все суета. Все тлен...
И хлынули полотна времени.
Тьма...
Все суета. Лишь деготь жжет язык...*

Двойственная природа человека обрекает его на трагизм одиночества, а растворенность его в мире вещей порождает трагизм ничтожества, характерный для сегодняшней поэзии постмодернизма.

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ПОЛИФОНΙΑ ЗАРИНЫ КАНУКОВОЙ

Размышляя о судьбах национальной литературы, порой можно услышать мнение, что далековато нынешним авторам до тех, кого считают классиками кабардинской и балкарской беллетристики. При всем уважении к последним, к счастью, и сейчас есть кого читать, кем гордиться. Выстраивать литературную иерархию, как известно, дело неблагодарное. Но творчество Мухамеда Емкужева, Джамбулата Кошубаева, Мадины Хакуашевой, Амира Макоева, Зарины Кануковой и многих других писателей достойно самых высоких оценок.

Активно и плодотворно, к примеру, работает в большой литературе Зарина Канукова, которую хорошо знают как журналиста, публициста, киносценариста, поэта, прозаика, драматурга, и не только в нашей республике. Зарина Канукова – член Союза писателей России, Союза журналистов России, заслуженный журналист Кабардино-Балкарии, главный редактор газеты «Горянка», член Ассоциации писателей Абхазии, Союза журналистов Абхазии, заслуженный деятель искусств Абхазии. Ее произведения переведены на ряд языков: хинди, персидский, абхазский, удмуртский, лакский и т.д. Художественные тексты З. Кануковой вошли в антологии литератур народов России (проза, поэзия, драматургия, детская литература).

В 2024-2025 гг. на международных литературных фестивалях в Нью-Дели (Индия), Гаване (Куба), Шардже (ОАЭ), Эр-Рияде (Саудовская Аравия), Бишкеке (Киргизия), Тегеране (Иран) были презентованы эти антологии, представляя литературу народов России и ее собственное творчество.

Начинала Зарина как поэт, пишущий на кабардинском языке очень нежную, очень тонкую и прочувствованную лирику, и сразу нашла своего читателя. Книги на кабардинском языке «Игра в прятки» (стихи для детей), «Бусы с неба», «Ты и я», «Адыгский квартал», «Хэку» снискали автору любовь читающей публики.

В 2009 г. в переводе на русский язык вышел поэтический сборник З. Кануковой «Тонкие связи». По итогам литературного конкурса «Дни поэзии на Северном Кавказе – 2015» книга «Тонкие связи» была признана лучшей в СКФО. Далее свет увидел сборник стихов «Круговорот» на русском языке в переводе Г. Яропольского и автора.

В начале двадцатых в Москве вышла книга «Сказки сердца» – стихи и пьесы, на кабардинском и русском языках. Ее быстро заметили зарубежные критики и переводчики, и вскоре книгу можно было прочитать в переводе

на хинди, (издательство Kalparu Prakashan, Нью-Дели). Но, очевидно, автору не терпелось продолжить свои рефлексии в прозе. Роман «Придет и мой махо» («Դսաշխэмахуэ, Махуэгъэпс») – первое прозаическое произведение автора. Написанный в жанре магического реализма, роман синтезировал традиции адыгской (кабардинской) литературы и современной прозы.

В сюжете переплелись важные исторические события XX века, судьбы простых героев и явления, сопровождающие адыгов из поколения в поколение, как, например, присутствие «снежного человека» и наличие «мест силы» в горах. Благодаря этому роману читатель по-другому увидел автора. Критики признали, что это совершенно новое слово в адыгской прозе и по концепции, и по охвату и проникновению в глубочайшую национальную идентичность. Отметим, что при всей его сложности в произведении нет лексической избыточности, однако для себя читатель отметил много новых слов и выражений. Жанр произведения можно определить как субъективный реализм с элементами магии, мистики, фэнтези, основанный на мифопоэтике адыгов. При этом можно сделать акцент на слове «субъективный»

Поэтический опыт автора привнес в роман лиризм, а некоторые рефрены по мысли напоминают белый стих. Роман удивил полиморфизмом не только по языку, но и по сюжету: в нем множество линий, например, восхождение к собственному «я», становление души, судьба 115-й кавдивизии, алмасты – снежный человек, линия любви и не только. Жизнь, как магия, магия, как жизнь, как у Хайама:

Даже самые светлые в мире умы

Не смогли разогнать окружающей тьмы.

Рассказали нам несколько сказочек на ночь –

И отправились, мудрые, спать, как и мы.

Наша литература подчеркнута целомудренна, а в этом произведении, написанном на кабардинском языке, читатель впервые увидел красивую чувственность без грамма пошлости. А это уже литература, входящая в концепции мирового значения, ведь полифония мысли и романное мышление – редчайший дар.

Сюжет разворачивается на историях двух семей, где счастье не имеет привычных очертаний. Роман вышел в Нальчике в изд-ве Котляровых в 2024 году, по просьбам читателей переиздан в 2025 году. Презентация романа прошла в Москве на Красной площади в рамках фестиваля национальных литератур народов России и некоторых образовательных учреждениях республики.

Логично было ожидать от многопланового и репрезентативного автора и опыта драматургического поиска, что отразилось в пьесах «Семья Наго» («Нагъуэ и унагъуэр»), которую поставили в кабардинском театре им. Али Шогенцукова, «Мост» («Լъэмыж») по мотивам рассказа Адыль-Гирей Кешева «Чучело», «Сезон яблок» («МыԷрысэильхэ»), «Снег в октябре», «Победители» (по мотивам романа Т. Дзабаевой-Кесаоновой «Сироты

и вдовы»), пьеса «Сария» была поставлена в абхазском национальном драматическом театре.

Далее были «МафІэгу» («Поезд»); «Унащхьэ» («Крыша»); «КъежэКІ» («Бег»), одноактные пьесы для молодежи. Пьеса «Мой твой дом» послужила для киносценария фильма «Узлы», снятого О. Хамоковым на кабардинском языке, «Спаси Дракона» – комедия, написанная на русском, «На крыльце сидело лето» – трагикомедия по мотивам повести Ф. Искандера «Школьный вальс, или Энергия стыда». Пьеса «Жили были и всегда» («Щылащ, псэуаш, щыІэнуц...») получила свое театральное воплощение в Индии. Эта пьеса в 2022 г. заняла первое место на межрегиональном конкурсе на лучшую пьесу на адыгском языке (конкурс учрежден Фондом имени Бориса Утижева), а в 2023 году была опубликована в Москве в сборнике «Сказки сердца». Читка пьесы прошла с актерами Русдрама в Красноярске, в Москве со студентами ГИТИСа. Она переведена на удмуртский язык и опубликована в Ижевске, но первое сценическое воплощение получила в Индии благодаря переводу на хинди. Спектакль был представлен в марте этого года на фестивале театрального искусства в Нью-Дели. Недавно «Жили-были и всегда» была переведена на фарси.

Так случилось, что триптих-пьесу Зарины Кануковой «Жили-были... и всегда», написанную почти десять лет назад, автор статьи прочитала первой из ее драм. Вернее, ее студенты выбрали пьесу для художественной читки среди многих других, и выбор несколько не был связан с ее популярностью в мире, переводом пьесы на хинди, персидский, абхазский. Просто, как это бывает, текст произведения определенно понравился будущей писательнице Диане Куповой, а она смогла заинтересовать его студентов-режиссеров.

Поэтому это небольшое по формату произведение в один день автор статьи и прочитала, и увидела, и услышала. Известно, что читка акцентирует внимание именно на авторе пьесы, его языковых особенностях, его мыслях и чувствах, ведь драматургия – это автономный литературный продукт. А ожившая пьеса на театральных подмостках есть триумф режиссера, который авторский текст изрядно интерпретирует в проекции на актерские образы, костюмы, декорации, музыку, свет, цвет и прочее.

В прочтении студентов СКГИИ драматургия Кануковой широко использовала актерско-режиссерские экзерсисы, но ее синтетическая подача в чем-то объединила оба вектора и натолкнула на некоторые мысли. Ранее читатель знал Канукову-поэтессу, которая писала преимущественно на родном языке лирические стихи, не подражая никому и имея «лица не общее выражение», читал ее роман, и она нравилась ему в обеих ипостасях. И вдруг – как озарение – да ведь она прирожденный драматург!

Эмоциональная чувствительность, наследованная из поэзии, столь необходимая читателю и зрителю – пожалуй, самое важное для автора пьесы, и об этом говорит еще Аристотель, подчеркивая важную роль те-

атрального катарсиса, а с эмоциями у автора все в полном порядке, как и с талантом наблюдателя над жизнью и человеком. Далее – креативность, интуиция и критическое мышление, которые необходимы в литературном творчестве в целом, но драматург весьма ограничен в своем выборе образительно-выразительных средств, на все про все у него есть только монологи и диалоги, в которые нужно втиснуть жизнь персонажей, что нашему автору удается блестяще.

Но больше всего в текстах Зарины привлекает недосказанность, умение владеть эстетикой тонкого намёка и недоговорённости, пустого пространства. В своё время известный японский художник сказал: «Если хочешь нарисовать цветок, нарисуй пространство вокруг цветка, и цветок сам проявится». Для умного и умеющего рефлексировать реципиента недоговоренность ценна тем, что он из потребителя произведения мгновенно превращается в соавтора. И здание литературного произведения непременно должен увенчать читатель, укладывающий последний ряд словесных кирпичей, чтобы завершить строительство.

Тебе, читателю, автор исподволь дает ряд обстоятельств, которые ты сам связываешь, по краешку, намеку, аллегории, иносказанию ты сам раскрываешь тайну, а это данность большой литературы, куда без сомнения мы можем сегодня отнести творчество Зарины Кануковой. Что удивительно, массовому читателю этот принцип категорически не нравится, он любит, чтобы ему все разжевали, все объяснили, как же так, о самом интересном ему не рассказали...

Как известно, в художественной литературе сюжет – дело десятое. В триптихе «Жили-были... и всегда» нет сколь-нибудь выраженной сюжетной линии, нет поступательного движения из точки А в точку Б. В первой одноактной пьесе мы встречаемся с весьма пожилыми супругами. Казалось бы, за вспышками памяти, разговорами о далеком, былом, ушедших друзьях и родственниках двух стариков стоит безнадега, неумолимое угасание, билет только в одну сторону. Но никакой трагедии здесь нет, как нет разочарования, тоски по несбывшимся надеждам, ожидания признания своей исключительности. Истинная мудрость состоит в принятии неизбежного понимания вечного миропорядка и вечного круга природы. Они, старики, есть друг у друга сегодня, сейчас, неизвестно, что будет завтра, но ведь они еще вместе, они полны заботы друг о друге и взаимной, порой грубоватой нежности, пусть с провалами памяти, маленькими конфликтами. А это означает высшую стадию принятия мира и себя в этом мире.

Вторая история – диалог отчима и сына его горячо любимой ушедшей жены, принимающего наркотики. И опять – есть двое, и они должны, обязаны спасти друг друга, а любовь обязательно даст им силы, мы в это верим. Причем тут спасение отчима, спросит кто-нибудь, ведь ему-то ничего не угрожает. Но его опасность еще более жгучая, потому что у него

нет затуманенного сознания и отключенной воли, в этом тандеме он отвечает за обоих.

Наконец, третья пьеса погружает нас в отношения влюбленных, которые никак не могут пожениться, потому что девушка ухаживает за очень больной матерью и не допускает сколь-нибудь радостного и счастливого настоящего для себя. Но и эти спасутся, не может быть бесконечно несчастным человек с обостренным чувством долга, умеющий так чувствовать боль близкого и родного человека.

У нас возникает ощущение единого временного и пространственного единства этих трех пар, которые находятся в горизонтальных хронотопах, но они и внутри в чем-то сродни. Каждое действие проходит в замкнутом пространстве комнаты, которая, с одной стороны, позволяет героям своими стенами слиться с миром. С другой стороны, дом и есть мир, в котором они живут, общаются, чувствуют себя в относительной безопасности.

Но есть еще третья, едва ли не самая важная сторона. Дом отсекает героев от мира за стенами, где восторжествовал вульгарный прагматизм, где близкие люди готовы в горло вцепиться друг другу за крошечное наследство, где каждый лелеет свое эго, где сытость и комфорт превыше всего. В жилищах наших героев время остановилось где-то в энергетике прекрасной архаики, когда старики как могут подпирают друг друга без экзальтации и раздражения, когда отчим не пошлет все к черту, ведь сыно, по существу, ему не сын, и нечего терпеть пропавшего по собственному выбору, когда молодая девушка выберет не личное счастье, поручив брату и сестре заботу о больной матери...

Эти – спасенные. Жестокость мира проходит, не задевая, мимо них, они настоящие, а не синтетические, оболваненные, модные, современные с их культом молодости и здоровья, с их аппетитом потребления, они застряли в паутине устаревших обломков – чести, долге, совести, любви. В этом плане особенно показательны женские образы. В первой паре духовным лидером, несомненно, является старуха, которая стала для старика всем – связующим звеном между ним и миром, его утешением и успокоением, по сути, материнским началом, замыкая круг жизни.

В драматургической новелле об отчине и пасынке женщины нет в физическом смысле, но она незримо и постоянно присутствует все время. Ведь любовь отца сын получает через нее, от нее до сих пор идут флюиды этого чувства, и так будет всегда, и это она навсегда сплела судьбы мужчин, связав их крепче, чем корабельные канаты.

В пьесе про влюбленных девушка выступает нравственным ориентиром для молодого человека, который тем более привязывается к ней, чем больше ее привязанность к матери. Это происходит на уровне подсознания, ибо та, кто руководствуется чувством долга и ответственности по отношению к другому, так же будет и с ним такой, именно цельность ее натуры заставляет парня стремиться к ней.

В триптихе там и сям можно легко найти или угадать этнические архетипы, например, образы животных в первой пьесе, где медведь, лисица и белочка являются метафорами адыгской мифологии. Или число три, столь сакральное в адыгской духовной и материальной культурах – три ножки столика 1энэ, три шага после удивительного случая (лъэбэкъуищ), три пересеченные стрелы на черкесском флаге. Но достоинство произведения в том, что оно принципиально наднационально, универсально и понятно всем народам. Поэтому понятен интерес индусов, иранцев и других переводчиков к пьесе, где нет пресловутого экшна, нет стремительных сюжетных рывков, а есть лишь диалог, и не каждый захочет в нем разобраться.

Пьеса отвечает на вопрос: как жить сегодня, в эпоху биологизации человека, глобализации народов и стремительно нарастающего потока потребления? И ответ не только в устремленности в прошлое и тоске по материнской архаике, где все понятно и прекрасно, что не означает всеобщего довольства, память ведь почти всегда эстетизирует прошлое. Дело в универсальных ценностях, так мощно и упорно взлелеянных мировой историей цивилизации в ее оптимальном значении, если угодно, личным нравственным выбором.

Это закон человеческого существования: не свод моральных предписаний, не социальные нормы, а нечто более фундаментальное, что, даже не будучи осознанным и проживаемым, ведет к подлинной гармонии, где можно любить и быть любимым в глубокой старости, где уровень твоей эмпатии и сопереживания не определяется прямой наследственностью, где любовь к родителям не только не мешает любви между мужчиной и женщиной, но даже усиливает ее. Пока это есть, есть мир и есть человек.

Наконец, не можем не поделиться своими рефлексиями по поводу фэнтези Кануковой «Уэс и Нэс» («Семь вершин драконов»), жанре, в котором у нас пока никто не творил. Возникший не так давно, во второй половине двадцатого века, он напитался энергиями других жанров – научной фантастики, детектива, мелодрамы, философской и религиозной прозы, производственного романа, исторического романа. В нашем национальном сознании фэнтези реально существует очень давно, хотя не имеет литературоведческого дискурса. Нам всем хорошо известна любовь адыгов к магии, почти основному вектору фэнтези, и это удивительная этническая особенность – рационализм как вынужденная основа жизни, и, вместе с тем, романтизация практически всех сторон бытия. Может быть, именно потому у нас появился героический эпос «Нарты», в котором так тонко и гармонично сплетены фантастика и реалии жизни, глубокий психологизм и вымысел, правда и выдумка.

У многих людей магия и магическое ассоциируются с приметами, отжившими свое, рожденными от бессилия перед стихиями, не подвластными человеку, чуть ли не мракобесием, чем-то плохим: колдовство, привороты и т.п. Между тем в адыгской картине мира волшебство, магия,

миф – естественные атрибуты каждого человека, помогающие ему не превратиться в физиологическую машину, механизм, существующий по заданным лекалам, что прекрасно доказывается вызовами нашего сегодняшнего дня, например, финансовой, эмоциональной и ментальной несвободой, когда мир погряз в гонке потребления, когда уровень счастья определяется количеством и качеством того, что работает на тело, а не на дух.

В этом контексте новая книга Зарины Кануковой о Нэс и Уэс возвращает нас в великую духовную архаику возвышенного, так ярко отразившегося в нашем фольклоре : «уи пээм утемылажьэ» (не работай на живот). Ведь аскеза – важная часть жизни черкеса как в женском, так и мужском проявлениях. Если кто-то видел маленькие стульчики на трех ножках, сидя на которых черкесы обедали за таким же шатким столиком Іэнэ, пусть не думает, что попросту невозможно было изготовить удобную мягкую мебель, или люди плевали на свой быт. Тут важно, что за таким обедом не засидишься, при всем желании объесться невозможно, поэтому в любом возрасте у тебя не должно быть лишнего веса, а твой стан должен быть прямым, как стрела, и опираться ты имеешь право только на собственный позвоночник, сидишь ли ты за столом или верхом на коне. Такого рода примеров множество в нашей традиционной культуре.

Для человека, не очень подготовленного к такого рода литературе и склонного к эскапизму, текст Кануковой представляется занимательной сказкой. Но, при использовании сказочных элементов, эпическое фэнтези, о котором идет речь, вовсе не сказка и не некая придуманная история. В отличие от сказки, волшебство которой приходит извне и не принадлежит нашему миру, герои Кануковой актуальны и узнаваемы, характеры персонажей понятны и современны. Все их поступки мотивированы и психологически имеют свое объяснение, а в сказке мы принимаем их как данность и не заморачиваемся, почему персонаж поступает так или иначе.

Но, самое главное, в фэнтези о Уэс и Нэс автор создает цельный вымышленный мир, где волшебство встроено в саму реальность, где нет двоимирия, поскольку изначально герои живут там, а не приходят извне. При абсолютном вымысле автор так детализирует все мысли и поступки героев, описывает природу, предметный мир, условия, в которых существуют персонажи, что мы нисколько не сомневаемся в естественности вымысла, поскольку неомифология, магия и реальность нисколько не спорят друг с другом, а, сплетаясь, образуют гармоническое единство.

Зарина Канукова находится в том продуктивном возрасте поиска и постижений, когда можно говорить о сложившемся авторе с неповторимой интонацией и авторским видением, своей выверенной стилистикой и своеобразной, аутентичной писательской оптикой. Впереди – новые произведения, новые литературные вершины, чего мы ей и желаем.

*Касболат ДЗАМИХОВ,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки КБР,
директор ИГИ КБНЦ РАН*

**ВЕКОВОЙ ПУТЬ ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ**
*(к 100-летию Института гуманитарных исследований
Кабардино-Балкарского научного центра РАН)*

В январе текущего года исполнилось 100 лет со дня основания одного из старейших научных учреждений Северо-Кавказского региона – Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (ИГИ КБНЦ РАН).

Институт был образован решением Президиума ЦИК Кабардино-Балкарской Автономной области 6 января 1926

года «в целях привлечения научных сил в Кабарду и Балкарию для научного изучения и исследования естественных богатств и производительных сил области – экономики, истории, археологии и этнологии, в целях содействия и подготовки научных работников по краеведению, а также для распространения научно проверенных сведений о Кабарде и Балкарии среди широких масс населения». Создание Института ставило двуединую задачу, первой из которых являлась научно-исследовательская работа по организации всестороннего изучения истории, экономики, природных богатств, обычаев, традиций, языков, фольклора коренных народов края, а второй – научно-просветительская задача: приобщение населения области к культурным ценностям.

За заслуги в области исторической науки и филологии, а также в подготовке научно-педагогических кадров в 1976 году Институт был награжден орденом «Знак Почета», что являлось высокой оценкой его деятельности.

29 июня 1993 года Постановлением Президиума Российской академии наук № 143 Кабардино-Балкарский научно-исследовательский

Здание Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (г. Нальчик)

институт истории, филологии и экономики включен в состав Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

В соответствии с Федеральным законом от 27 сентября 2013 г. № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2013 г. № 2591-р Институт передан в ведение Федерального агентства научных организаций (ФАНО России).

В настоящее время ИГИ КБНЦ РАН в составе Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» является подведомственным учреждением Министерства науки и высшего образования РФ.

С 1926 по 2014 г. Институт возглавляли известные научные и общественные деятели: Рюмин Владимир Афанасьевич (1926–1932), Батыров Касым Жантемирович (1932–1933), Налоев Джансох Мурзабекович (1933–1934), Пшеноков Абдул Каншаевич (1934–1937), Кешоков Алим Пшемахович (1938–1939), Цагов Мухамед Исмаилович (июль 1943 – ноябрь 1943), Аппаев Аскер Макарович (26 ноября 1943 – 7 марта 1944), Сасикова Бица Труевна (7 марта 1944 – май 1944), Дадов Адальби Асхадович (май 1944 – май 1945), Бичоев Аслан Тирович (1946–1951), Сабанчиев Хажсет Машевич (1951–1953),

Дзамихов К. Ф. – директор ИГИ КБНЦ РАН

Кереев Камбулат Наврузович (1953–1958), Берикетов Хажумар Гидович (1958–1967), Глостанов Владимир Калиметович (1967–1973), Хутуев Ханафи Исакович (1973–1988), Гугов Рашад Хусейнович (1988–1997), Думанов Хасан Мухтарович (1997–2007), Бгажноков Барасби Хачимович (2007–2014).

С 27 июня 2014 г. по настоящее время действующий руководитель ИГИ КБНЦ РАН – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки КБР, академик АМАН Дзамихов Касболат Фицевич.

Большой вклад в становление и развитие гуманитарной науки внесли видные ученые, в разные годы работавшие в Институте или сотрудничавшие с ним: историки Г. А. Кокиев, В. К. Гарданов, Т. Х. Кумыков, У. А. Улигов, Е. Т. Хакуашев, М. М. Цораев, Р. Х. Гугов, С. Х. Мафедзев, Г. Х. Мамбетов; археологи Е. И. Крупнов, Р. Ж. Бетрозов, И. М. Мизиев, А. Х. Нагоев, И. М. Чеченов, Б. М. Кереев; языковеды Н. Ф. Яковлев,

М. А. Кумахов, А. К. Шагиров, Х. У. Эльбердов, К. Т. Мамрешев, П. М. Багов, Х. Х. Пшуков, И. М. Отаров; фольклористы и литературоведы Т. А. Шеретлоков, Н. А. Цагов, М. Е. Талпа, З. П. Кардангушев, А. Т. Шортанов, З. М. Налоев, А. З. Холаев, Р. Х. Хашхожева, Ф. А. Урусбиева, З. Х. Толгуров, А. И. Алиева и др.

Основные направления научной деятельности Института:

- история социально-экономического, политического, культурного развития народов Кабардино-Балкарии с древнейших времен в контексте истории Кавказа, Юго-Восточной Европы и Передней Азии;

- этногенез, этнокультурный облик народов Кабардино-Балкарии и Юга России, современные этнические процессы и историко-культурное взаимодействие в Евразии;

- изучение и сохранение археологического, историко-культурного и документального наследия народов Кабардино-Балкарии и Кавказа;

- анализ специфики общественной жизни и тенденций развития политической культуры региона; обобщение опыта социальной трансформации

в Кабардино-Балкарской Республике и Северо-Кавказском регионе;

- проблемы структуры, типологии и родства языков Кавказа: изучение эволюции, грамматического и лексического строя кабардино-чер-

Группа участников научной сессии по обсуждению II тома «Истории КБАССР»:

Гугов Р. Х., Берхин И. Б. (Москва), Куашева Т. Х., Бербеков Х. М. (ректор КБГУ), Хакуашиев Е. Т., Геттуев М. И. (поэт, общ. деятель). (г. Нальчик, 1962 г.)

Сотрудники сектора истории в середине 1980-х гг.

Гугов Р. Х. (зав. сектором), Карданов А. Т., Аккиева С. И., Сокуров В. Н., Каишежева Г. М., Сабанчиев Х.-М. А., Дзамихов К. Ф., Березгов Б. Н., Беров Х. Ж.

*Заседание сектора этнографии.
Мафедзев С. Х., Кучмезова М. Ч., Асанов Ю. Н.,
Бгажноков Б. Х., Думанов Х. М.,
Кажаров В. Х., Кушков Х. С. (1986 г.)*

*Сектор литературы.
Слева направо: Кишев А. С. (зам. директора
КБНИИ), Хаишхожева Р. Х.,
Урусбиева Ф. А., Тхагазитов Ю. М.
(зав. сектором). 1986 г.*

кесского, карачаево-балкарского языков; национальная и двуязычная лексикография; анализ современных языковых процессов, языковой ситуации и языковой политики в регионе, изучение особенностей функционирования русского языка в регионе;

- духовные и эстетические ценности литературы и фольклора адыгов, балкарцев и карачаевцев; национальная литература в контексте региональной и общероссийской художественной культуры.

Структура Института включает 10 научных подразделений – сектора древней истории и археологии, средневековой и новой истории, новейшей истории, этнологии и этнографии, кабардино-черкесского языка, кабардино-черкесской литературы,

адыгского фольклора, карачаево-балкарского языка, карачаево-балкарской литературы, карачаево-балкарского фольклора. В учреждении также функционируют: отдел управления персоналом, финансово-экономический отдел, редакционно-издательский отдел, научная библиотека, научный архив, ученый совет, профсоюз.

Научная библиотека института является одной из лучших ведомственных библиотек в республике. Ее фонд составляет более 80 тысяч единиц. На особом режиме пользования находится фонд редких и ценных изданий, который насчитывает более 3 000 единиц.

В научном архиве сосредоточено более 5 тысяч единиц хранения, в числе которых документальные и полевые материалы по адыгскому и балкарскому фольклору, археологии, истории, этнографии народов

КБР, литературоведению и языкознанию. Особое место в архиве занимает уникальный фоно- и видеоархив.

С 1996 г. в ИГИ КБНЦ РАН функционировали аспирантура и докторантура. Институт прошел государственную аккредитацию образовательной деятельности по подготовке кадров высшей квалификации по следующим укрупненным группам направлений подготовки профессионального образования: 45.00.00 – Языкознание и литературоведение, 46.00.00 – История и археология. В 2015 г. в целях организации учебного процесса в ИГИ КБНЦ РАН были открыты кафедра отечественной истории и этнологии и кафедра языкознания и литературоведения, вошедшие впоследствии в состав Научно-образовательного центра КБНЦ РАН. За 20 лет функционирования аспирантуры и докторантуры ИГИ

*Сотрудники сектора
кабардино-черкесского языка.
Слева направо: Пиуков Х. Х., Яфаунов А.
М., Кясов А. Х., Багов П. М., Утижжев Б. К.
(1970-е гг.)*

*Сектор карачаево-балкарского языка.
Слева направо: Жаппуев А. А.,
Жабоев Ю. Х., Созаев Б. Т., Улаков М. З.,
Отаров И. М., Гузеев Ж. М. (1980-е гг.)*

*Сотрудники сектора фольклора и искусства. Налоев З. М. (зав. сектором),
Цицинов А. А., Тхамокова Ж. Г., Блаева Т. А., Кардангушев З. П., Залиханов Ж. Ж.,
Малкондуев Х. Х., Рахаев А. И., Гутов А. М., Джуртубаев М. Ч. (1986 г.)*

Коллектив ИГИ КБНЦ РАН (2023 г.)

КБНЦ РАН подготовлено около 200 молодых ученых, пополнивших кадры высшей квалификации Кабардино-Балкарской Республики. Более 30 из них стали сотрудниками Института. Выпускники аспирантуры ИГИ КБНЦ РАН работают преподавателями, научными сотрудниками, руководителями научных и образовательных учреждений не только Кабардино-Балкарской Республики, но и других регионов Российской Федерации: Москвы, Ростова-на-Дону, Новороссийска, Владикавказа

Члены Совета молодых ученых ИГИ КБНЦ РАН – сотрудники и аспиранты института

(Республика Осетия-Алания), Черкесска (Карачаево-Черкесская Республика), Грозного (Чеченская Республика), Магаса (Республика Ингушетия). За период с 2007 по 2025 г. 7 сотрудников защитили докторские диссертации, 32 – кандидатские диссертации.

С 2009 г. в Институте функционирует Совет молодых ученых. Основные направления деятельности СМУ:

- пропаганда научных достижений молодых ученых;
- развитие сложившихся и содействие становлению новых научных школ;
- обеспечение научной преемственности в области фундаментальной науки;
- налаживание информационного контакта с молодыми учеными

Встреча ученых ИГИ КБНЦ РАН с участниками профильной смены «Умники и умницы» Дворца творчества детей и молодежи Минпросвещения КБР ко Дню российской науки и к 100-летию ИГИ КБНЦ РАН (Нальчик, 10 февраля 2026 г.)

иных научных учреждений в целях овладения новыми знаниями и интеграции совместной деятельности;

- привлечение и закрепление талантливой молодежи в ИГИ КБНЦ РАН.

В Институте проводятся научно-методические семинары, лекции для молодых ученых с приглашением ведущих ученых академических учреждений, общественных деятелей, деятелей культуры и искусства.

Со дня основания Институтом издано более 1000 книг, в том числе свыше 600 монографических исследований. Кроме этого, с конца 1940-х гг. выпускались «Ученые записки», сборники статей по истории Кабарды и Балкарии, «Вестник КБНИИ» (ныне – журнал «Вестник КБИГИ»), «Исторический вестник», «Вопросы кавказской филологии» и др. Ежегодно под авторством ученых Института публикуется 15–20 книг (в среднем 225 печатных листов научной продукции).

Труды сотрудников Института по актуальности и исследовательской глубине, теоретической и практической значимости стоят рядом с научными изысканиями ученых центральных академических институтов. Такими являются, например, коллективные обобщающие работы: «История Кабардино-Балкарской АССР» в двух томах (М., 1967), «Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии» в трех томах (Нальчик, 1984, 1985, 1987), «Новое и традиционное в культуре и быте кабардинцев и балкарцев» (Нальчик, 1986), «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов» в четырех томах и шести книгах. (Москва – Нальчик, Т. I – 1980; Т. II – 1981; Т. III. Ч. 1 – 1986, Ч. 2 – 1990; Т. IV. Ч. 1–2 – 2018), «Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев» (М., 1995), «Толковый словарь современного карачаево-балкарского языка» в 3-х томах (Нальчик, 1996, 2002, 2005), «Толковый словарь современного кабардино-черкесского языка» (М., 1999), «Ка-

бардино-черкесский язык». Т. I–II. (Нальчик, 2006), «Очерки истории балкарской литературы» (Нальчик, 2010), «Нарты: адыгский эпос». Т. I. (Нальчик, 2012), «История адыгской (кабардино-черкесской) литературы» 3-х томах на кабардино-черкесском и 1 томе на русском языке (Нальчик, на каб.-черк. яз.: 2010, 2013, 2021, на рус. яз.: 2019), «История многовекового содружества» (Нальчик, 2007), «Книга Памяти» Т. I–IV. (Нальчик, 2014, 2015), «Адыгские песни времен Кавказской войны» (Нальчик, 2014), «Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев» (Нальчик, 2015), «Музыкальный фольклор черкесов (адыгов): инструментальная музыка» (Нальчик, 2015), «Единство народов Советского Союза – важнейший фактор победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (к 70-летию Великой Победы)» (Нальчик, 2015).

Внимание ученых и общественности привлекают и издания последнего десятилетия: «Политические репрессии черкесов на Северном Кавказе (1918–1940 гг.). Историко-архивные материалы и воспоминания» (Нальчик, 2017), «Современный карачаево-балкарский язык» в 2-х частях (Нальчик, 2016, 2018), «Века совместной истории: народы Кабардино-Балкарии в российском цивилизационном процессе (1957–1917 гг.)» (Нальчик, 2017), «Словарь синонимов карачаево-балкарского языка» (Нальчик, 2017), «Народы Северного Кавказа в европейской культуре и общественном сознании (историографические и источниковедческие аспекты)». Ч. 1–4 (Нальчик, 2015–2025); «Адыгские сказки». Т. II («Адыгэ таурыхъхэр». Нальчик, 2018), «Большой русско-кабардино-черкесский словарь» (Нальчик, 2021), «Адыгские историко-героические песни и предания». Т. I. (Нальчик, 2019), «Словарь синонимов кабардино-черкесского языка» («Адыгэбзэ синонимхэм я псалъальэ». Нальчик, 2020), «Ногмов Ш. Б. Исторические и филологические труды». Т. I–IV (Нальчик, 2020), «Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев» Т. II (Нальчик, 2020), «Великая Отечественная война в истории Кабардино-Балкарии. 1941–1945 гг. 75 лет Победы» (Нальчик, 2020), «Кабардино-Балкария – республика в составе Российской Федерации (1922–2022 гг.)» (Нальчик, 2022), «Государственно-политическое развитие Кабардино-Балкарии: исторический опыт и современные проблемы (1922–2022 гг.)» (Нальчик, 2022), «Словарь языка Алима Кешокова» (Нальчик, 2022), «Кабардино-Черкесская грамматика» (Нальчик, 2023), «Адыгские (адыгейские, кабардинские, черкесские, черкесского зарубежья) писатели XIX–XXI вв. Биобиблиографический словарь» Т. I–III (Нальчик, 2021, 2022, 2023); «Нарты. Адыгский (черкесский) эпос» Т. I–IV (Нальчик, 2024–2025); «Народы Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историческая память, уроки, противодействие фальсификациям (к 80-летию Великой Победы)» (Нальчик, 2025), «Свод карачаево-балкарского фольклора: Историко-героические песни карачаевцев и балкарцев» Т. VII (Нальчик, 2025) и многие другие.

Эти работы являются значительным вкладом в фундаментальную науку Российской Федерации. В них подняты и решены актуальные проблемы не только региональной кавказоведческой гуманитарной науки, но и проблемы социального развития и неразрывного единства историко-культурных процессов в пределах российского цивилизационного и государственного пространства.

Показателем признания значимости научных трудов является и тот факт, что издания Института неоднократно удостоивались различных наград. В 2018 году две монографии, выполненные коллективом ученых ИГИ КБНЦ РАН, были удостоены Диплома I первой степени и Лауреата XI Международного конкурса научных работ им. Ю. А. Жданова.

Деятельность ИГИ КБНЦ РАН целиком направлена на решение фундаментальных проблем научного изучения истории и современного развития народов, общества и государственности Кабардино-Балкарии как одного из субъектов Российской Федерации. Научные разработки Института способствуют сохранению культурного наследия народов КБР, осуществляют научно-информационное обеспечение деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества республики, содействуют решению задач социально-экономического, общественно-политического и культурного развития страны и республики. Исследовательские разработки Института находят применение в общественной и образовательной практике в КБР. Многие издания по истории, языкам, культуре и литературе адыгов, балкарцев и карачаевцев используются в учебном процессе в вузах республики, часто являясь основным источником научно выверенной информации.

Сотрудники ИГИ КБНЦ РАН задействованы в экспертной деятельности: они проводят научную экспертизу проектов региональных целевых программ, документов общественных, национально-культурных организаций, экспертизу учебников, учебных программ, концепций развития, многие являются членами диссертационных советов научных и образовательных учреждений Юга России. Ученые Института работают в составе Координационного совета Министерства образования и науки РФ по комплексным исследованиям проблем Северного Кавказа, Общественного совета при Управлении по взаимодействию с институтами гражданского общества и делам национальностей КБР, регионального отделения Российского исторического общества. Являются постоянными экспертами региональных предметных комиссий ЕГЭ, других научно-образовательных мероприятий и т.д.

Одним из основных направлений деятельности ИГИ КБНЦ РАН является организация и проведение научных мероприятий – семинаров, симпозиумов, конгрессов, конференций как форм распространения знаний и информации.

В числе научных мероприятий, организованных Институтом за

*Участники II научной сессии КНИИ
(ныне ИГИ КБНЦ РАН) профессор Г. А. Кокиев,
академик И. И. Мецанинов, профессор Н. Я. Яковлев,
Е. М. Крупнов, Г. Ф. Турчанинов, А. П. Кешиков,
М. К. Наков, А. Т. Бичоев и др. (г. Нальчик, 1947 г.)*

последние пять лет и имевших важное научное и общественно-политическое значение для республики: Всероссийская (с международным участием) научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Шаг в науку – 2021» (Нальчик, 8–10 февраля 2021 г.); Всероссийская научная конференция

«Кабардино-Балкария – республика в составе Российской Федерации (1922–2022): истоки, становление и конституирование», приуроченное к 100-летию юбилею образования КБР (Нальчик, 17 мая 2022 г.); Региональная научно-практическая конференция «Кавказский текст Инны Кашежевой в общероссийском поликультурном пространстве», приуроченная к 80-летию со дня рождения русскоязычной кабардинской поэтессы, лауреата Государственной премии КБАССР в области литературы и искусства Инны Иналовны Кашежевой (Нальчик, 17 мая 2024 г.); Региональная научно-практическая конференция с международным участием «Национальное словесное искусство: итоги и перспективы изучения», приуроченная к 80-летию фольклориста и литературоведа доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки КБР А. М. Гутова (Нальчик, 26 июля 2024 г.); Круглый стол «Предел бессмертия: вклад сотрудников Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований в Великую Победу», приуроченный к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (Нальчик, 4 апреля 2025 г.); Круглый стол «Вспомним всех поименно: сотрудники Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований на фронтах Великой Отечественной войны» (к 80-летию Великой Победы) (Нальчик, 30 апреля 2025 г.); Круглый стол «Карачаево-балкарские писатели – участники Великой Отечественной войны: «география подвига» (Нальчик, 6 мая 2025 г.); Региональная научно-практическая конференция «Народы Кавказа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: историческая память, уроки, противодействие фальсификациям (к 80-летию Великой Победы)» (Нальчик, 30 июня 2025 г.); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Проблемы системного

изучения языка, фольклора и литературы народов Северного Кавказа в современных культурно-исторических реалиях», приуроченная к 85-летию доктора филологических наук, академика АМАН, почетного работника высшего образования РФ, заслуженного деятеля науки КБР, КЧР, Республики Адыгея профессора Хангери Ильясовича Бакова (Нальчик, 26 сентября 2025 г.); Круглый стол «Творчество, испытанное временем» (к 115-летию Б. И. Гуртуева)» (Нальчик, 7 ноября 2025 г.); Научно-практическая конференция с международным участием «Адыгский нартский эпос – выдающийся памятник духовной культуры народа» (Нальчик, 5 декабря 2025 г.); Круглый стол «Традиционные жанры словесного искусства как константа этнической культуры» (12 декабря, 2025 г.).

Участники региональной научно-практической конференции «Кавказский текст Инны Кашежевой в общероссийском поликультурном пространстве», приуроченной к 80-летию со дня рождения поэтессы (Нальчик, 17 мая 2024 г.)

Участники круглого стола «Карачаево-балкарские писатели – участники Великой Отечественной войны: «география подвига» (Нальчик, 12 мая 2025 г.)

Работа Всероссийской научной конференции «Просветительство в этнокультурном пространстве Северного Кавказа», посвященной 225-летию со дня рождения первого адыгского ученого и просветителя Шоры Бекмурзовича Ногмова (Нальчик, 22 ноября 2019 г.)

исследований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии, Центром стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия и др.

Институт принимает самое деятельное участие в реализации федеральных и региональных программ, направленных на сохранение традиционных российских духовно-нравственных основ, на укрепление межнационального согласия, на развитие и укрепление государственных основ Российской Федерации, например: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. и др.

Участники круглого стола «Кавказская война в историко-культурной ретроспекции», приуроченного к 155-летию со дня окончания Кавказской войны (Нальчик, 11 декабря 2019 г.)

ИГИ КБНЦ РАН традиционно взаимодействует с ведущими академическими институтами, вузами России и зарубежья. Он сотрудничает с научно-исследовательскими институтами Дагестана, Северной Осетии-Алании, Адыгеи, Карачаево-Черкесии, Институтом этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Институтом Российской истории РАН, Институтом языкознания РАН, Институтом мировой литературы им. А. М. Горького РАН, Институтом археологии РАН, Кабардино-Балкарским государственным университетом им. Х. М. Бербекова, Абхазским институтом гуманитарных ис-

следований им. Д. И. Гулиа АН Абхазии, Центром стратегических исследований при Президенте Республики Абхазия и др.

Институт принимает самое деятельное участие в реализации федеральных и региональных программ, направленных на сохранение традиционных российских духовно-нравственных основ, на укрепление межнационального согласия, на развитие и укрепление государственных основ Российской Федерации, например: Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г, Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г. и др.

Коллектив Института видит свою социальную функцию в том, чтобы:

- поддерживать высокий уровень научно-исследовательской деятельности в области социальных и гуманитарных наук с тем, чтобы обеспе-

чить эффективную интеграцию Кабардино-Балкарии в общероссийский модернизационный процесс;

– формировать адекватное понимание глобальных, общероссийских и местных условий, культурно-исторических основ и социально-полити-

Работа круглого стола «Сталинградская битва – начало коренного перелома в Великой Отечественной войне» (Нальчик, 17 марта 2023)

ческих механизмов устойчивого регионального развития в интересах народов Кабардино-Балкарии, Северного Кавказа и России в целом;

– искать формы соединения традиций и инноваций, самобытности и открытости в системе ценностей и норм, культурных идеалов и практик народов Кабардино-Балкарии, которые позволили бы им не только сохранить, но и приумножить национальное культурное наследие, внести свой вклад в диалог культур и цивилизаций современного мира.

В 2011 г. компетентная комиссия Российской академии наук, высоко оценив деятельность ИГИ КБНЦ РАН, отметила, что Институт – «единственное в мире научное учреждение, профессионально изучающие языки, фольклор, литературу, историю, археологию, этнологию адыгов и карачаево-балкарцев в широком контексте мировой и российской истории и культуры». В настоящее время Институт гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН является одним из ведущих научных учреждений аналогичного профиля не только на Северном Кавказе, но и в Российской Федерации.

ПЕРВЫМ ВСЕГДА НЕЛЕГКО
Саиду Шахмурзаеву – 140 лет

Учитель учителей. Так назвали нашего героя в одной статье. Он был первым во всем: первый балкарский просветитель, автор первого балкарского алфавита и первой азбуки, основатель первой школы в высокогорном селе, первый поэт в классическом понимании, наконец, человек, выпестовавший первую балкарскую интеллигенцию. Это все о нем, о Саиде Шахмурзаеве, 140-летие которого республика отмечает в этом году.

Мои собеседники – прямые потомки классика, сын – Рашид Саидович, и внук – Заурбек Юрьевич Шахмурзаевы.

Рашид Саидович. Воспоминания детства... Я родился в Казахстане, в депортации. Годы были очень тяжелые для моих родителей, особенно для отца, который при депортации потерял свою первую жену. Потом он встретил мою маму. На руках у него двое малолетних детей, Юра и Алексей. Это мои старшие братья, к сожалению, их уже нет. Мне их очень не хватает, особенно с Юрой мы были очень дружны. Он был во всем мне примером после отца. Отец запомнился по Казахстану тем, что его все время не было дома, он был вечно занят. Надо было семью кормить, писать, общаться с земляками, поддерживать их и словом, и делом. До депортации он был достаточно влиятельным человеком, а там вынужден был и сторожем работать, и в школе преподавать. Никакой работы не чурался, чтобы детей поднять, дать им образование. И еще успевал писать все время. Смутно-смутно помню – маленький еще был – Кайсына Кулиева, отец часто встречался с ним.

Корр. Односельчане же.

З. Ю. Они не только односельчане, но и братья. Мать моего деда Саида была Кулиева.

Р. С. Вряд ли мы тогда по малолетству понимали, с кем рядом живем. Но подсознательно чувствовали, что наш отец – необыкновенный человек. Он в жизни ни на кого в семье не повысил голос. Я уж не говорю о том, чтобы кому-то из мальчишек дать затрещину. Хватало одного слова, взгляда. Настолько его авторитет был высок. Это и передалось нам генетически. Если взять нашу фамилию Шахмурзаевых, мы все получили высшее образование. Мы, как говорится, не богатством богаты, наше достояние – образование.

Корр. Вы не имели права остаться необразованными.

Р. С. Да. Юра, старший брат, в годы депортации учился во Фрунзе. Потом, когда мы вернулись на родину, он перевелся в Новочеркасск. Материально помочь ему по тем временам было непросто, и он разгружал

вагоны. Я подумал: если Юра смог в таких сложных условиях получить высшее образование, почему же я не смогу? Вот так в семье и повелось, пример за примером. Потом и дети Юры выучились...

Корр. И даже писать начали, вот З. Ю. живой пример. Читала вашу книгу, Заурбек, которую вы назвали, долго не думая, «Кавказские истории Заурбека». Это короткие живые рассказы на жизненные, житейские темы.

З. Ю. Мне неинтересны выдуманные истории, да и читателю, думаю, тоже. А жизнь иногда преподносит такие сюжеты, что никакой писатель сочинить не сможет. Я живу среди людей, у каждого в запасе есть куча историй, да мне и своих хватает.

Корр. Я видела только один этот сборник рассказов. Других книг нет, или я что-то пропустила?

З. Ю. У меня раньше вышла книга «История судебной системы Кабардино-Балкарии» к 80-летию ведомства, я тогда в судебном департаменте работал пресс-секретарем. Идею горячо поддержал наш руководитель Мурат Хасанбиевич Хакулов. И я погрузился в архивы. Благо руководителем городского архива была Шогенцукова Оксана Нуриевна, моя соседка, мы жили в одном подъезде на пр. Ленина. К сожалению, ее уже нет в живых. Она мне очень помогла в подборе материалов. Весь этот массив я систематизировал, и книга вышла.

Корр. Но какая-то художественная составляющая была в этой книге?

З. Ю. Конечно! Один раздел полностью посвящен историям, рассказанным сотрудниками департамента, судьями.

Р. С. Я, живя в Германии, читаю в интернете все, что пишет Заурбек, и говорю ему: пиши, пожалуйста, пиши хотя бы для меня. У нас в семье я один по военной стезе пошел, могу разве что донесения командованию писать, коротко и жестко. Остальные все, братья, сестры, племянники – кто журналист, кто педагог. Халид, младший брат, такие стихи мне присылал, а вот книг не издал. Говорю ему все время: почему ты не пишешь? Педагогов у нас много, сестры мои всю жизнь в школе, племянницы. И сын мой преподавал в *Mittelinstitut* в Лейпциге.

З. Ю. Моего деда все воспринимают по-разному: кто-то поэтом его называет, кто-то этнографом, фольклористом, педагогом, ученым. Да, он был многосторонним, просто для своего времени был достаточно образованным. А главное – он был духовной личностью, вдохновляющей свой народ. Вдохновлял народ через первую интеллигенцию, которую подготовил. Знаете, как вот аккумулятор, который дает ток, в проводах этого тока не видно, но мы видим его по агрегатам, которые запустились. Начала развиваться культура, поэзия, появились первые образованные люди. Ведь он первый открыл школу в Верхнем Чегеме, ходил по домам и уговаривал родителей отпустить детей на учебу.

Корр. В одном интервью Саид Османович рассказывал, как трудно было уговорить родителей. Наверняка предпочитали учебу в медресе.

3. Ю. Нет, далеко не все могли посещать медресе, ведь за обучение надо было платить, а народ бедный, надо думать о том, как скот пасти, сено косить, выживать в горах. И дети были в помощь. А наш дед учился в медресе лишь потому, что его отец, наш прадед Осман, был состоятельным человеком. Не так давно коллега Карина Гедгафова принесла из нашего архива выписку, ведомость 1899 года о предпринимателях Чегемского района. Вот там наш прадед, там 7-8 человек, трое евреев, два грузина и два балкарца, наш прадед и Ахкубеков, кажется.

Корр. (улыбается). Так вас пора раскулачивать...

Р. С. Нет, происхождение у нас простое, но то, что наш дед был предпринимателем и мог обучать своих детей – это факт. Он еще работал в типографии Дымова, которая располагалась в Баксанском районе. Наверное, тогда еще начался старт семьи, путь к просвещению. Вообще удивительно, как изменилось время, как изменились мы сами. В 2024-м году я впервые побывал в Верхней Балкарии, на родине матери. До этого я знал только Нижний Чегем, Верхний Чегем, Яникой, все. Мы из Казахстана вернулись в 1956-м году, а в 64-м я уже уехал в Суворовское училище. Потом приезжал на побывку два раза в год на короткий срок и ничего не успевал. Затем окончил Высшее командное училище и уехал в Германию. А тут съездил, посмотрел после этого старый документальный фильм 26-го года «Верхний Чегем», увидел строения, в которых жили балкарцы, и поразился: какой скачок мы сделали и в бытовом, и в культурном плане. Из малообразованного к современному высокообразованному народу. В детском возрасте я этого не понимал, а потом, повзрослев, стал задумываться: откуда у отца, выросшего в тех тяжелых условиях, высоко в горах, такая тяга к просвещению? Иначе как божьей искрой я это назвать не могу. Тут нам все условия – только учись, и то со скрипом, как говорится. А отец – все сам, все неустанными трудами. Первый алфавит, первая азбука, первая школа – все сам.

3. Ю. Дед поначалу думал и писал на арабском – ведь он получил религиозное образование, потом и алфавит первый составлял на арабском. В 1970 году он выпустил первый балкарский топонимический словарь. Работал над ним вместе с известным кабардинским филологом Джамалдином Коковым. Многие удивятся – почему балкарский словарь делали с кабардинским ученым? Во-первых, у них не было разделения, типа я балкарец, ты адыг. И у Джамалдина Наховича был свой опыт составления словарей, адыгских, естественно. В 2016 году в издательстве Котляровых переиздали этот словарь. Мне Виктор Николаевич рассказывал, что Джамалдин Нахович пришел к ним в магазин, услышав о выходе книги, и много говорил о дедушке. Рассказывал, что во время оживленных бесед Саид Османович, объясняя этимологию какого-нибудь слова, писал и объяснял на арабском, тот не перебивал

из уважения, а в паузе просил: «Саид, давайте теперь на русском». Он извинялся и начинал говорить по-русски.

Корр. Есть еще одна библиографическая редкость, выпущенная Саидом Шахмурзаевым, – «Календарь балкарца». Не пора ли переиздавать эти книги? В них есть нужда сегодня, ведь ценность их не только в давности написания, в них заложен большой сакральный смысл.

З. Ю. «Календарь балкарца» моему деду пересказала его бабушка Жанатаева Хамигер, она умерла в 1927 году, то есть он был пересказан гораздо раньше. Бабушка Хамигер прожила, как считается, 136 лет. По крайней мере, ее портрет как долгожительницы долгое время висел в нашем Национальном музее. Как этот возраст выяснили? Отец рассказывал, что приезжала немецкая экспедиция, и они определили возраст нашей прапрабабушки путем каких-то вычислений, и даже пытались вывезти ее в Германию, однако родственники не согласились.

Я хочу сказать, что наш дед обладал еще и научной интуицией, был одним из первых сотрудников научно-исследовательского института. О нем писал академик Эдвард Ртвеладзе. Первая его экспедиция была именно в Кабардино-Балкарию. Тогда мой дед посоветовал ему изучить тему Тамерлана, Хромого Тимура, который немало бед натворил на Кавказе. Впоследствии, уже будучи сенатором в Узбекистане, Ртвеладзе стал ведущим тимурологом. И в своих трудах он упоминал, что пришел к главной своей теме с подачи Саида Шахмурзаева.

Еще один случай, говорящий об удивительной интуиции Саида Османовича. Все знают место захоронения Джабаги Казаного и его супруги в сквере Свободы возле медфака. Там раньше был Ленинский учебный городок, где преподавал и наш дед. Как-то он вышел на перемене, стоит, курит, носком обуви чуть расковырял землю. Потом в какой-то день позвал студентов, они раскопали это место, и там оказались эти две могильные плиты. С его знанием арабского языка ему ничего не стоило определить, кто похоронен в этих могилах. В увековечении памяти Джабаги Казаного, выходит, наш дед принял непосредственное участие.

Р. С. Это не единичный случай. Твой отец, мой брат Юра рассказывал, что в Казахстане они шли как-то по делам из одного села в другое. Присели отдохнуть, а там рядом старое кладбище было. А отец любил читать старые надписи на надгробных камнях. Ходил, ходил, вдруг расковырял почти ушедший в землю камень и говорит: «Знаешь кто здесь похоронен? Это Кейсари, национальный герой Казахстана, борец за независимость». Зашли в это село, нашли директора школы и рассказали ему, отвели и показали место. Тот удивился, но говорит: только не надо никому говорить, а то мало ли как власти отнесутся. Ну, Юра и молчал.

З. Ю. А вот где-то десять лет назад по ТВ прошла информация, что в Казахстане начались поиски могилы Кейсари. Мой отец услышал и написал Назарбаеву письмо: не надо искать, могила находится там-то и

там-то, обрисовал координаты. Нашли, и месяца через два от директора института археологии и истории Казахстана пришло письмо с благодарностью и приглашением на открытие памятника. Но отец был уже в возрасте и не смог поехать.

Р. С. Все-таки мы масштаб личности Саида Османовича при его жизни не до конца понимали. Для меня он был папа, для Заурбека – дед. Только когда его не стало, да и мы понемногу ума набрались, тогда пришло понимание, кем он был. В школе я учился по букварю, там написано: автор Шахмурзаев. Ну, Шахмурзаев да Шахмурзаев. Говорили, что он составил алфавит для балкарцев – ну, я и этому особого значения не придавал. Потом уже, в зрелом возрасте, начал вспоминать, где я был с отцом, что я видел, что он делал и умел. И тогда только понял, что я рядом с ним ноль. Я был увлечен военной службой, а отец был всесторонне развитый. Он для меня был неким божеством – в нас ведь заложено трепетное почитание отца. Часто вспоминаю два случая. Приехал как-то в отпуск. Отец в редакции, мамы тоже нет дома, сестры в школе, я один дома. Развалился на диване нога на ногу и курю. А отец говорил мне: только не кури, только не кури. Хотя сам много во время работы курил. Заходит отец. Я подскочил, не знаю, куда себя деть. Он ни слова не сказал и ушел в свою комнату. До сих пор вспоминаю это чувство стыда за то, что я не выполнил его просьбу. Хотя был тогда уже офицером.

И второй случай. Дома стали намекать, что пора жениться, я приехал в отпуск, они стали знакомить меня со своими кандидатурами. А у меня уже в Германии девушка была, немка. Что говорить, влюбился с первого взгляда. В общем, мать пытается меня, я тогда достаю фотографию и говорю: «Или она, или я никогда не женюсь». Мать пошла обсудить с отцом. Выходит и говорит, мол, отец не против, народ чистоплотный и трудолюбивый. Так я и женился, и прожили мы с ней 49 лет, она умерла в 2023 году. И не была она типичной немкой по характеру...

Корр. За столько лет вы не утратили ни родного языка, ни русского.

Р. С. Стараюсь. Но жизнь в чужеродной среде свой след оставила, конечно. Что меня огорчает. Мы – небольшой народ, теряем свой язык. Я вот приезжаю и слышу нашу речь, и понимаю, что на балкарском языке сейчас говорят так, будто это русскоязычный, выучивший балкарский язык. И по выговору, и по набору слов. А может, мне это только кажется...

Корр. Нет, вам не кажется, к сожалению, эта проблема есть и у нас, и у вас.

Р. С. И еще одно во мне болит. Я приезжаю на родину, узнают, что я живу в Германии, и начинают говорить: вот, у меня тоже брат, или сын, или племянница живет в Америке, или во Франции, неважно где. Или собираются уезжать, или просто мечтают. Я в Германии оказался

не потому, что мечтал покинуть родину. Так судьба моя сложилась. А когда люди целенаправленно ищут какое-то счастье за рубежом – я не советую этого никому. Своим землякам хочу сказать: нигде не может быть лучше, чем на родине, среди своих. Думаете, там жизнь лучше или легче, чем здесь? Ничего подобного, проблемы везде одни и те же, а там, возможно, даже посерьезнее. И жизнь здесь нисколько не хуже, чем там. Поверьте моему слову. Не надо рваться никуда, чужбина – она и есть чужбина. Помните о своих предках, что они для нас сделали. Наш долг – с этим жить и передавать своим потомкам.

Корр. Замечательная точка в разговоре. Заурбек, вы хотите добавить что-то к словам дяди?

З. Ю. Очень важно, что ты себе представляешь, когда думаешь о родине. Я всегда вольно или невольно представляю своего деда, Саида Шазмурзаева. Когда дед ушел из жизни, я был ребенком, но за тот короткий промежуток времени, когда я с ним общался, надеюсь, он и мне передал какую-то свою искру. Надеюсь, и сыну моему, которого назвали Саидом в честь прадеда, передалась частичка этой искры. Конечно, хочется, чтобы люди помнили о том, кто стоял у истоков нашей литературы, культуры, образования своего народа.

Беседовала Лариса Маремкулова

ХАЧИМ КАУФОВ: ГОЛОС ЭПОХИ, ХРАНИТЕЛЬ ПАМЯТИ

В феврале мы вспоминаем Хачима Хабасовича Кауфова – признанного кабардинского писателя, журналиста и общественного деятеля, чья жизнь и творчество оставили глубокий след в культуре Кабардино-Балкарии. Известный под литературным псевдонимом Бгъэнокъуэ Хъэчим, он был человеком многогранного таланта: поэтом, прозаиком, публицистом, литературным критиком и историком культуры, писавшим как на кабардинском, так и на русском языках.

Хачим Кауфов родился 10 февраля 1940 года в селе Кызбурун-3 (ныне Дугулубгей) Баксанского района, с юных лет он проявлял интерес к художественному слову. Его первые стихи были опубликованы в районной газете «Коммунизмэм и нэху» еще в 1958 году, когда он был школьником.

Окончив историко-филологический факультет Кабардино-Балкарского государственного университета в 1964 году Хачим Хабасович посвятил себя журналистике. Он прошел путь от ответственного секретаря районной газеты «Коммунист» до заведующего отделом газеты «Советская молодежь», старшего редактора республиканского телевидения и литработника журнала «Блокнот агитатора». Эта профессия не только обогатила его знаниями о жизни, но и стала неиссякаемым источником сюжетов для его художественных произведений, сделав его одним из пионеров художественно-документальной прозы в литературе Кабардино-Балкарии.

На протяжении своей карьеры Хачим Кауфов занимал ряд ответственных постов, что, безусловно, ограничивало его возможности для непосредственного литературного творчества, но при этом давало ему уникальный опыт и понимание общественной жизни. Он был ответственным секретарем отделения Общества «Родина», заведующим сектором печати, телевидения и радио КБ обкома КПСС, председателем Государственного комитета КБССР по телевидению и радиовещанию. Позже он работал заместителем главного редактора газеты «Адыгэ псалъэ» и дважды возглавлял правление Союза писателей КБР, а также был заместителем председателя.

Несмотря на плотный служебный график, Хачим Кауфов внес значительный вклад в развитие кабардинской литературы. Он яв-

ляется автором 13 книг, среди которых сборники стихов, рассказов, документальные повести, очерки и эссе. Его произведения, такие как «Верность подвигам отцов», «Орел умирает в полете», «Возраст весны» и «Вечные странники», до сих пор находят отклик в сердцах читателей. Помимо книг, он оставил после себя множество статей, теле- и радиопередач, в которых анализировал актуальные проблемы общества.

Хачим Хабасович Кауфов был не просто писателем, но и чутким наблюдателем, глубоким мыслителем и активным участником общественной жизни. Его творчество и деятельность стали неотъемлемой частью культурного наследия Кабардино-Балкарии, а его память продолжает жить в сердцах тех, кто ценит искреннее слово и преданность своему народу.

Кауфов завоевал сердца читателей благодаря своим глубоким и многогранным произведениям. Он мастерски описывал подвиги земляков на фронтах Великой Отечественной войны, не забывая при этом о нравственных уроках, которые преподаёт нам история. Его повести и рассказы на современную тему всегда находили отклик, а литературоведческие и литературно-критические работы, посвящённые актуальным проблемам литературы народов Кабардино-Балкарии, а также статьи, очерки и эссе по истории и культуре черкесского зарубежья, демонстрировали его широкий кругозор и глубокие знания.

Даже беглый взгляд на заголовки его статей в республиканских газетах позволяет оценить масштаб его журналистского таланта. Он был не просто журналистом, а настоящим исследователем, историком, человеком энциклопедических знаний. Его очерки всегда отличались серьёзностью и силой, а каждая статья пронизана искренним патриотизмом и самоотдачей.

Взгляните на эти заголовки, и вы поймёте, о чём идёт речь: «Смерть комиссара» – документальный рассказ о М. Кудашеве (КБП, 1974); «Эхо боевого братства» – о С. И. Першине (КБП, 1974); «Смерти не подвластен» – новые материалы о А.-Х. Т. Канкошеве (КБП, 1975); «Атлантида истории адыгов» – к вопросу о возможном наличии письменности у древних адыгов (СМ, 3 июля, 1976); «Свет – имя его» – о Нури Цагове (КБП, 1977); «В небе над Тереком» – документальный рассказ (КБП, 1983); «У каждого своя высота» – о походе по местам боев 115-й кавдивизии в 1966-1968 гг. и некоторых искажениях, содержащихся в книгах о ВОВ (КБП, 1996); «Хахуэр хъыбарыншэ хъукъым» / Храбрые без вести не пропадают / Об установлении имен погибших героев («Ленин гъуэгу», 1985); «Пытэ фыццэу губгъуэшхуэм къинахэр» / Черные папахи, оставленные в большой степи / О судьбе 115-й кавдивизии («Адыгэ псалгэ», 1996); «Обернемся к нашим горам» – к 140-летию окончания Кавказской

войны (КБП, 2004); «Шуудзэм и тхыдэм ехьэлIа тепльэгъуищ» / Три эпизода к истории кавдивизии («Адыгэ псалъэ», 2005). Эти названия говорят сами за себя, демонстрируя не только широкий спектр интересов автора, но и его глубокое погружение в каждую тему.

Хачим Хабасович Кауфов был уникальной личностью, одинаково виртуозно владевшей как родным кабардинским, так и русским языками. Его публикации, выступления на радио и телевидении стали для нас бесценным дополнением к лекциям, раскрывая такие важные темы, как Кавказская война, история 115-й Кабардино-Балкарской конной дивизии, а также творчество наших выдающихся поэтов, писателей и просветителей.

Хачим Хабасович обладал невероятно глубокими и обширными знаниями, настоящим кладом информации. Недаром я называю его журналистом-исследователем и историком. Каждая встреча со студентами, а их было немало, превращалась в увлекательное путешествие в прошлое. Он поражал их не только великолепным знанием исторических фактов, но и удивительным умением преподнести эти события, объяснить их суть. Он рассказывал истории так, будто сам был их участником, что делало его повествование невероятно живым и убедительным.

И это не было преувеличением. Хачим Хабасович действительно побывал во всех местах, где разворачивались описываемые им события. Он кропотливо изучал архивные документы, сравнивал их с материалами из Государственного архива РФ, и только после такой тщательной проверки появлялась его публикация в газете. Но и на этом работа не заканчивалась. Он постоянно дополнял свои материалы новыми сведениями, полученными из архивов, и лишь после всесторонней доработки они выходили отдельной книгой. Все его очерки, прежде чем стать частью книги, проходили апробацию на страницах республиканских газет, и он всегда внимательно относился к мнению читателей.

Мы сделали доброй традицией презентации важных книг Хачима Кауфова в студенческой аудитории КБГУ. Эти встречи будущих филологов с писателями и поэтами в стенах вуза были бесценны. Литераторы с удовольствием делились со студентами тонкостями творческого процесса, рассказывали о начале своего пути и о роли писателя в формировании чувства Родины.

В таких беседах Хачим Хабасович всегда подчеркивал, что пишет именно для молодежи. Студенты с нетерпением и некоторым волнением ждали его прихода. Он никогда не отказывал нам. Иногда он приходил один, но чаще приводил с собой других писателей и поэтов. Разговоры всегда получались интересными, и молодежь искренне любила эти встречи.

Одна из таких встреч, посвященная Дню Победы, была приурочена к выходу его новой книги «Память о подвиге». Время, когда он пришел в журналистику – 60-е годы – было периодом увековечения памяти о Великой Отечественной войне: открывались мемориалы у Кремлёвской стены, на Мамаевом кургане, в Хатыни, 9 мая стал выходным днем.

Именно в этот период молодежные издания обратились к коренным проблемам военно-патриотического, трудового и нравственного воспитания. Эта тема увлекла молодого журналиста и стала ведущей в его работе. Он говорил: «Вам, молодым, кажется, что вы владеете интернетом, поиском, и вся информация мира у вас на ладони, то есть на одном телефоне, а мы ходили, ездили, встречались с людьми, записывали воспоминания».

В книгу вошли 17 очерков и документальная повесть «Орел умирает в полете». Важно отметить, что здесь нет ни одной вымышленной истории. Все, что написано автором, строго документально. Эти произведения объединены общей нравственной основой – памятью о подвигах наших земляков на фронтах Великой Отечественной войны. Писатель создал образы своих героев такими, какими они остались в памяти их однополчан, родных, друзей и близких, а их боевые подвиги описаны по архивным документам и воспоминаниям фронтовиков.

Следуя позитивным тенденциям современной историографии войны, автор предлагает свою оценку отдельных ее событий. К своим работам он подходил с документальной точностью, что было для нас важно.

Повесть об Ахмет-Хане Таловиче Канкошеве – не просто переиздание, она значительно отличается от варианта 1971 года. Автор, Хачим Кауфов, не ставил целью сухое исследование боевого пути Героя. Он создавал увлекательное произведение, способное захватить читателя развитием событий, убедить эмоциональной глубиной, яркими образами и символами, достоверными фактами и картинками. И при всей своей яркой художественности повесть оставалась строго документальной.

Кауфов знал своего героя настолько хорошо, что рассказывал о нем как о близком друге, которого знал с детства, был вхож в его семью. Чтобы написать эту повесть, публицисту пришлось проделать колоссальную работу. Он не просто «перевернул гору книг», изучая историю войны, мемуары участников боев и видных авиаторов. Ему было важно не только то, что непосредственно войдет в книгу, но и весь контекст событий. Он стремился к полному пониманию не только конкретных фактов, но и всего их окружения.

Для этого Кауфов проштудировал массу технической литературы, изучил лётно-боевые характеристики всех типов самолетов военного

времени, их снаряжение, вооружение и даже состав горючего. И это была лишь часть задачи. На помощь писателю пришли друзья, однополчане, родные и близкие летчика Ахмет-Хана Канкошева.

Автор работал над повестью около тридцати лет, постоянно перерабатывая и дополняя ее новыми сведениями. Представьте, с каким увлечением он преподносил этот материал молодежи, и с каким вниманием его слушали. Они ясно понимали, какой колоссальный труд стоит за созданием документальной повести. За таким произведением стоит не только автор, но и родственники, знакомые и весь народ, чьим представителем является этот Герой. Канкошев был настоящим Героем (Ахмет-Хан Талович Канкошев – летчик-ас, командир авиационного звена 42-го гвардейского истребительного авиационного полка, стал настоящей легендой Северо-Кавказского фронта. Его мастерство и отвага в воздушных боях были отмечены высшей наградой страны – званием Героя Советского Союза. На счету Ахмет-Хана Канкошева – 17 воздушных побед. 14 из них он одержал лично, в одиночку сражаясь с вражескими самолетами, а еще 3 – в составе группы. Каждая из этих побед – это не просто сбитый самолет, это спасенные жизни, это шаг к общей Победе).

Это была ответственная работа. Писатель разыскивал бывших летчиков по всей огромной стране, куда их разбросала послевоенная судьба. В то время мало кто из них знал адреса друг друга. Большую помощь в этом оказали работники архива и Главного управления кадров Министерства обороны СССР. Журналист направил десятки писем по разным адресам, наладив обширную переписку. Он не только получал нужные для книги сведения, но и сообщал своим корреспондентам адреса их боевых товарищей, став на некоторое время источником очень волнительной для них информации. Именно эта переписка послужила началом сердечных встреч ветеранов. Это личная заслуга Хачима Кауфова, и таких личных заслуг у писателя-очеркиста немало.

Писатель не только трогательно рассказывал о своем Герое, но и показывал студентам очень важные копии документов и фотографии из госархива РФ, чтобы они поняли и запомнили: документально-художественные произведения не просто сочиняются – за ними стоит колоссальная и очень кропотливая работа.

В этой книге собраны материалы, ранее опубликованные в республиканских газетах, посвященные 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии. Автор, Хачим Кауфов, будучи молодым журналистом, дважды участвовал в походах по местам боевой славы дивизии в 1966 и 1968 годах. Эти экспедиции приводили в слободу Большая Мартыновка Ростовской области, где летом 1942 года кавалеристы дивизии героически сражались с превосходящими силами противника, преграждая путь к Сталинграду.

Участники походов собрали ценные сведения о подвигах бойцов и командиров, встречаясь с местными жителями, которые рисковали жизнью, помогая раненым и укрывая воинов. Эти воспоминания легли в основу рассказов и очерков, а также художественной повести. Хачим Кауфов, как специальный корреспондент газеты «Советская молодежь», опубликовал множество статей, которые положили начало открытому обсуждению судьбы дивизии, ранее находившейся под негласным запретом. Его работы, включая повести и очерки, рассказывают о короткой, но героической жизни, вере и трагической судьбе воинов 115-й кавалерийской дивизии.

Особое место в книге занимает документальный очерк о перезахоронении останков 33 воинов дивизии. Автор описывает, как с почестями были преданы земле останки героев, как кабардино-балкарская земля смешалась с сальской, символизируя единство народов в борьбе за Родину. Были установлены памятник-обелиск и мемориальная доска с надписью, увековечивающей память о славных воинах. Все эти мероприятия проходили при активном участии молодого Хачима Кауфова. Освещение этой темы в СМИ в 60-е годы и художественное изображение подвига всадников были делом далеко не простым.

Книга «Память о подвиге» содержит строго документированные эпизоды. Автор показывает войну как величайшую трагедию и роковую ошибку человечества, подчеркивая, что почти каждый герой книги погиб на войне или в результате ее последствий.

В книжном магазине на улице Головки в Нальчика мое внимание привлекла новая книга Х. Кауфова с интригующим названием «Вечные странники». Первые же строки поразили своей глубиной: «Ностальгия – томление души, печаль по тому, что когда-то было у человека, составляло главную ценность его жизни, основное его богатство, а теперь ушло, потеряно. Ностальгия, в главном значении, всегда наполнена трагическим смыслом. Это неизбывная тоска по потерянной родине, возврата к которой нет... Ностальгия у целого народа...».

Эти слова отозвались во мне глубоким пониманием, ведь именно такое состояние я наблюдала на протяжении нескольких лет, находясь в творческой командировке за рубежом, в местах компактного проживания адыгов, где собирала материал для докторской диссертации.

Книгу я проглотила практически залпом – за полдня и ночь, чтобы уже на следующий день поделиться впечатлениями со студентами. Это не сухой научный труд и не легкое художественное чтиво, а скорее художественно-документальные очерки. Тем не менее, она сразу же нашла отклик в моей душе, ведь тема книги была мне близка и хорошо знакома: я защитила докторскую диссертацию именно по этой теме и вела специальный курс по адыгскому (черкесскому) зарубежью.

На следующий день я представила книгу всем своим студентам, акцентируя внимание на ее ключевых аспектах: причинах массового исхода горцев, феномене эмиграции, роли и месте кабардино-черкесов в истории и современной жизни стран Ближнего Востока. Я настоятельно рекомендовала им приобрести издание и прочитать его к следующей встрече, которая должна была состояться через неделю. Однако книга оказалась настолько востребованной, что быстро исчезла с полок магазина, и найти ее удалось лишь через автора. К моему удовольствию, почти все мои студенты успели ее прочитать.

Когда мы начали обсуждать прочитанное, каждая студентка (а в наших группах преобладают девушки) вставала и начинала с искренней благодарности автору, выражая желание встретиться с ним и обсудить затронутые темы. Все выступления были выдержаны в одном духе, и, если бы я не знала своих студентов из разных групп и курсов, могла бы подумать, что они заранее договорились. В течение недели мы глубоко погрузились в обсуждение «Вечных странников», и те, кто проявил интерес, договорились о встрече с автором в удобное для всех время.

Писателю понравилась наша инициатива, и мы назначили день. Хачим Хабасович пришел не один, а в сопровождении членов Союза писателей КБР. На встрече также присутствовали преподаватели национального отделения КБГУ.

Встречи с представителями Союза писателей КБР всегда вызывали у студентов живой интерес. Я с теплотой вспоминаю, как они приходили к нам – элегантно одетые и утонченные. Они старались держаться с достоинством, и я хотела, чтобы мои будущие филологи запомнили их именно такими, ведь им предстоит говорить об их творчестве и популяризировать его.

На встрече, посвященной книге, царил оживленная атмосфера. Студенты и приглашенные литераторы буквально выстраивались в очередь, чтобы поделиться своими мыслями о прочитанном. Желающих высказаться было так много, что люди даже не дожидались, пока освободится кафедра, высказываясь прямо с места, чтобы их не опередили.

Я, конечно, ожидала активного обсуждения, ведь мои студенты всегда отличались живостью ума, но такого накала эмоций, такого искреннего вовлечения молодежи в тему, я предвидеть не могла. Книга буквально зажгла их! Было подготовлено более ста вопросов, причем не только по самому произведению, но и касающихся актуальной общественно-политической ситуации в республике. В 2003 году обстановка была действительно напряженной, и двух дней, пожалуй, не хватило бы, чтобы ответить на все. Я пыталась призвать студентов к порядку, напоминая о старших, но их желание высказаться было

настолько сильным, что мои замечания не действовали. Каждый чувствовал, что ему есть что сказать важное, что наболело.

Позже я размышляла о том, почему книга так сильно повлияла на них. Думаю, дело в генетической памяти, в их собственной истории. К тому же, материал очерков был подан автором на понятном и доступном языке, затрагивая именно те темы, которые волновали молодежь, давая необходимый толчок к осмыслению.

Интересно, что книга, написанная более тридцати лет назад, не могла быть опубликована своевременно из-за идеологических ограничений того времени. Первые очерки появились после поездок автора в Сирию, Ливан, Иорданию в 1968 году и в Турцию в 1971-м. Первый вариант книги был готов к печати в 1972 году, но тогдашние выводы автора о Кавказской войне и переселении горцев в Турцию расходились с официальной наукой и политикой. Писателю удалось опубликовать лишь отдельные фрагменты в прессе. Об этом и многом другом подробно рассказал сам автор, а присутствовавшие литераторы также высоко оценили произведение, отметив, насколько подготовленной и сильной оказалась молодежь на кабардинском отделении.

Тридцать лет назад эта книга вряд ли получила бы такой отклик. Тогда мы знали свою историю гораздо меньше, особенно обстоятельства насильственного выселения части горцев в Османскую империю.

На этой же встрече книга «Вечные странники» была представлена на соискание республиканской премии. К сожалению, премию по литературе тогда отменили. Но книга не осталась незамеченной, получив широкий резонанс: ее читали, о ней писали и говорили. Хотя все произведения Хачима Кауфова пользуются популярностью, именно «Вечные странники» считаются его самым значимым и известным произведением.

Хачим Кауфов – имя, которое мои студенты приносили с особым трепетом. Встречи с ним были для них не просто лекциями, а настоящими событиями, оставляющими глубокий след в памяти. Каждый год кто-то из моих подопечных выбирал его творчество для своей выпускной работы, и это было не случайно. В течение учебного года мы не только изучали его произведения, но и имели уникальную возможность лично общаться с писателем. Эти встречи переросли в настоящую дружбу: молодежь приходила к нему в Союз писателей, чтобы получить совет по вопросам родной литературы, показать свои исследования. Он был для них не просто автором, а наставником и другом.

После себя Хачим Кауфов оставил бесценное наследие: уникальное собрание архивных документов, писем, воспоминаний, фотографий. Это не просто коллекция, это вся его жизнь, воплощенная в

материалах, которые, я искренне надеюсь, будут бережно сохранены для будущих поколений.

Жизнь Хачима Кауфова была неразрывно связана с общественной деятельностью. Он был членом правительства республики, избирался в КБ обком КПСС, был депутатом Нальчикского Совета, членом Совета Советского общества «Родина», членом правления и секретарем Союза писателей России. Его вклад в развитие культуры и общественной жизни был отмечен множеством наград: Почетной грамотой Президиума Верховного Совета КБАССР, грамотами Гостелерадио СССР, дипломами различных ведомств, а также общероссийскими знаками «Четвертая власть. За заслуги перед прессой» и «300 лет российской прессы». Ему было присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

С Хачимом Кауфовым нас связывали не только профессиональные, но и личные узы. Мы родом из одного села – Дугулубгей, жили на соседних улицах, хотя и не пересекались там из-за разницы в возрасте. Наше знакомство состоялось уже в стенах КБГУ, когда я стала преподавателем. Моя бабушка по отцу была Кауфова, и их предки – Хачима и моей бабушки – были близкими родственниками. Я с детства знала, кто такой Хачим Кауфов, и всегда испытывала к нему глубокое уважение.

Все, что написал Хачим Кауфов, читается как одна большая, пронзительная книга о войне. Он сам был родом из войны, и у него были свои, личные счеты к ней. Летом 1942 года, когда немецкое наступление застопорилось на левом берегу Баксана, снаряд, упавший во двор Хачима, унес жизнь его 25-летней матери. Отец был на фронте. Первая кровь, которую увидел Хачим, была кровь его матери. Эта трагедия не отпустила его до конца жизни.

Вместе с сестрой он вырос у бабушки и дедушки. Их дом стал для него первым университетом, где он слушал рассказы деда о жизни адыгов, песни об адыгских наездниках – народных героях, друзьях и сверстниках деда. Долгими зимними вечерами, сидя у очага, он впитывал мудрость и историю своего народа. Он всегда с любовью вспоминал этих стариков, был счастлив, что застал их, что рос рядом с ними: «Это были необыкновенные люди, последнее поколение настоящих горских стариков – обломок патриархального Кавказа».

В школьные годы, когда на уроках литературы изучали кавказские произведения русских классиков, Хачим Кауфов не мог молчать. Он смело вступал в жаркие дискуссии с учителями, шокируя их своими рассказами о Кавказской войне – теме, о которой тогда предпочитали умалчивать. Его принципиальность проявлялась и в другом: он писал стихи на родном языке, несмотря на то что его положение в то время было весьма незавидным. За это его прозвали «националистом».

Уверенный в своей правоте, юный Хачим не поддавался давлению ни учителей, ни директора школы, которые пытались его унять. В итоге, его не допустили к выпускным экзаменам, и он потерял целый год. Однако это не сломило его. Через год он всё же получил аттестат зрелости и поступил в университет, ничуть не изменив своих взглядов на жизнь. Таким он был всегда – с сильным характером, который был дан ему от рождения и закалён жизненными испытаниями.

Хачим Кауфов оставил после себя богатое литературное наследие. Он был автором замечательных стихов, а его критические статьи о таких выдающихся деятелях кабардино-черкесской литературы, как Али Шогенцуков, Алим Кешоков, Нури Цагов, А.-Г. Кешев, и многих других (более 150 работ), написаны блестяще. Именно Хачим Кауфов, как никто другой, сумел определить достойное место Кешокова в поэзии. Его публикации в различных изданиях стали ценными документами по истории Кабардино-Балкарии, а всё творчество Хачима Кауфова по праву вошло в золотой фонд кабардино-черкесской литературы.

Хачим Кауфов скоропостижно скончался 13 декабря 2019 года, не дожив до 79 лет. Он был похоронен в родном селе Дугулубгей, рядом со своими близкими.

Жизнь и творчество Хачима Кауфова – писателя, историка и журналиста – оставили яркий след в культуре Кабардино-Балкарии. В знак глубокого уважения к его заслугам и для сохранения памяти, предлагается установить мемориальную доску на доме, где он жил и творил. Это станет важным шагом в сохранении нашего общего культурного наследия.

ДАР, ОЗАРЕННЫЙ СОЛНЦЕМ

С пятого класса я участвую в различных конкурсах чтецов, пишу сочинения, эссе. Признаюсь честно, на этот раз несколько дней переживала, не зная, с чего начать свое сочинение: почему-то испытывала особое волнение, чувствуя большую ответственность перед теми людьми, о которых собираюсь рассказать. И в то же время очень обрадовалась тому, что представился случай написать о людях, которые так дороги моим родственникам.

С детства я слышала рассказы, воспоминания моей тети Афашоковой Нафисат, дяди, Афашокова Ахмата, о первой учительнице, стоявшей у истоков создания школы в моем селе Былым в 30-е годы. Еще раз поговорив с родственниками и выслушав их воспоминания о любимой учительнице русского языка и литературы Наталье Михайловне Самецкой, я подумала о том, что мы часто ищем в жизни известных, выдающихся людей, какие-то особенные события, сделавшие их таковыми, но забываем, что все начинается с детства, с учителя...

30-е годы в с. Былым...

Женщины в своих подолах таскали камни для того, чтобы построить школу, которая стоит и сейчас. Строили всем селом. И вот ученики за партами. Афашокова Нафисат, которой сейчас за 80 лет, вспоминает урок русского языка: «Первый урок в третьем классе. Входит Наталья Михайловна... Десятки пар озорных, живых, внимательных глаз устремлены на неё. Поприветствовав учителя, мы сели... Она сказала, что будет учить нас русскому языку, на котором мы будем изучать физику и географию, историю и естествознание, и что поведет нас по дорогам жизни... Но не успела Наталья Михайловна сказать и двух предложений, как один из мальчуганов, Кулиев Магомед, поднялся и сказал: «Наш русский не понимает...»

Наталья Михайловна запнулась на полуслове и умолкла. Сейчас уже мы понимаем, что, наверное, в голове у неё пронеслись тяжёлые мысли: «Что делать? Как быть?.. Я не могу найти выхода. Я падаю в бездну и нет возможности удержаться...» Уже когда мы были взрослыми, Наталья Михайловна призналась, что выручил совет коллеги, данный ранее: «Если ребята не знают русского языка, то заучивайте окружающие вас предметы, а потом переходите и на разговорную речь». И я вспомнила её совет, который вывел меня из трудного положения, придал сил. Далее Нафисат вспоминает, как она подошла к первому сидящему за партией ученику и, указывая на себя пальцем, сказала: «Наталья Михайловна». Тут же указала на него пальцем и спросила: «Как тебя зовут?» Он встал и ответил: «Исса». Учитель с облег-

чением вздохнула, чувствуя, что он её понял, спросила второго, третьего... Успокоившись и приходя в себя, пошла по рядам, слушая ответы: «Зухра, Магомед, Ибрагим, Нафисат, Мажит...» Когда последний ученик назвал свое имя, Наталья Михайловна указала пальцем на окно, дверь, стол, стул, парту, руку, голову, нос, ухо... Повторяя за ней, называя каждый предмет по-русски, мы с большой охотой и старанием произносили так, как говорила учительница. Прошло время, и мы стали разговаривать, читать и писать на неизвестном нам до сего времени русском языке. Но это пришло не скоро, добилась этого Наталья Михайловна не просто. В этом любимой учительнице, уже с пятого-шестого класса, помогали и мы сами. В каждом классе находились ученики, которые, хотя и плохо, но разговаривали по-русски, и они были помощниками в изучении русского языка.

«...Шли дни и недели в напряженном труде. Заканчивались классные занятия, после уроков не было свободного времени; Наталья Михайловна проводила кружковое занятие по выразительному чтению: читали стихи Пушкина, Лермонтова, рассказы Тургенева, выпускали стенгазету, помогали отстающим. Помню хорошо (может, потому что русский язык и литературу я очень любила), как Наталья Михайловна в третьем и четвертом классах поощряла тех, кто выразительно читал стихи: мы становились на стул и, как за трибуной, читали Пушкина, Некрасова. Нас охватывало такое чувство гордости от того, что, встав на стул перед классом рядом с учителем, можешь читать выученное наизусть стихотворение. Заслужить такое поощрение старались все, но получалось, конечно, не у каждого. В нашем классе, – вспоминает Нафисат, – лучше всех учился Кулиев Магомед, и вместе с ним я проводила торжественные линейки на русском языке! Благодаря моей учительнице русского языка и литературы, я свободно и грамотно общалась с коллегами в Москве на ВДНХ. Большое спасибо Наталье Михайловне за доброту и труд!»

С трепетом, любовью и уважением вспоминает Наталью Михайловну и дядя, Афашоков Ахмат: «Добрая, сдержанная, человечная, на уроках у неё всегда был спокойный и тихий голос».

В тот момент, когда дядя говорил о своей учительнице, меня поразило то, с каким глубоким уважением, с нескрываемой любовью и трепетом он вспоминал о ней. И, честное слово, я подумала, что ради таких слов стоило и жить, и работать, оставляя за собой добрый след! Вот где не «бесцельно прожитые годы» человеком, так глубоко любящим «чарующий русский язык».

Моему дяде около девяноста лет. Помню, несколько лет назад, обращалась к нему с просьбой, чтобы он написал о том, как с Афашоковым Сулеменом Муссаевичем и Мурачаевым Аубекиром они стояли у истоков строительства нашего села. Меня поразило то, насколько грамотно (в таком возрасте!) он все написал. А почерк! Заметив мое приятное удивление, дядя сказал: «Это благодаря Наталье Михайловне!» А с тех пор прошло восемьдесят лет! Дядя говорит, что Наталья Михайловна

приехала в Былым по направлению, и не одна, а с супругом Григорием Саввичем. Он был директором школы.

Не только из учебников истории, но и со слов дяди, я знаю о том, что тогда были тяжкие для всех, голодные годы. Родители их умерли, и четверо детей остались одни. Воспитывал детей старший брат, которого вскоре забрали в армию. Дядя остался с сестрами. Наталья Михайловна специально для них готовила еду и кормила почти каждый вечер. Достатка тогда ни у кого не было. Семья делилась последним. Она – не только учитель, глубоко любящий русский язык, а еще Человек с большой буквы, с глубоким чувством добра и милосердия. Не зря дядя сказал о чете Самецких: «Достойные люди!» Далее дядя вспоминает, что после окончания семилетки Григорий Саввич с Натальей Михайловной устроили для детей выпускной вечер: «Поехали на бричке в районный центр, купили конфет и сладких булочек к чаю, что являлось для нас пределом мечтаний. Этот вечер я запомнил на всю жизнь!»

Дядя говорит, что выпускники Самецкой, после школы продолжали учиться дальше и уверенно шли по жизни, потому что они хорошо знали не только русский язык, но были приспособлены к жизни. В одну из своих зарплат Григорий Саввич с Натальей Михайловной купили фотоаппарат «Фотокор» и активно занялись фотографией. В школе стали выпускать «Литературную газету», где освещались занятия кружков. Это сыграло большую роль в эстетическом воспитании моих одноклассников и привитии любви к русскому языку. Наши первые учителя не искали «теплых мест», а горбушку хлеба и ту делили пополам. Да что там, порой и её не было. Но мы, наша семья выжила, благодаря их заботе и любви. Благодаря Наталье Михайловне, сегодня я помогаю внуку заучивать стихи Пушкина и Кулиева, Лермонтова и Кешокова, и не только учить наизусть, но и читать грамотно и выразительно. Ахматов Ханафи, мой одноклассник, стал учителем и почти пятьдесят лет проработал в школе; Кулиев Магомед занимал руководящий пост в г. Тырныауз; Афашокова Нафисат – кавалер ордена Ленина; Афашоков Муталип – главный конструктор на заводе.

Вот такой неизгладимый след оставили Самецкие после себя! И еще раз мы убеждаемся в том, что труд учителя, как, пожалуй, никакой другой, проверяется временем. Посеянное сегодня, дает плоды через десятки лет. В этом его особенность. И самая высшая награда ему – память тех, кого когда-то он учил видеть мир и его красоту.

Народная мудрость гласит: «Учитель входит, как в землю дождь, в своих учеников». После беседы с Нафисат и Ахматом Афашоковыми я убедилась в том, что эта народная мудрость о таких учителях, как Самецкие. Да, время – лучший судья. И оно безапелляционно, навсегда осудило тьму, невежество и нужду. Восторжествовал свет, благодаря таким учителям, как Самецкие, которые из года в год не только учили русскому языку, но и передавали лучшие свои качества питомцам.

Готовясь к сочинению, в библиотеке я нашла статью о Наталье Михайловне. Меня тронула беседа, которая состоялась между Ибрагимом Жазаевым и Самецкой уже после Великой Отечественной войны:

– А помните, Наталья Михайловна, сколько вы возились, обучая меня русскому языку? Да разве только со мной?! До сих пор помню:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом.
Что ищет он в краю далеком?
Что кинул он в краю родном?..*

Спасибо вам! Я часто бросал школу из-за того, что жили впроголодь. Прятался, когда вы приходили к нам домой. А вы находили меня и говорили: «Пойдем, Ибрагим, в школу, поучим русский язык, почитаем сказки, ведь ты их так любишь слушать». Не дожидаясь моего ответа и согласия, брали меня за руки и уводили. В квартире вы сразу давали мне кусок хлеба, намазанный маслом и говорили: «На, Ибрагим, ешь, уроки выучим после». Вы, как мать, вывели меня в люди. Если бы я не знал русского языка так хорошо, что было бы со мной – не знаю. А сейчас я специалист с высшим образованием. Это результат вашего труда. Или перед началом урока вы всегда говорили нам: «Дети, пойдёмте советоваться с Пушкиным, Чеховым, Горьким». Сколько человеческих душ вы сформировали! Воспитывая любовь и внимательное отношение к языку, вы знакомили нас с русской классической литературой, с творчеством людей, владеющих искусством слова. Вы, Наталья Михайловна, научили нас видеть мир и через книгу. Шагнув во взрослую жизнь, благодаря вам, мы не растерялись, а нашли в ней свое место!»

...Если я не знала, как начать свое сочинение, я знаю, как его закончить: «Образ Натальи Михайловны, как учителя русского языка и как человека вообще, дает мне право утверждать, что даже одна личность может сыграть огромную роль в судьбе страны и, как яркая комета, оставить неизгладимый след на Земле!» У. Черчилль сказал: «Школьные учителя обладают такой властью, о которой премьер-министры могут только мечтать!» Наверное, у него была такая учительница, как наша Наталья Михайловна Самецкая.

Информаторы:

Афашоков Ахмат Тамбиевич, 1925 года рождения. Родился в с. Былым, учился в родном селе и по сей день проживает в нем.

Афашокова Нафисат Бийбертовна, 1926 года рождения. Родилась в с. Былым, училась и по сей день проживает в родном селе.

Информаторы являются родственниками и соседями.

«МОЯ ВЕСНА ИГРАЛА НА СВИРЕЛИ...»

«В сердце народа
Себя отразив,
Вечно Кайсын
Для Балкарии жив».

А. Созаев

«Мы – горской песни два крыла...»
А. Кешоков К. Кулиеву.

«Кайсын – гений,
Кайсын – настоящий философ».

Тофик Кулиев

«...На свете всё пройдет,
Но что-то в мире вечно...»

К. Кулиев

В одной из своих статей В. Г. Белинский точно определил значение поэзии: «...Развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности». И тем больше гордости чувствуешь за нашу национальную культуру, что эти слова могли быть сказаны о поэзии Кулиева. Есть поэты, которые сопровождают тебя всю жизнь. Они дышат с тобой одним и тем же воздухом, терзаются теми же сомнениями, сияют от тех же радостей. Их стихи читаешь с жадностью: они всегда с нами.

Вот и этой весной мы со своей учительницей читали стихи Кайсына на природе в Кала-Коле, недалеко от нашего села Былым. В тот день всего было вдоволь – и речей, и стихов, а мне чудилось, что издали голосом Кайсына обращались к нам горы, реки и ущелья. Любуясь красотой этих мест, я вдруг увидела цветок, выросший на скале, и замерла на миг. В памяти ожили стихи Кайсына:

На каменной скале
В моей родной теснине
Цвел издавна цветок,
Цветок цветёт и ныне.

Семь лепестков его
Еще в те дни горели,
Когда моя весна
Играла на свирели.

И я снова подумала: «Кайсын с нами везде...» В образе мамы, в журчании ручья, который течёт рядом со мной, в замшелых облаках скал, в колючих кустах облепихи, в запахе молока и хлеба. Слово поэта, заключившее союз с музыкой, проникает в душу, как луч солнца, и доносится звук одинокой свирели.

И мнится мне: года
Ещё не пролетели,
И юность, как тогда,
Играет на свирели.

Ведь не случайно говорят: поэзия и музыка – две сестры, которые дополняют друг друга (творения Кайсына и сегодня волнуют многих композиторов разных народов).

Цветок, выросший на скале у нас в Кала-Коле, слова К. Кулиева:

Цветок родной земли!
Меня спасти ты властен,
От горя и любой
Прижизненной напасти –

напоминают мне одну китайскую притчу, которую рассказала наша учительница на вечере, посвященном творчеству К. Кулиева. Эта древняя китайская притча – о человеке, за которым погнался тигр. В страхе несчастный выбежал на край обрыва и сорвался вниз. Но на дне ущелья его поджидали еще два тигра. В последнее мгновение перед падением его рука судорожно сжала тонкую ветку, и на долю секунды человек завис над пропастью. И вдруг он увидел цветок, выросший в расщелине голой отвесной скалы. «Красота-то какая!» – невольно воскликнул герой притчи и полетел вниз. Но уже без страха. Что утешило человека перед неминуемой гибелью? Что привело его дух к спокойствию, гармонии с миром, когда он должен был расстаться с самым дорогим – жизнью? Древние китайцы отвечали: красота.

Как и герой древней китайской притчи, Кайсын открыто восхищается красотой цветка:

Цветок опять цветёт,
Как бы твердя беспечно:

На свете всё пройдет,
Но что-то в мире вечно.

Поэзия Кулиева учит нас быть более восприимчивыми по отношению к миру, учит сострадать, заставляет задуматься о том, что у любого живого существа есть корни и душа, помогает легче переносить и преодолевать трудности жизни.

Она утвердила нас в мысли, что жить нужно в уверенности, что лучшее еще впереди:

Пусть же вечно, как издревле,
Радует весны приход
Реки, ручейки, деревья,
Всё, что на земле живет.

Каждый раз, читая стихи Кайсына, я открываю для себя явление подлинной человечности. Он вобрал в себя весь подлунный мир. Только Кайсын мог позволить себе сотворить поэзию из осколка месяца, плещущегося в воде, из живительного дождя, веточки алычи...

Осенью в Былые мы с дедушкой бродили по тем местам, где они жили до войны. Садимся под дерево, которое росло отдельно на холме. И вот снова Кайсын Кулиев:

Ты было б совершенно одиноко,
о дерево, когда б не тень твоя,
но нужно небо и луны немного,
чтоб выжить ночью, друга сотворя.

Ты безутешно полночью безлунной:
и тени нет, пустая ночь темна.
Ты тщетно ждешь: какой же ствол безумный
покинет лес, чтоб навестить тебя?

Вместе с поэтом я слышу «безмолвный голос» одинокого дерева:

Днём у тебя в гостях то я, то птица,
а ночью ты слагаешь плач ветвей.
Прошу луну – пусть выйдет и продлится,
чтоб тень твоя всегда была твоей.

И здесь трепетная, чуткая и отзывчивая природа поэта. Кайсын везде. Моя мама рассказывала, что в столице при нашем упоминании

о Кабардино-Балкарии москвичи восклицали: «А, Кайсын Кулиев!» Его знают известные всему миру деятели культуры и искусства. Кайсын объездил почти весь мир. Но где бы он ни был, ни разу не забыл о своём Чегеме, о величавом Эльбрусе, о своем гордом народе. Он живет в каждом из нас.

Кайсын Кулиев помогает мне понять Балкарию и мир. За это, как и за многое другое, я почитаю его.

Некогда Гюго говорил о Вольтере: «Каким было его оружие? Оно легко, как ветер, оно сокрушает, как молния». Это относится и к Кайсыну.

Вы не плачьте в день моей кончины,
Поглядите на громады скал.
Я любил безмолвные вершины,
Потому что боль их понимал.

...Не горюйте, что ушел до срока,
Но, порою, видя в окнах свет,
Думайте, что за одним из окон
Я сижу и мне скончанья нет.

Общественный совет и редакционная коллегия журнала «Литературная Кабардино-Балкария» объявляют творческий конкурс, посвященный «Году единства народов России». Конкурс призван способствовать росту профессионального мастерства авторов, выявлению и популяризации произведений, благотворно влияющих на эстетическое и нравственное сознание общества.

Принимаются оригинальные прозаические и поэтические произведения литераторов нашей республики – всех категорий и возрастов. Рассматриваются рукописи, ранее не опубликованные в других изданиях и поступившие в редакцию «ЛКБ» до 26 сентября в электронном виде. Победители конкурса (три первых места в жанровых категориях) будут отмечены денежными призами.

Отбор и оценку текстов проведет экспертная комиссия, в составе которой профильные специалисты в области литературоведения, обществознания, поэты и прозаики – члены Союза писателей России.

Адрес эл. почты журнала «Литературная Кабардино-Балкария»:
literaturnayakb@mail.ru

В номере:

Танзиля Зумакулова. Мы навеки объединены... <i>Стихи</i>	2
Зураб Бемурзов. Мужской дом. <i>Гл. из романа</i>	15
Роза Агоева. <i>Переводы стихов Л. Загаштоковой, А. Бадаляна, М. Биджиева, И. Юсупова, И. Эсмурзиева, Б. Димитрова, А. Кардаш, А. Ханфенова, Э. Ашурбековой, Г. Узбековой, С. Моттаевой, К. Джегутанова</i>	48
Наталья Шинкарева. Огурцы с медом. <i>Рассказ (предисловие М. Хакуашевой)</i>	57
Исмаил Бейтуганов. Мать солдата. <i>Поэма (перевод Н. Поповой)</i>	79
Айза Кучмезова. Коробка конфет. Папа Паша. Гитара... <i>Рассказы</i>	92
Иван Еремеев. <i>Стихи</i>	106
Альберт Узденов. <i>Стихи (перевод А. Пряжникова)</i>	116
Тамара Гуртуева (<i>предисловие Л. Маремкуловой</i>). «Цвет времени...». «Судьба темна... и время появиться двойнику». <i>Статьи</i>	125
Джамбулат Кошубаев. <i>Стихи</i>	133
Людмила Шауцукова. Постмодернистская полифония... <i>Статья</i>	146
Касболат Дзамихов. Вековой путь... <i>Статья</i>	153
Лариса Маремкулова. Первым всегда нелегко. <i>Интервью</i>	166
Зера Бакова. Хачим Кауфов: голос эпохи, хранитель памяти. <i>Статья</i>	172
Мариям Тебердиева. Дар, озаренный солнцем. <i>Очерк</i>	182
Зулихат Афашокова. «Моя весна играла на свирели...» <i>Статья</i>	186

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 27.02.2026. Подписано к печати 03.04.2026.
Выход в свет 28.04.2026. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.

Тираж 700 экз. Заказ №769. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 106,02 руб., за 6 мес. – 318,06 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-25-81,
редакторы – 42-75-22,
сайт: smikbr.ru/lkb,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а.

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

«Общество книголюбоб» Кабардино-Балкарии

